

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5

Выпуск (873)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

5
Issue (873)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 5(873)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 5 (873)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmarina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики) БОНДАРЧУК Г. Г., ГРАЧЕВ Г. В.	9
Номинация отраслей права в английском и русском языках: переводческий аспект БОРИСОВА Л. А.	16
Креолизированный текст официального Telegram-канала сухопутных войск Италии как средство рекламы БОРИСОВА Е. С., АРСЕНТЬЕВА С. В.	23
Отражение полинезийских лингвокультур в морском фольклоре ГАЛАКТИОНОВ С. С.	30
Лингвокогнитивные аспекты поэтического слова в российской молодежной поэзии (на материале цикла стихотворений «More» Е. В. Антроповой) ГУСЕЙНОВА И. А.	36
Негативная вежливость в немецкоязычной онлайн-коммуникации (на примере Reddit) ИМБЕР С. Ю.	45
Языковая и культурная полифония мегаполиса в жизни и на экране (на материале телесериала BBC EastEnders) КАЗАК Е. А.	53
Динамика выстраивания партнерских взаимоотношений (на материале кинодискурса телесериала «Элементарно») КОМАЛОВА Л. Р.	60
Немецкоязычная православная листовка: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты МИЛЕЕВА О. А.	68
«Пушкинское слово» в американском романе: «Золотые ворота» В. Сета НЕСТЕРОВА Н. М., СОБОЛЕВА О. В.	77
Интерпретация текста как основа формирования эвокативности ОВСЯННИКОВА А. А.	86
Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие ОПАРИНА Е. О.	94
Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект РЯБУХИНА (РАШИНА) А. А.	100
Полиmodalная эвфемизация в кинокомедии как когнитивно-дискурсивный феномен СЕРОЗЕЕВА Д. Н.	107

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема перевода чэньюй с китайского на русский язык в свете теории лакун ЧЖАН ВЭЙ.....	115
Полиmodalная метафора в видеорекламе: способы трансляции национально-культурной информации ЧЖАН ЛИЮАНЬ	122
Системно-функциональные характеристики новостной информации в китайских и российских интернет-порталах ЮАНЬ МИНЦИН	130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Два подхода к средневековой поэзии: редакторские концепции антиквариев XVIII-XIX веков КОЛОСОВА Е. И.	139
Данте в эпоху «хорошего вкуса»: диспут между Саверио Беттинелли и Гаспаро Гоцци ЛОЗИНСКАЯ Е. В.	146
Образ мигранта в современной русскоязычной художественной прозе РАРЕНКО М. Б.	153

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Наследие советской игровой культуры КОРОВНИКОВА Н. А.	160
Семиотика городского ландшафта. Памяти профессора Пьера Пеллегрино ЛАВРЕНОВА О. А.	168

LINGUISTICS

Object Names as Carriers of Additional Semiotic Information (based on English everyday vocabulary) BONDARCHUK G. G., GRACHEV G. V.	9
Designation of Areas of Law in English and Russian: Translation Aspect BORISOVA L. A.	16
Creolized Text of the Official Telegram Channel of the Italian Ground Forces as a Means of Advertising BORISOVA E. S., ARSENTEVA S. V.	23
Representation of Polynesian Linguacultures in Maritime Folklore GALAKTIONOV S. S.	30
Linguistic and Cognitive Aspects of the Poetic Word in Russian Youth Poetry (analysis of a series of poems «More» by E. V. Antropova) GUSEINOVA I. A.	36
Negative Politeness in German Online Communication on Reddit IMBER S. YU.	45
Linguistic and Cultural Polyphony of the Megapolis in Life and on the Screen (BBC TV Series EastEnders) KAZAK E. A.	53
The Dynamics of Partnership Construction (on the basis of cinematic discourse of “Elementary” TV-series) KOMALOVA L. R.	60
German-Language Orthodox Flyer: Linguoculturological and Linguopragmatic Aspects MILEEVA O. A.	68
“Pushkin’s Word” in the American Novel: “Golden Gate” by V. Seth NESTEROVA N. M., SOBOLEVA O. V.	77
Interpretation of the Text as the Basis for the Formation of Evocativeness OVSYANNIKOVA A. A.	86
Culture Codes in Language: Range of Functioning and Development OPARINA E. O.	94
Gesture Behavior when Generating an Ironic Statement: Gender Aspect RYABUKHINA (RASHINA) A. A.	100
Multimodal Euphemisation in Comedies as a Cognitive and Discourse Phenomenon SEROZEEVA D. N.	107
The Problem of Translating Chengyu from Chinese into Russian in the Light of the Lacuna Theory ZHANG WEI	115

CONTENTS

Multimodal Metaphor in Video Advertising: National Cultural Cues Transfer Modes	
ZHANG LIYUAN	122

Systemic-Functional Characteristics of News Information in Chinese and Russian Web-Portals	
YUAN MINGQING	130

LITERARY STUDIES

Two Approaches to Medieval Poetry: Antiquarians' Editorial Practices in the 18 th –19 th Centuries	
KOLOSOVA E. I.	139

Dante in the Age of «Good Taste»: a Dispute between Saverio Bettinelli and Gasparo Gozzi	
LOZINSKAYA E. V.	146

The Image of a Migrant in Modern Russian-Language Fiction	
RARENKO M. B.	153

CULTUROLOGY

Legacy of Soviet Gaming Culture	
KOROVNIKOVA N. A.	160

Urban Semiotics. In Memory of Professor Pierre Pellegrino	
LAVRENOVA O. A.	168

Научная статья

УДК 81.11

DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики)

Г. Г. Бондарчук¹, Г. В. Грачев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹bondarchuk.gal@yandex.ru, ²georgegrachev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль предметных имен из сферы английской обиходной лексики – членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» – как носителей дополнительной семиотической информации в семиотически маркированных ситуациях. Подчеркивается роль языка в возникновении подобных ситуаций. Кратко описывается процесс становления семиотического характера наименований питания и одежды в английском языке. Высказанные положения иллюстрируются примерами из англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: лингвистическая семиотика, семиотически маркированная ситуация, семиотически маркированный объект, коды предметов потребления, лексическая категория

Для цитирования: Бондарчук Г. Г., Грачев Г. В. Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

Original article

Object Names as Carriers of Additional Semiotic Information (based on English everyday vocabulary)

Galina G. Bondarchuk¹, Georgiy V. Grachev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹bondarchuk.gal@yandex.ru, ²georgegrachev@gmail.com

Abstract. The role of object names in the sphere of English everyday vocabulary – members of the categories “Nutrition” and “Clothing” – as carriers of additional semiotic information in semiotically marked situations is considered. The role of language in recognizing such situations is emphasized. The process of formation of the semiotic character of food and dress names in the English language is briefly described. The stated provisions are illustrated with examples from English-language fiction.

Keywords: linguistic semiotics, semiotically marked situation, semiotically marked object, commodity codes, lexical category

For citation: Bondarchuk, G. G., Grachev, G. V. (2023). Object Names as Carriers of Additional Semiotic Information (based on English everyday vocabulary). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени в центре внимания исследователей разных областей находятся семиотические проблемы, и очевидно, что значение таких исследований с развитием человеческого общества всё возрастает. Одна из причин видится ученым в том, что современный «человек живет не только в реальном мире, но в такой же, если не большей степени, в мире знаков и символов, в которые он же сам заключает информацию об окружающем мире» [Казанский, Цивьян, 2004, с. 63]. По справедливому замечанию Ю. С. Степанова, «семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений» [Степанов, 1983, с. 5]. Можно констатировать, что в настоящее время возрастает значение семиотики, в том числе, и для научных работ в области языка и литературы.

Как известно, среди всех знаковых систем выделяющиеся ученые всегда выделяли язык как чрезвычайно важную и самую коммуникативно-значимую систему знаков. Так полагал Ф. де Соссюр, подчеркивая, что «nothing is more appropriate than the study of languages to bring out the nature of the semiological problem» / *нет ничего более подходящего, чем изучение языков, для выявления природы семиологической проблемы*¹ [Saussure, 1983, с. 16]. Роман Jakobson утверждал, что «language is the central and most important among all human semiotic systems» / язык является основной и наиболее важной среди всех человеческих семиотических систем [Jakobson, 1990, с. 455]. По мнению Э. Бенвениста, «language is in the interpreting system (interpretant) of all other semiotic systems» / *язык входит в систему интерпретации (интерпретанту) всех других семиотических систем* [Benveniste, 1981, с. 18], а Клод Леви-Стросс писал, что «language is the semiotic system *par excellence*; it cannot but signify, and exists only through signification» / *язык – это семиотическая система по преимуществу; он не может ничего не обозначать и существует только через означивание* [Lévi-Strauss, 1972, с. 48].

СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ СИТУАЦИИ И СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Настоящее исследование, проводимое в русле лингвистической семиотики, непосредственно

связано с проблемой изучения связи смысла вещей (т. е. их семиотической роли в жизни) с их языковым воплощением – вопрос, который впервые поставила Е. С. Кубрякова и ввела для решения данной задачи новые понятия *семиотически маркированной ситуации* и *семиотически маркированного объекта*.

При этом, по мнению Е. С. Кубряковой, распознавать семиотически маркированные объекты и ситуации нам позволяет и помогает именно язык: «Роль языковых знаков во всех этих явлениях настолько велика, что о многих из них мы бы вообще не знали – доступ к ним осуществляется через их языковые описания, через их разъяснения, содержащиеся в языковых текстах и дискурсе (т. е. в актах коммуникации и фиксации их результатов в вербальной форме). О семиотически маркированных объектах и ситуациях мы тоже узнаем из соответствующих описаний...» [Кубрякова, 2005, с. 97].

В качестве материала исследования выступают английские предметные имена – анализируются семиотические функции членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» в произведениях современной англоязычной художественной литературы, где часто встречаются семиотически маркированные ситуации, понимание которых требует инференции, т. е. семантического вывода. Другими словами, изучаемые лексические единицы часто выступают носителями дополнительной семиотической информации, поскольку авторы произведений активно их используют, в частности, для имплицитной оценочной характеристики персонажей и элементов сюжета.

Выбор предметных имен в качестве объекта исследования не случаен. Известно, что предметные имена в большинстве случаев являются средством лексической номинации физических объектов повседневной реальности, их денотаты содержат информацию о физических свойствах данных объектов. Однако окружающие людей предметы настолько тесно связаны с различными аспектами жизни человека, что в концептуальной картине мира возникают виртуальные связи между конкретными предметами и абстрактными характеристиками жизни людей: их социальным статусом, стилем жизни, идеологическими установками, политической ориентацией и т. п. Таким образом, предметные имена часто несут значимую семиотическую нагрузку. В терминах когнитивной лингвистики мы связываем семиотическую функцию предметных имен с глубинными структурами общего знания (shared knowledge), которые не входят в лексическое значение, но являются комплементарными ему. В ментальном лексиконе такие структуры знаний являются глубинными

¹ Эд. и далее перевод наш. – Г. Б., Г. Г.

семантическими структурами, неотъемлемыми от денотативного значения.

Неслучайно ученые, работающие в русле современной лингвистической семиотики, пытаются определить коды и не выраженные словами правила и ограничения, которые лежат в основе создания и интерпретации значения внутри каждого кода. Например, Д. Чандлер (David Chandler), подразделяя все коды на социальные (social codes), текстуальные (textual codes) и интерпретирующие (interpretive codes), в группе социальных кодов, наряду с вербальным языком (verbal language), телесными кодами (bodily codes) (внешность человека, выражение лица, взгляд, жесты и т. д.), поведенческими кодами (behavioural codes) (протоколы, ритуалы, игры, исполнение роли), выделяет товарные коды, или коды предметов потребления (commodity codes) (моды, одежда, легковые автомобили). При этом он поясняет: «Мы сообщаем (communicate) о типе своей социальной личности (social identity) посредством работы, которую мы выполняем, того, как мы говорим, *через одежду, которую носим*, нашу прическу, *то, как и что мы едим*, через домашнюю обстановку и вещи, которые нас там окружают, то, как мы проводим свободное время, то, как мы путешествуем, и т. д. Использование языка является ключевым маркером социальной личности»¹ [Chandler, 2007, с. 153].

О ВАЖНОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СИТУАЦИЙ (из истории вопроса)

Не вызывает сомнения тот факт, что понимание сложного художественного текста, встречающихся в нем семиотически маркированных ситуаций, требует от читателя подчас значительных фоновых знаний о культуре и социальной истории общества, говорящего на конкретном языке, в данном случае – на английском.

Обращение к историческим исследованиям вопроса о семиотической роли предметной лексики свидетельствует о том, что в ходе социально-исторического развития общества семиотическая функция предметов быта, в частности, одежды и питания, не только осознавалась властью предержащими, но данному аспекту жизни общества придавалось большое значение.

Так, статус одежды как знака принадлежности к определенному социальному классу власти пытались закрепить официально, в законодательном порядке, что было, видимо, одной из мер,

дававшей им возможность сохранять статус-кво в обществе для поддержания своей власти.

Неслучайно в Англии, начиная со Средневековья, издавались законы, строго регламентировавшие, какую одежду могли и должны были носить определенные социальные группы, включая и высшие слои английского общества. Например, уже в 1336 г., в начале правления Эдварда III, согласно закону, изделия из меха могли носить только члены королевской семьи, герцоги, прелаты, бароны, рыцари и дамы из аристократических семей, чей годовой доход составлял не менее 100 фунтов стерлингов. С течением времени одевания становились все более претенциозными, все более зависящими от моды, и в английском обществе считалось крайне важным, кто что носил: одежда герцогов и баронов резко отличалась от одежды рыцарей, а одежда последних – от одежды дворян, мелких землевладельцев и фермеров. Почти тридцать лет спустя, в 1363 г., тот же король издает еще один «регламентирующий» закон (sumptuary legislation) в отношении одежды [Briggs, 1999, с. 90].

Во времена правления потомка Эдварда III английского короля Эдварда IV парламент принял закон, регламентирующий одежду для разных слоев общества, согласно которому, например, наемные работники не имели права шить себе одежду из ткани, которая стоила более двух шиллингов за ярд, а их жены и дочери – носить пояса, расшитые золотом или серебром. Позднее, во времена Тюдоров, семиотическая функция ряда вещей стала еще более очевидной, а правила, регламентировавшие поведение человека в обществе, – еще более жесткими. Историки отмечают, что для определения статуса человека огромное значение имел не только размер его землевладений и тип жилого дома, но и то, с кем человек здоровался, где он сидел в церкви во время богослужений, какие продукты ела его семья и в какие часы и, конечно, как и прежде, какую одежду могли или не имели права носить представители разных социальных групп. Так, немногим было позволено (да им и не всегда это было по карману) носить накрахмаленные круглые плоеные жесткие воротники (starched ruffs), камзолы на подкладке (padded doublets) и юбки с фижмами (fartingales). Члены общества, находящиеся на верху социальной лестницы, могли носить одежду из дорогих сортов шерсти, тонкого льна и шелка, в то время как на другом конце социальной лестницы носили изделия, сшитые из кожи и обрезков ткани [Briggs, 1999, с. 120].

Со временем ношение одежды в Англии перестало законодательно регламентироваться, и со второй половины XX века отнести незнакомого человека, особенно в повседневной обстановке, к

¹ Выделено нами. – Г. Б., Г. Г.

определенной социальной группе только по одежде стало, конечно, гораздо сложнее, чем раньше. Причем в наибольшей мере это касается различий между «средним классом» и «рабочим классом».

Следует отметить, что дополнительную семиотическую роль в истории Великобритании играли не только члены лексической категории одежды, но и наименования из категории «Питание», что в те времена подчеркивало существующие в обществе социальные контрасты – *«inequality expressed itself in contrasts that started with chances of life and death and extended through gender, work, diet, clothes and shelter to education and taste» / неравенство выражалось в контрастах, которые начинались с шансов на жизнь и смерть, распространялись на пол, работу, питание, одежду и жилье и, в конечном итоге, на образование и вкусы* [Briggs, 1999, с. 120].

Известный британский историк Аса Бриггс (Asa Briggs), говоря о временах правления династии Тюдоров (1485–1603), писал: «Social contrasts were obvious enough, even on the surface. One of the most obvious was pointed out by Harrison¹. The “gentilitie” ate wheaten bread; their household and poor neighbours rye or barley bread, and in time of dearth bread made of beans, peas or oats. Moreover, as the 16th c. went by, this particular contrast was sharpened» / *Социальные контрасты были достаточно очевидны даже на первый взгляд. Харрисон указал на один из наиболее очевидных. «Аристократы» ели пшеничный хлеб; их домашние и бедные соседи ели ржаной или ячменный хлеб, а во время нехватки продуктов питания – хлеб из фасоли, гороха или овса. Более того, по мере приближения к концу XVI века это различие всё обострялось* [Briggs, 1999, с. 120].

Удивительно, но традиционно соблюдались даже часы приема пищи. Так, аристократы и дворяне обедали и ужинали раньше, чем торговцы, а земледельцы обедали в полдень и ужинали в семь или восемь часов вечера. Что касается беднейших слоев населения, то они обычно ужинали, когда могли, т. е. имели такую возможность, так что говорить о порядке их трапезы вообще не приходилось [Briggs, 1999, с. 120–121].

Естественно, вопросы моды дискутировались в английском обществе на протяжении веков. Достаточно вспомнить, какой резкой критике подвергалась мужская мода в период после Реставрации монархии в Англии по той причине, что она в значительной степени имитировала женский стиль: широкие короткие бриджи, напоминающие

женские нижние юбки; муфты; множество разноцветных лент как украшение одежды; длинные пудренные парики; сильно надушенная одежда и т. д. В 1662 г. английский король Карл II лично выступил в Парламенте с критикой высших слоев общества, которые, по его мнению, тратили на одежду, питание и другие нужды гораздо больше денег, чем того требовалось. Но проблема была в том, что законодателем моды (и далеко не дешевой) во всех сферах жизни был сам Карл II, а его вассалы лишь пытались ей следовать.

Между тем, всё более разнообразным становилось питание богатых слоев населения в Великобритании. Возрождались старые кулинарные рецепты, в то время как продолжали импортировать новые продукты питания и напитки, в том числе кофе и шоколад. В 1650 году в Оксфорде открылась первая кофейня (coffee house). Первое место по их числу вскоре занял Лондон, второе принадлежало Бристолу, кофейни стали излюбленными местами времяпровождения жителей английских городов. Увеличилось и число мест, где можно было пообедать.

Считается, что именно на это время приходится «культ кларета» (the cult of claret) – *claret* «a type of red wine, especially from the Bordeaux region of France»² / *сорт красного вина, особенно из региона Бордо во Франции*.

Однако к концу XVII века потребление французских вин значительно уменьшилось как результат высоких таможенных налогов из-за англо-французских войн, в то время как потребление алкогольных напитков и пива возросло. А. Бриггс отмечает в этой связи: «Drinking was one of London's great occupations, with the places that offered drink offering other forms of entertainment as well. In the 1680s the Belle Sauvage, a great coaching inn on Ludgate Hill, was charging its customers one shilling for a look and two shillings for a ride on a rhinoceros» / *Выпивка была одним из самых популярных занятий в Лондоне, а заведения, предлагавшие выпивку, предлагали и другие виды развлечений. В 1680-х годах «Бель Соваж», большой постоялый двор на Ладгейт-Хилл, брал со своих клиентов один шиллинг за то, чтобы посмотреть на носорога, и два шиллинга, чтобы на нем прокатиться* [Briggs, 1999, с. 169].

Для того чтобы показать размах домашней трапезы, историки английской жизни часто приводят отрывки из «Дневника Пеппи» (Pepys's diary)³.

² MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012. P. 260.

³ Сэмюэл Пипс, реже – Пепис (англ. Samuel Pepys, 1663–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев периода Стюартовской Реставрации. URL: pepysdiary.com

¹ Брайан Харрисон (Brian Harrison) – известный британский историк, в 2000–2004 гг. главный редактор «Оксфордского словаря национальной биографии» («The Oxford Dictionary of National Biography»).

Например, следующий отрывок: «At a New Year's breakfast in 1661 (still taken early in the day), he offered his guests a barrel of oysters, a dish of meat, some tongues and a plate of anchovies, and at a special dinner in 1663 he presented them with "a fricassee of rabbit and chickens, a leg of mutton boiled, three carps in a dish, a great dish of a side of lamb, a dish of roasted pigeons, a dish of four lobsters, three tarts, a lamprey pie, a most rare pie, a dish of anchovies, good wine of several sorts, and all things mighty noble, and to my great content"» / *На новогоднем завтраке в 1661 году (который всё еще подавался рано утром) он [Сэмюэл Пипс] предложил своим гостям бочонок устриц, блюдо с мясом, несколько языков и тарелку с анчоусами, а на специальном ужине в 1663 году для его гостей приготовили «фрикасе из кролика и цыплят, ножку отварной баранины, три карпа на блюде, большое блюдо с бараньим боком, блюдо с жареными голубями, блюдо из четырех омаров, три пирога, пирог с миногами, очень редкий пирог, блюдо с анчоусами, хорошее вино нескольких сортов, и это всё были очень благородные блюда к моему большому удовлетворению» [Briggs, 1999, с. 169].*

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН В СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СИТУАЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Приведем несколько примеров использования английской предметно-бытовой лексики из категорий «Питание» и «Одежда» как носителей дополнительной семиотической информации.

В группе предметных имен, относящихся к сфере питания, глубинные структуры общего знания играют исключительно важную семиотическую роль, будучи связаны с социальным статусом потребителя данного продукта, стилем его жизни, социальным поводом употребления данного продукта и т. д. В связи с этим в литературных произведениях авторы активно используют предметные имена данной группы для имплицитной оценочной характеристики персонажей и элементов сюжета.

Например, Дэн Браун так описывает рождественский ужин принадлежащей к интеллектуальной элите семьи Соломон:

Even at seventy-five years of age Isabel Solomon was an exuberant cook, and tonight the mouthwatering smells of roast venison, parsnip gravy, and garlic mashed potatoes wafted through the house (*Dan Brown. The Lost Symbol*). – Даже в свои семьдесят

пять лет Изабель Соломон была превосходным поваром, и сегодня вечером по дому разносились аппетитные запахи жареной оленины, подливки из пастернака и картофельного пюре с чесноком.

В том же романе злоумышленник, пытаясь войти в доверие к сестре Питера Соломона, представляется его врачом-психотерапевтом и угощает ее чаем в традициях их масонской семьи:

'Please make yourself comfortable. I'm just steeping some tea'. (...) Dr. Abaddon appeared without warning beside her, holding a tray of steaming tea. (...) 'Your brother got me in the habit of serving tea during our sessions. He said the Solomons are tea drinkers'. 'Family tradition', Katherine said. (*Dan Brown. The Lost Symbol*) – «Пожалуйста, располагайтесь поудобнее. Я просто завариваю чай». <...> Доктор Абаддон неожиданно появился рядом с ней, держа поднос с дымящимся чаем. <...> «Ваш брат привил мне привычку подавать чай во время наших сеансов. Он сказал, что все в семье Соломонов любят чай». «Семейная традиция», – сказала Кэтрин.

Элемент питания подчеркивает социальный статус и особое внимание к здоровому образу жизни профессора Роберта Лэнгдона:

When Langdon arrived home around six [*прим.* – после тренировки в бассейне в пять часов утра], he began his morning ritual of hand-grinding Sumatra coffee beans and savouring the exotic scent that filled his kitchen. (...) Langdon scooped some additional beans into the grinder. *A little extra caffeine this morning, he thought. It's going to be a long day.* (*Dan Brown. The Lost Symbol*) – Когда Лэнгдон вернулся домой около шести [*прим.* – после тренировки в бассейне в пять часов утра], он начал свой утренний ритуал с ручного измельчения кофейных зерен с Суматры и наслаждался экзотическим ароматом, наполнявшим кухню. <...> Лэнгдон добавил еще немного зерен в кофемолку. «Немного больше кофеина этим утром», – подумал он. – «Это будет долгий день».

А вот кофе в доме небогатого английского приходского священника в романе Филлис Дороти Джеймс домработница заваривает совсем по-другому:

'Here's your coffee, Father. I've made it extra strong'. (...) The coffee, as always, was the cheapest kind of bottled grains. It was even less palatable now that its strength made its taste discernible. On the brown surface a few globules of half sour milk swam and

coalesced (*Phyllis Dorothy James. A Taste for Death*). – «Вот твой кофе, отец. Я приготовила его очень крепким». <...> Кофе, как всегда, был самым дешевым, из зерен, что продавались в бутылках. Он стал еще менее аппетитным теперь, когда его крепость сделала вкус заметным. На коричневой поверхности плавало несколько шариков полупрокисшего молока.

Важно, на наш взгляд, отметить, что человек может готовить определенную пищу или одеваться определенным образом намеренно или ненамеренно. При этом в текстах художественной литературы эти ситуации либо комментируются (автором или героями произведения), либо не комментируются, что в последнем случае создает дополнительные трудности для читателя, связанные с «декодированием» текста. Но для наблюдателя (в данном случае – читателя) – это всегда семиотически маркированная ситуация, так как помимо физической значимости (кофе был дешевым; человек был одет в дорогую одежду) это означает еще что-то: герой имел низкий / высокий материальный статус либо готовил что-то / был одет каким-то образом по определенной причине (был прекрасным поваром; хотел произвести впечатление).

Несомненно, значительный интерес для понимания текста произведения представляют описания ситуаций, когда встречаются нарушения принципов семиотической маркированности, например, выбора одежды или несоответствия времени приготовления определенной еды.

В качестве примера приведем описание ситуации из исторического романа о жизни состоятельных людей, где очевидно несоответствие одежды героини времени ношения. Для правильного понимания ситуации читателю необходимо сделать вывод о причинах такого несоответствия:

Olivia paced in her bedroom, *clad in the same gown she had worn earlier that day*¹ (*B. Joyce. The Rival*). – Оливия мерила шагами свою спальню, одетая в то же платье, которое было на ней ранее в тот день.

В том же произведении описывается семиотически маркированная ситуация, когда герцог, супруг Оливии, был насторожен и даже шокирован видом сестры, не переодевшейся после утреннего чая:

She swept into the room, shocking Arlen because she *was clad in the same pale pink gown he had seen her in at a tea earlier* (*B. Joyce. The Rival*). – Она вбежала в комнату, шокировав своим видом Арлена, *потому что была одета в то же бледно-розовое платье, в котором он видел ее за чаем ранее.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышесказанного представляется возможным сделать основной вывод о том, что в социальной жизни человека сферы питания и одежды часто оказываются вовлеченными в невербальную коммуникацию. В таких случаях с семиотической точки зрения нас интересует как содержание такой коммуникации, так и ее знаковое воплощение, т. е. закономерности семиозиса и описание семиотически маркированных ситуаций в тексте, в художественных произведениях с помощью членов лексических категорий «Питание» и «Одежда».

Объекты реального мира, относящиеся к сферам питания и одежды, сами по себе обладают мощным семиотическим потенциалом. Язык является самостоятельной семиотической системой, а языковые средства репрезентации процессов питания и предметов одежды синергически усиливают этот потенциал и существенно дополняют связанные с ними структуры знаний и культурный код.

Языковой знак не только отсылает нас к структурам знаний, связанным с объектом объективной действительности, но и несет в своей семантике новые смыслы. Такое многоуровневое, структурно разнообразное содержание в рассматриваемых группах лексических единиц обуславливает задачу исследования механизмов и необходимых условий их полноценной семиотической интерпретации.

Особенности использования членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» авторами литературных произведений указывают на необходимость исследования их семиотического потенциала не только с точки зрения его интерпретации, но и с точки зрения целенаправленного использования таких единиц для формирования у получателя текста заданного мнения и оценки явлений, событий, лиц. Такая постановка вопроса требует расширения сферы исследования и изучения функционирования анализируемого языкового материала в других типах дискурса.

¹ Зд. и далее выделено нами. – Г. Б., Г. Г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанский Н. Н., Цивьян Т. В. Академик Вячеслав Всеволодович Иванов (к 75-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2004. Т. 63. №5. С. 65–68.

2. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика / под общей редакцией Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 5–36.
3. Saussure F. de. Course in General Linguistics (trans. Roy Harris). London: Duckworth, 1983.
4. Jakobson R. Linguistics in Relation to Other Sciences // On Language (eds Linda R. Waugh and Monique Monville-Burston). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 451–488.
5. Benveniste É. The Semiology of Language // Semiotica. 1981. Vol. 37. Issue 1. P. 5–23.
6. Lévi-Strauss Cl. Structural anthropology / transl. from French by Cl. Jacobson, Br. Gr. Schoepf. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1972.
7. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семиотически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов, посвященных юбилею профессора Н. Н. Болдырева. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 95–101.
8. Chandler D. Semiotics. The Basics. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2007.
9. Briggs A. A Social History of England. 3rd ed. London: Penguin Books, 1999.

REFERENCES

1. Kazanskiy, N. N., Tsiv'yan, T. V. (2004). Akademik Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) = Academician Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (on the 75th anniversary of his birth). The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 63(5), 65–68. Moscow. (In Russ.)
2. Stepanov, Yu. S. (1983). V mire semiotiki = In the world of semiotics. In Stepanov, Yu. S. (ed.), Semiotika (pp. 5–36). Moscow: Raduga. (In Russ.)
3. Saussure, F. de. (1983). Course in General Linguistics (trans. Roy Harris). London: Duckworth.
4. Jakobson, R. (1990). Linguistics in Relation to Other Sciences. In Waugh, L. R., Monville-Burston, M. (eds.), On Language (pp. 451–488). Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Benveniste, É. (1981). The Semiology of Language. Semiotica, 37(1), 5–23.
6. Lévi-Strauss, Cl. (1972). Structural anthropology, transl. from French by Cl. Jacobson, Br. Gr. Schoepf. Harmondsworth: Penguin Books Ltd.
7. Kubryakova, E. S. (2005). O semioticheski markirovannykh ob'yektakh i semioticheski markirovannykh situatsiyakh v yazyke = On semiotically marked objects and semiotically marked situations in language. In The Conceptual Space of Language (pp. 95–101): collection of papers, dedicated to the Jubilee of Professor N. N. Boldyrev. Tambov: Tambov State University. (In Russ.)
8. Chandler, D. (2007). Semiotics. The Basics. 2nd ed. London, New York: Routledge.
9. Briggs, A. (1999). A Social History of England. 3rd ed. London: Penguin Books.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарчук Галина Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Грачев Георгий Валерьевич

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondarchuk Galina Grigorievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Grachev Georgiy Valerevich

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.02.2023
21.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111-26
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16

Номинация отраслей права в английском и русском языках: переводческий аспект

Л. А. Борисова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
borisova_la@rgph.vsu.ru

Аннотация. В статье анализируется англоязычная и русскоязычная терминология, выступающая в качестве номинаций отраслей права. Проводится сопоставительный анализ ряда терминов в семантическом аспекте, анализируются переводные эквиваленты, зафиксированные двуязычными словарями и специальной литературой. Делается заключение о влиянии правовой системы страны на сложившуюся терминологию, о частичных различиях в значении терминов английского и русского языков и о необходимости учитывать эти различия при переводе.

Ключевые слова: юридическая терминология, юридический перевод, термин, отрасли права

Для цитирования: Борисова Л. А. Номинация отраслей права в английском и русском языках: переводческий аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16

Original article

Designation of Areas of Law in English and Russian: Translation Aspect

Lidia A. Borisova

Voronezh State University, Voronezh, Russia
borisova_la@rgph.vsu.ru

Abstract. The paper analyzes some English and Russian legal terms designating different areas of law. A contrastive analysis of definitions of some legal terms is being conducted. Dictionary translation equivalents are also examined as well as the terminology used in English and Russian professional literature. The paper concludes that the country's legal system influences the terms used in a particular area, the meaning of terms may be partially different in English and Russian, which in turn should be taken into consideration by a translator.

Keywords: legal terms, legal translation, term, areas of law

For citation: Borisova, L. A. (2023). Designation of areas of law in English and Russian: translation aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_16

ВВЕДЕНИЕ

Основной единицей юридического текста является юридический термин. Под юридическим термином мы понимаем «словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства»¹. Перевод юридических терминов – один из важных аспектов юридического перевода в целом, обеспечивающий точность передачи содержания исходного текста. М. Г. Гамзатов указывает на следующий комплекс причин сложности перевода юридической терминологии: «сложности, обусловленные языковой природой термина; сложности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; сложности, возникающие из-за несовпадения юридических систем государств, следовательно, из-за расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами, существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой» [Гамзатов, 2004, с. 11].

В настоящем исследовании предпринимается попытка сопоставительного анализа некоторых англоязычных и русскоязычных юридических терминов, выступающих в качестве номинаций отраслей права. Несмотря на то, что в двуязычных словарях зафиксированы переводные эквиваленты терминов, их вариативность ставит юридического переводчика перед необходимостью углубленного анализа семантики терминов в двух языках, учета культурных различий, в частности, различий между правовыми системами и, безусловно, принятия во внимание коммуникативной ситуации перевода.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

В праве принято выделять отрасли. В английском языке термину «отрасль права» соответствует *branch of law* или *area of law*.

В отношении классификации отраслей права в России и в Англии существует ряд юридических тонкостей, потенциально важных для переводчика. Так, согласно А. Михайлову, в английской системе в отличие от российской, нет четко выраженного деления на отрасли. «Все "отрасли" английского права носят прикладной характер, нацелены на разрешение конкретных юридических проблем, которые нашли свое отражение в судебной практике... По содержанию отрасли английского

права могут «пересекаться», одни и те же практические проблемы могут составлять содержание разных отраслей английского права» [Михайлов, 2012]. Основания классификации отраслей права в Англии и России могут различаться, что объясняется принадлежностью этих стран к разным правовым системам.

Поэтому юридическому переводчику надо быть готовым к терминологическим проблемам. Есть отрасли права, которые принято выделять в английской системе, но которые не выделяются отдельно в российской и наоборот. Тем не менее подобные проблемы не являются неразрешимыми.

Рассмотрим названия некоторых отраслей права. Среди них можно выделить группу, которая не вызывает сложностей при переводе, так как подобные отрасли существуют практически в каждой стране, они регулируют определенный вид отношений, например, *civil law* – *гражданское право*, *criminal law* – *уголовное право*, *international law* – *международное право*, *constitutional law* – *конституционное право*, *administrative law* – *административное право* и некоторые другие.

Однако чаще встречаются ситуации, когда более дробное деление на отрасли не совпадает в двух правовых системах, к которым, в частности, принадлежат Англия и США, с одной стороны, и Россия – с другой. В таком случае перед переводчиком встает проблема поиска наиболее точного эквивалента.

BUSINESS / COMMERCIAL LAW vs ТОРГОВОЕ / ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ / КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

В качестве первого примера обратимся к термину *business law*. Словарь Мультитран предлагает следующие варианты перевода: *торговое право*; *предпринимательское право*; *право торгового оборота*; *право, регулирующее область деловых отношений*; *право предпринимательской деятельности*². Юридический переводчик обязательно должен знать различия (если они есть) между всеми этими терминами, только таким образом можно обеспечить максимальную точность при переводе. Вследствие поиска соответствующей информации становится очевидным, что торговое право и предпринимательское право – не полные синонимы.

Внешняя форма этих терминов также помогает уяснить различие между ними: торговое право связано с торговым оборотом, тогда как предпринимательское право регулирует предпринимательскую деятельность. Отсюда вытекают соответствующие переводные эквиваленты приведенных терминов в словаре Мультитран.

¹ Большой юридический энциклопедический словарь / под ред. А. Б. Барихина. М.: Книжный мир, 2004.

² URL: <https://www.multitrans.com/>

По всей видимости, следующее определение пояснит, почему в Мультитране все вышеуказанные варианты даны через запятую, хотя различия в семантике всё-таки есть: «Торговое право – во многих зарубежных странах обособившаяся от гражданского права отрасль, регулирующая торговлю и предпринимательскую деятельность вообще»¹.

Специальная юридическая литература указывает, что термины «торговое право» и «коммерческое право» синонимичны [Торговое право]. Однако, как можно заметить, термин «коммерческое право» не предлагается словарем Мультитран в качестве возможного варианта перевода *business law*, вероятно, потому что есть *commercial law*. Но корпусные словари его фиксируют наряду с другими эквивалентами:

Modernizing *business law* was not in itself sufficient to ensure that the benefits of globalization were shared by all nations. – Тем не менее одной лишь модернизации *коммерческого права* недостаточно для обеспечения того, чтобы все государства имели возможность воспользоваться благами глобализации².

Dominique obtained his English Law Diploma and Master's degree in *Business Law*... – Доминик получил диплом по английскому праву и степень магистра по *предпринимательскому праву*...³.

Как пишут российские ученые-юристы, коммерческое право и предпринимательское право – это разные отрасли, хотя и схожие по предмету. Так, В. А. Горбухов пишет: «Предпринимательское право регулирует отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской деятельности, т. е. такой деятельности, которая направлена на получение прибыли. Торговая деятельность является частью предпринимательской деятельности. Понятие предпринимательской деятельности намного шире торговой деятельности... Коммерческое право имеет... более узкий предмет правового регулирования, чем предпринимательское право... Коммерческое право ... регулирует ... товарный оборот...» [Горбухов, 2007, с. 6].

Кроме того, как отмечает В. А. Горбухов, существует также специфика употребления терминов «торговое право» и «коммерческое право», что только усугубляет проблему перевода. Термин «торговое право» относится к советскому периоду, а сейчас в России принято оперировать термином

«коммерческое право». В то же время для США и некоторых стран Западной Европы характерно использование термина «торговое право» [там же, с. 7].

Таким образом, налицо ситуация, когда закрепленные словарями переводные эквиваленты различаются между собой семантически и имеют этническую специфику употребления.

Вернемся к англоязычному термину *business law*. Нередко различия между переводными эквивалентами проистекают из особенностей самого англоязычного термина. Согласно энциклопедии Britannica, *business law, also called commercial law or mercantile law, the body of rules, whether by convention, agreement, or national or international legislation, governing the dealings between persons in commercial matters*⁴. Исходя из этой статьи, *business law* приравнивается к *commercial law*, что объясняет перевод *business law* и как «торговое право», и как «коммерческое право». С другой стороны, на профессиональных англоязычных юридических сайтах сказано, что *business law* и *commercial law* отличаются друг от друга: «The differences between the two areas of law are real... Think of commercial law as governing the purchase, sale and distribution of goods, along with the financing of these transactions... Business law focuses on the other aspects of business, including forming a company, mergers and acquisitions, shareholder rights, and property issues such as leasing office or warehouse space [What is Business and Commercial Law, 2016; What's the difference between business and commercial law? 2019].

В то же время признано, что «...the two areas overlap a great deal... Business law and commercial law... have so many overlapping issues that most attorneys who practice one will also have expertise in the other» [What is Business and Commercial Law, 2016; What's the difference between business and commercial law? 2019]. Иными словами, переводчику необходимо понимать, что в англо-американском праве эти отрасли права, хотя и имеют различия, но зачастую взаимно отождествляются.

Наконец (хотя, возможно, с этого стоит начать), отпечаток накладывают правовые системы: «В системе континентального права существует традиционное деление частного права на гражданское и торговое; система англосаксонского права, как правило, не обособляет торговое право от гражданского»⁵.

Как обычно, принимая переводческое решение, юридический переводчик опирается на контекст, шире – на ситуацию перевода, однако он обязан знать особенности терминов *business law* /

¹ Большой юридический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/>

² URL: <https://context.reverso.net>

³ URL: <https://www.linguee.ru/>

⁴ Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/>

⁵ Большой англо-русский словарь по экономике и менеджменту. АБВУ, 2008; ООО «Экономикус», 2008.

commercial law в английском языке и *предпринимательское право / коммерческое право / торговое право* – в русском.

EMPLOYMENT / LABOUR LAW vs ТРУДОВОЕ ПРАВО

Следующим примером, наглядно демонстрирующим различия в правовых культурах США и Великобритании, с одной стороны, и России – с другой, являются термины *employment law* и *labour law*. Взятые по отдельности, они не представляют при переводе проблемы. Эквивалентом выступает термин «трудовое право».

Однако в Великобритании и США это отрасли права, немного отличающиеся друг от друга. Обратившись к некоторым правовым сайтам для выявления специфики указанных терминов, мы обнаруживаем, что *employment law* регулирует отношения непосредственно между работником и работодателем, тогда как *labour law* регулирует трудовые отношения с участием профсоюзов при наличии коллективного договора [The Difference between Labour and Employment Law, What is the Difference between Labour Law and Employment Law? 2022]. В России такого разделения нет.

Решение проблемы разграничения в переводе терминов *labour law* и *employment law*, если они встречаются в одном тексте и автор текста их явно разграничивает, а не использует как синонимы, может быть следующим. В научных публикациях российских ученых-юристов о трудовом праве США встречается такая дефиниция: «Трудовое право США представляет собой два крупных блока правовых норм: *employment law* (индивидуальное трудовое право) и *labor law* (коллективное трудовое право)» [Назметдинов, 2010, с. 99–100]. Представляется, что это как раз и есть решение переводческой проблемы. Попутно выясняется, что «...деление трудового права на индивидуальное и коллективное заимствовано из общего права Англии... В США трудовое право не выделяется в качестве самостоятельной отрасли права, как в Российской Федерации. *Employment law* и *labor law* являются подотраслями предпринимательского права» [там же, с. 100].

ENVIRONMENTAL LAW vs ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ / ПРИРОДООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В ряду терминов, называющих отрасли права, переводчику стоит обратить внимание на *environmental law*. Им обозначают отрасль права, связанную с защитой окружающей среды и предусматривающую превентивные меры

и ответственность за нарушение соответствующих экологических норм¹. В русском языке есть термин «право окружающей среды»: «Современное *право окружающей среды* устанавливает требования, касающиеся рационального использования земли, вод, лесов, других природных богатств...» [Дикусар, 2007, с. 5].

Однако, анализируя многочисленные научные публикации и двуязычные словари, нетрудно заметить, что синонимом данного термина выступает «экологическое право», например: «Международное экологическое право (МЭП) или международное право окружающей среды – составная часть (отрасль) системы международного права...» [Калиниченко, 2003, с. 565].

Любопытно, что в профессиональном юридическом сообществе нет единства мнений относительно синонимии терминов «право окружающей среды» и «экологическое право». Так, М. М. Бринчук пишет: «В учебнике употребляется термин «право окружающей среды» как более корректный, чем «экологическое право», и соответствующий мировому опыту названия изучаемой отрасли права» [Бринчук, 1998, с. 6]. Аналогичной позиции придерживается и В. М. Дикусар: «...Термин "международное право окружающей среды" более точен нежели "международное экологическое право" и по этой причине целесообразно использовать именно это название для обозначения соответствующей отрасли международного публичного права» [Дикусар, 2007, с. 14]. Переводчику необходимо знать об этой терминологической тонкости и, как всегда, опираться на контекст и в целом коммуникативную ситуацию перевода.

Среди возможных вариантов перевода термина *environmental law* встречается «природоохранное законодательство» и «природоохрнительное право». Они могут позиционироваться как синонимы «экологического права».

С другой стороны, кроме природоохранного законодательства есть еще природоресурсное законодательство. Если под первым, как следует из внешней формы термина в том числе, понимается комплекс нормативно-правовых актов, которые регулируют охрану природы², то второе среди нескольких значений подразумевает нормы, связанные с использованием и охраной природных ресурсов³.

¹ Black's Law Dictionary / Ed. by Bryan Garner. Ninth edition. West, Thomson Reuters business, 2009.

² Словарь чрезвычайных ситуаций // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/emergency/>

³ Экологическое право России: словарь юридических терминов // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://environmental-law.academic.ru/>

Однако Большой юридический словарь указывает на синонимию терминов «экологическое право» и «природоресурсное право», «природоохранительное право»¹.

Сложно разобраться в специфике этих юридических терминов, не имея юридического образования и опыта работы в такой узкой сфере, но переводчик, по крайней мере, должен владеть материалом. Кроме термина «экологическое право», существуют еще как минимум два – «природоохранное законодательство» (регулирует охрану окружающей среды) и «природоресурсное законодательство» (регулирует рациональное использование природных ресурсов) – с чуть более узкой семантикой, строго говоря, находящиеся с первым в родо-видовых отношениях. Поэтому не стоит с легкостью заменять их друг другом, особенно если речь идет о специальном переводе для специалистов в данной теме.

В английском языке также встречается термин *nature conservation law*, например: «*Nature conservation law in the UK is complex. Some of the provisions have been in force since 1949*»². Есть также *natural resources law*: «*The Natural Resources / Environmental Law – Inspection and Enforcement program blends experiential learning and theory to prepare you for a successful career in conservation and environmental law enforcement*»³. Думается, из этого спектра можно подобрать переводческие решения для русскоязычных терминов.

Но английский язык, как и русский, тоже может готовить терминологические сюрпризы. Например, в 2020 году в издательстве Routledge вышла монография *From Environmental to Ecological Law*, из которой следует, что «*ecological law is emerging as a field of law founded on systems thinking and the need to integrate ecological limits, such as planetary boundaries, into law*» [From Environmental to Ecological Law, 2020]. В одной из глав монографии уточняется: «*Ecological law offers a new framework for critiquing existing law and governance, and creating new, Earth-centered approaches to addressing the systemic causes of the current ecological crisis*» [From Environmental to Ecological Law, 2020].

Американская ассоциация юристов предлагает следующее объяснение этому новому феномену: «*Ecological law is an emerging approach to law that recognizes the interconnectedness of humans and nature*» [Bleue, 2021].

¹ Большой юридический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://jurisprudence.academic.ru>

² Nature Conservation Law in the UK // Law and Your Environment. The plain guide to environmental law. URL: <http://www.environmentallaw.org.uk/rte.asp?id=201>

³ Natural Resource/Environmental Law – Inspection and Enforcement // Sault College. URL: <https://www.saultcollege.ca/programs/justice-studies/natural-resource-environmental-law-inspection-and-enforcement>

При необходимости перевести название монографии, наверное, пришлось бы вспомнить про «право окружающей среды» и «экологическое право» (некоторые ученые считают, что они представляют собой разные термины). Или же подумать о неологизме, который бы отразил некую философскую идею этого нового понятия.

TRUST LAW

Названия некоторых отраслей права могут быть весьма специфичными в силу наличия какого-то правового института в одной стране и его отсутствия или слабой выраженности в другой. Так, в Великобритании и США существует понятие *trust* и связанное с ним *trust law*. Обычно на русский язык этот термин переводят «доверительная собственность, доверительное управление имуществом, распоряжение имуществом на началах доверительной собственности» или для краткости «траст». Совокупность правовых норм, регулирующих отношения доверительной собственности, и будет составлять *trust law*. В переводе на русский язык – *законодательство о доверительной собственности*. Использование данного термина подтверждается и научными публикациями на русском языке о трасте как институте в Англии, например, статья О. А. Кривенко «посвящена реформе законодательства о доверительной собственности в Англии» [Кривенко, 2007, с. 127].

Русскоязычный термин в данном случае уступает англоязычному в лаконичности формы, но позволяет максимально точно передать содержание. Однако при внимательном анализе и долгом поиске можно найти и альтернативу – «трастовое право». Термин не закреплён в двуязычных и толковых словарях, но, по всей видимости, уже взят на вооружение в специальной литературе в силу удобства его внешней формы. Так, в 2022 году была издана монография В. Б. Паничкина «Англо-американское трастовое право» [Паничкин, 2022]. Встречается термин и на различных правовых сайтах (см. например, С. Будылин⁴ и Учреждение трастов в Швейцарии⁵).

Таким образом, переводчику можно иметь в своем запасе этот термин и при необходимости его использовать.

Институт доверительной собственности (траста) не чужд и России. Он появился в 1993 году

⁴ Будылин С. Трасты и фонды в разных странах // Закон.ру. 26 февраля 2014. URL: https://zakon.ru/blog/2014/02/26/trasty_i_fondy_v_raznykh_stranakh

⁵ Учреждение трастов в Швейцарии // Law & Trust International. URL: <https://lawstrust.com/holding/uchrezhdenie-trastov-v-shveytsarii>

указом президента РФ¹. Однако между английским и российским трастом существуют различия, главное из которых заключается в отношениях собственности. Поэтому переводчику необходимо учитывать специфику института доверительного управления в Англии и России, которая имплицитно содержится в семантике английского trust и русского «траст».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из проведенного анализа русскоязычной и англоязычной юридической терминологии следует ряд выводов.

1. Терминология, используемая в качестве номинации отраслей права в английском и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102031466&backlink=1&&nd=102027849>

русском языках, не может быть унифицирована ввиду различий оснований классификации отраслей права в Англии / США и России из-за принадлежности стран к разным правовым системам.

2. Существует группа терминов, называющих отрасли права, которые едины для большинства стран. Такие термины не вызывают сложностей при переводе, однако они немногочисленны.
3. Нередко объем значений терминов английского языка и соответствующих им в словарях переводных эквивалентов в русском языке совпадает лишь частично, что объясняется юридическими различиями.
4. Существуют культурно маркированные термины, выступающие в качестве номинаций отраслей права, не выделяемых в одной из правовых систем, но присущих другой из них.
5. Нюансы семантики терминов следует учитывать при принятии переводческого решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гамзатов М. Г. Техника и специфика юридического перевода: сборник статей. СПб.: СПбГУ, 2004.
2. Михайлов А. «Система» права в Англии // Право. Блог. 21 марта 2012. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/3233.html>
3. Торговое право // Особое мнение. Юридическая компания. URL: <https://legal-mos.ru/index/torgovoe-pravo.html>
4. Горбухов В. А. Коммерческое право. Конспект лекций. М.: Эксмо, 2007.
5. What is Business and Commercial Law // FindLaw. 2016, June 20. URL: <https://www.findlaw.com/hirealawyer/choosing-the-right-lawyer/business-and-commercial-law.html>
6. What's the difference between business and commercial law? // Carmagnola & Retardi, LLC. 2019, February 13. URL: <https://www.cr-law.net/blog/2019/02/whats-the-difference-between-business-and-commercial-law/>
7. The Difference Between Labour and Employment Law // DPH Legal. URL: <https://www.dphlegal.com/the-difference-between-labour-and-employment-law/>
8. What is the Difference Between Labour Law and Employment Law? // Ashton. 2022, August 31. URL: <https://www.ashtoncollege.ca/what-is-the-difference-between-labour-law-and-employment-law/>
9. Назметдинов Р. Р. Система трудового права Соединенных Штатов Америки // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 99–100.
10. Дикусар В. М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
11. Калинин П. А. Международное экологическое право // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003.
12. Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник для высших юридических учебных заведений. М.: Юрист, 1998.
13. From Environmental to Ecological Law / ed. by K. Anker, P. D. Burdon, G. Garver, M. Maloney, C. Sbert. Routledge, 2020.
14. Bleue K. Ecological Law: A New Era for the Environment // American Bar Association. 2021, April 28. URL: https://www.americanbar.org/groups/environment_energy_resources/publications/natural_resources_environment/2020-21/spring/ecological-law-new-era-the-environment/
15. Кривенко О. А. Английский закон о доверительных собственниках 2000 г. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. №5. С. 127–129.
16. Паничкин В. Б. Англо-американское трастовое право. М.: Проспект, 2022.

REFERENCES

1. Gamzatov, M. G. (2004). Tekhnika i spetsifika yuridicheskogo perevoda = Technique and specifics of legal translation. St. Petersburg: SPBGU. (In Russ.)

2. Mikhailov, A. (2012, March 21). «Sistema» prava v Anglii = "System" of Law in England. Pravo. Blog. <https://blog.pravo.ru/blog/3233.html> (In Russ.)
3. Torgovoe pravo = Business Law. Special Opinion. Legal Company. <https://legal-mos.ru/index/torgovoe-pravo.html> (In Russ.)
4. Gorbukhov, V. A. (2007). Kommercheskoe pravo = Commercial Law. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
5. What is Business and Commercial Law? (2016, June 20). FindLaw. <https://www.findlaw.com/hirealawyer/choosing-the-right-lawyer/business-and-commercial-law.html>
6. What's the difference between business and commercial law? (2019, February 13). Carmagnola & Retardi, LLC. <https://www.cr-law.net/blog/2019/02/whats-the-difference-between-business-and-commercial-law/>
7. The Difference between Labour and Employment Law. DPH Legal. <https://www.dphlegal.com/the-difference-between-labour-and-employment-law/>
8. What is the Difference between Labour Law and Employment Law? (2022, August 31). Ashton. <https://www.ashtoncollege.ca/what-is-the-difference-between-labour-law-and-employment-law/>
9. Nazmetdinov, R. R. (2010). Sistema trudovogo prava Soedinennykh Shtatov Ameriki = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 333, 99–100. (In Russ.)
10. Dikushin, V. M. (2007). Mezhdunarodno-pravovye problemy okhrany okruzhayushchei sredy = Issues of environmental protection from international law perspective: abstract of Senior Doctorate in Law. Moscow. (In Russ.)
11. Kalinichenko, P. A. (2003). Mezhdunarodnoe ehkologicheskoe pravo = International environmental law. Globalistika: Encyclopedia. Moscow. (In Russ.)
12. Brinchuk, M. M. (1998) Ehkologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchei sredy) = Environmental law (Nature Conservation Law). Moscow: Yurist. (In Russ.)
13. Anker, K., Burdon, P. D., Garver, G., Maloney, M., Sbert, C. (eds.). (2020). From environmental to ecological law. Routledge.
14. Bleue, K. (2021, April 28). Ecological law: A new era for the environment. American Bar Association. https://www.americanbar.org/groups/environment_energy_resources/publications/natural_resources_environment/2020-21/spring/ecological-law-new-era-the-environment/
15. Krivenko, O. A. (2007). The English Trustee Act 2000. RUDN Journal of Law, 5, 127–129. (In Russ.)
16. Panichkin, V. B. (2022). Anglo-American Trust Law. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Лидия Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borisova Lidia Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Translation and Professional Communication
Voronezh State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.02.2023
24.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Креолизированный текст официального Telegram-канала Сухопутных войск Италии как средство рекламы

Е. С. Борисова¹, С. В. Арсентьева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹Borisova.ES@linguanet.ru

²sofiya_arsenteva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика креолизованного текста как средства популяризации военно-патриотических ценностей и способа поддержания престижа Вооруженных сил Италии. В качестве материала исследования анализируются 100 публикаций, взятых из официального Telegram-канала Сухопутных войск Италии за период 2021–2022 года. Результаты показали, что тексты Telegram-канала представляют собой вид социальной рекламы и оказывают усиленное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: итальянский язык, креолизированный текст, военный перевод, медиадискурс, образные средства языка, языковая игра

Для цитирования: Борисова Е. С., Арсентьева С. В. Креолизированный текст официального Telegram-канала Сухопутных войск Италии как средство рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 23–29. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_23

Original article

Creolized Text of the Official Telegram Channel of the Italian Ground Forces as a Means of Advertising

Elena S. Borisova¹, Sofia V. Arsenteva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹Borisova.ES@linguanet.ru

²sofiya_arsenteva@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the creolized text as means of agitation, advertising and popularization of military-patriotic values and a way to maintain the prestige of the Italian Armed Forces. The research material is a corpus of 100 texts taken from the official Telegram channel of the Italian Ground Forces for the period 2021–2022. The results showed that the texts of the Telegram channel represent a type of social advertising and have an enhanced impact on the audience.

Keywords: the Italian language, creolized text, military translation, media discourse, figurative means of language, language game

For citation: Borisova, E. S., Arsenteva, S. V. (2023). Creolized text of the official Telegram channel of the Italian Ground Forces as a means of advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 23–29. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_23

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе рассматривается специфика креолизованного текста как средства агитации, рекламы, популяризации милитарных ценностей и как способа повышения престижа Вооруженных сил Италии.

Актуальность исследования определяется ведущей ролью рекламного дискурса во всех сферах общественной жизни страны и значимостью Вооруженных сил Италии.

Известно, что современные СМИ оказывают сильное воздействие на мыслительные процессы всех возрастных групп людей. При этом, «если ученого-лингвиста интересует структура языка, извлекаемая из текста, то бытового получателя информации занимает содержание сообщения» [Лотман, 2000, с. 156]. Текст остается только «технической упаковкой» сообщения, в котором заинтересован получатель» [там же, с. 157]. В массмедиа «смыслы производятся и распространяются посредством информационно-коммуникационных технологий» [Вартанова, 2019, с. 182] с использованием как лингвистических, так и экстралингвистических средств. Результаты многочисленных исследований, опубликованных в международных открытых электронных репозиториях научных статей, таких как SSRN¹ (Исследовательская сеть социальных наук) и RePEC² (Исследовательские статьи по экономике), доказывают, что общество сегодня не склонно к восприятию текста без картинки.

Подобный способ представления информации средствами массовой коммуникации получил название «клиповая культура», о которой писал американский футуролог Элвин Тоффлер (1928–2016), известный своими работами о технологиях и цифровой революции. Восприятие «клиповой культуры» способствовало возникновению «клипового мышления», в соответствии с которым адресат усваивает информацию фрагментарно, яркими образами, отрывками текста и картинками.

В последнее время обращение к семиотически осложненным текстам становится популярным направлением филологии. Многие исследователи, такие как Е. Е. Анисимова, И. В. Вашунина, М. А. Ефремова, Р. Клэпфер, М. О. Матвеев, У. Мантель-Оомен, А. А. Нистратов, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Б. Шпильнер занимаются изучением креолизованного текста.

Цель данной статьи – определить специфику воздействия *Telegram*-канала Сухопутных войск Италии на реципиента. Министерство обороны Италии располагает широким спектром средств

массовой информации: пресса, радио, телевидение, сайты, рекламные щиты и панели, социальные сети. *Telegram*-канал с 2021 по 2022 год дополнял эти источники воздействия на массовую аудиторию.

Для данной работы из указанного источника было отобрано 100 постов, каждый из которых ввиду наличия невербального и вербального компонентов представляет собой креолизованный текст.

TELEGRAM КАК МЕССЕНДЖЕР-ЛИДЕР ИТАЛЬЯНСКИХ СМИ

Социальные сети являются незаменимыми инструментами в личной и профессиональной жизни итальянцев. Активные итальянские пользователи социальных сетей по результатам последнего выпуска Глобального обзорного отчета «Digital 2022»³ составляют 43,2 млн человек, это 71 % населения.

В нем также представлена статистика популярности некоторых социальных сетей в Италии.

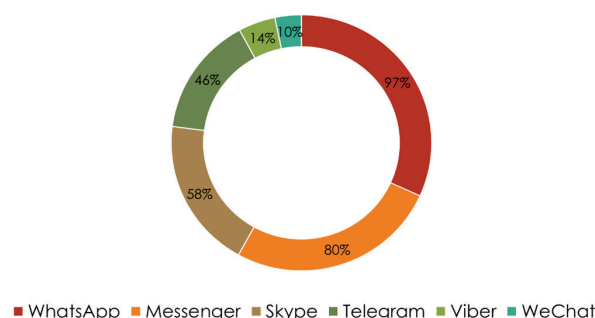

Рис.1. Результат отчета «Digital 2022»: социальные сети в Италии

WhatsApp, по результатам исследования, стал любимым мессенджером жителей Аппенинского полуострова – 39,7% голосов. За лидером следуют два других приложения: второе место занял *Instagram* – 21 %, на третьем месте находится *Facebook* – 16 %.

На четвертом месте – российское приложение для обмена сообщениями *Telegram*, за которым идут *TikTok*, *Pinterest*, *Linkedin* и *Discord*. Соответственно, *Telegram* входит в пятерку лидеров.

Telegram в отличие от остальных приложений предоставляет своим пользователям возможность ведения канала. Данная опция делает *Telegram* не только средством мгновенного обмена сообщениями, но и информационной новостной платформой с большим охватом. Публикацию могут сопровождать ссылки для перехода к первоисточнику, изображения или фотографии, а также иконки или

¹ URL: <https://www.ssrn.com/index.cfm/en/>

² URL: <http://repec.org/>

³ URL: <https://www.fastweb.it/fastweb-plus/digital-marketing-social/quali-sono-social-network-piu-usati-italia-2022/>

эмоذجи, присущие неформальному эмоциональному стилю общения.

Новые возможности *Telegram* открыли для Вооруженных сил Италии простой, быстрый и целенаправленный способ коммуникации с обществом, особенно с его молодыми представителями, которые в большинстве своем не обращаются к печатным источникам информации.

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Термин «креолизация» изначально употреблялся при обозначении процесса превращения пиджина в креольский язык, служивший средством коммуникации в обществе [Дьячков, 1987, с. 9]. Позднее этот термин распространился на особый вид текстов.

Под термином «креолизированный текст» вслед за Е. Е. Анисимовой мы понимаем «вербальные и иконические элементы, которые образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 2003, с. 16].

В современной лингвистике существуют и другие определения креолизованного текста. Например, в коллективной монографии Института языкознания РАН он дается как «знаковое образование, состоящее из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи» [Креолизированный текст: смысловое восприятие: коллективная монография, 2020, с. 9]. М. А. Кулинич называет креолизованные тексты семиотически осложненными указывая на то, что в них размыты границы информационных слоев [Креолизованные тексты в различных видах дискурса, 2017].

Иными словами, тексты, включающие в себя вербальную и иконическую составляющую, называются синкретическими или поликодовыми. Они содержат комплекс семиотических кодов, который облегчает читателю усвоение информации.

Как отмечает О. К. Ирисханова, поликодовые тексты СМИ оказывают всё большее влияние на социальные процессы. Вербальные и невербальные системы создают кумулятивный эффект, который отражается на самоидентификации и социальном поведении реципиентов, «достигается взаимное сцепление знаковых систем» и используется «весь арсенал средств для взаимной адаптации и совместного порождения значений» [Ирисханова, 2012, с. 64].

Исследуемый в нашей статье материал, как и все посты в *Telegram*-каналах, состоят из однотипных

элементов: как правило, представлена лаконичная вербальная часть, фото и ссылка на сайт. Сочетание вербальных и невербальных знаковых систем позволяет считать их креолизованными текстами.

Публикации официального *Telegram*-канала Сухопутных войск Италии не просто привлекают внимание к процессам подготовки личного состава, к общественно-значимым праздникам и спортивным мероприятиям, они способны также воздействовать на социум, создавая позитивный имидж армии. Все это позволяет нам рассматривать его посты как вид социальной рекламы, поскольку, в соответствии с определением Е. В. Степанова, информация, распространяемая армией Италии, адресована неопределенному кругу лиц и направлена на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, осуществляемых в интересах государства, то есть она «играет огромную роль в создании и продуцировании моральных и духовных ценностей» [Степанов, 2006, с. 14].

Анализ публикаций официального *Telegram*-канала Сухопутных войск Италии в качестве социальной рекламы позволяет нам выделить его цели:

- формирование положительного общественного мнения о Вооруженных силах Италии;
- привлечение молодых кадров на контрактную службу.

Основными темами анализируемого креолизованного контента, в котором совмещаются вербальный и невербальный компоненты, являются семейные ценности, отношения Севера и Юга (вопрос государственного единства), контрактная служба в Вооруженных силах (вопрос престижа профессии и привлечения на службу молодых кадров, вопрос имиджа работодателя), медицина (вопрос безопасности и здоровья в свете не угаданной пандемии COVID-19) и феминизм (возможность построения карьеры для женщин).

ПРИМЕРЫ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА КАК РЕКЛАМНОГО СРЕДСТВА В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Ю. М. Лотман в своей работе «Семиосфера» описывал влияние невербальных компонентов на вербальный текст следующим образом: «сущность механизма всякого инородного включения в текст: оно не выпадает из общей структуры контекста, а вступает с ним в игровые отношения, одновременно принадлежа и не принадлежа контекстной структуре» [Лотман, 2000, с. 191].

О роли изображений в рекламе пишет итальянский филолог Эдуардо Ломбарди Валлаури:

«Изображения более убедительны нежели текст, так как мозг запоминает изображения лучше и быстрее в отличие от прочитанного и услышанного. Нервная система активнее работает в процессе зрительного восприятия нежели во время чтения»¹ [Lombardi Vallauri, 2019, с. 13]. В подтверждение данной дефиниции Э. Л. Валлаури приведем схему из указанного источника [там же, с. 20]:

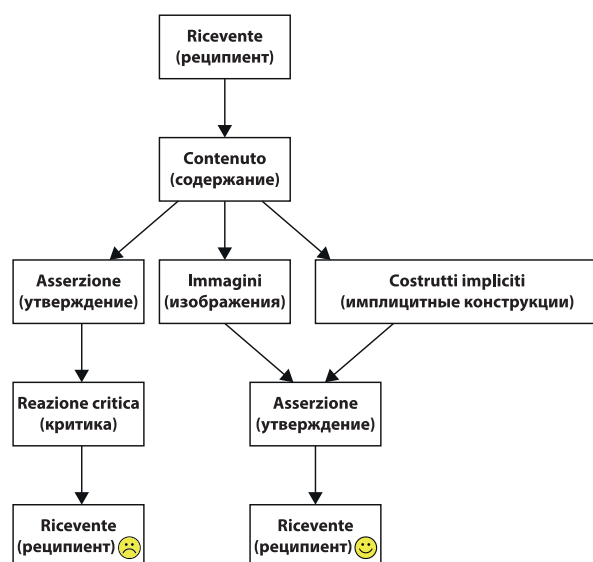

Рис. 2. Реакция реципиента на текст с изображением и без него

Эмодзи, приведенные на схеме, указывают на то, что реципиент склонен к негативной оценке текста, содержащего исключительно вербальное утверждение и, с другой стороны, он положительно реагирует на такое же утверждение, сопровождаемое изображениями или имплицитными конструкциями. Последние в данной работе не рассматриваются в связи с ограничениями в объеме статьи.

При анализе невербальной части публикации мы сосредоточимся на описании таких экстралингвистических средств, как цвет, шрифт, положение рисунка. Все посты выдержаны в одном стиле: они состоят из названия канала, информации о количестве подписчиков, текста публикации с голубыми хэштегами, изображения или фотографии. Порядок расположения компонентов всегда одинаковый: если есть ссылки на источники, они располагаются над текстом. Цветовое оформление у каждого подписчика индивидуальное, оно зависит от настроек в приложении. Пост можно переслать, о чем сообщает

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е. Б., С. А.

стрелка, расположенная справа от него. Пример оформления представлен на рисунке ниже:

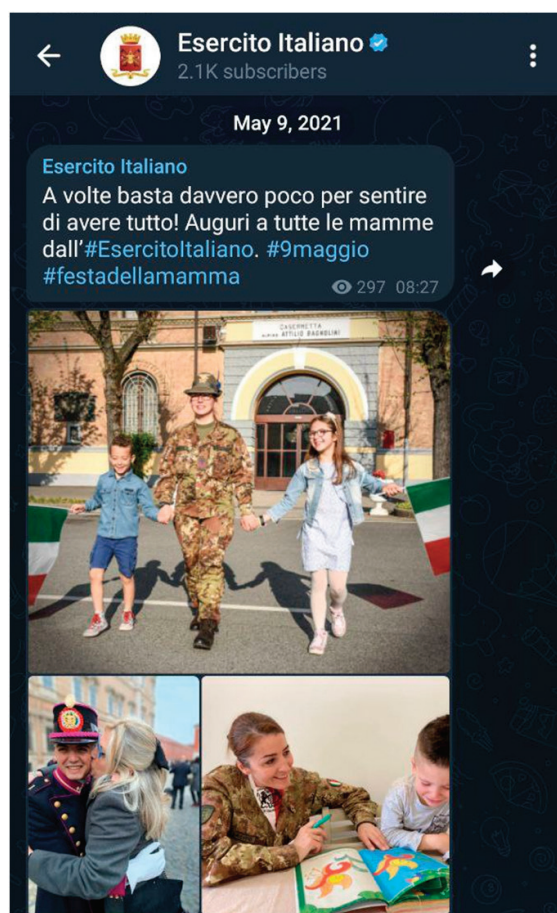

Рис. 3. Пример публикации Telegram-канала Сухопутных войск Италии

Вслед за Л. Серианни, изучавшим тексты периодических изданий, обратим внимание на следующие «нестандартные» способы использования языка, которые содержатся в официальном Telegram-канале Сухопутных войск Италии и привлекают внимание реципиента: игра слов, кольцевые конструкции, неологизмы, написание иностранных слов и выражений [Serianni, 2015]. В работе Л. Серианни указывается, что авторы часто применяют такие средства выразительности, как риторическое обращение, риторическое восклицание, риторический вопрос [там же]. В синтаксисе предпочтение отдается простым предложениям и бессоюзной связи.

Анализ 100 публикаций Telegram-канала Сухопутных войск Италии позволил нам выделить наиболее актуальные темы, которые вынесены в таблицу, расположенную ниже.

Таблица 1

ТЕМЫ ПУБЛИКАЦИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО
TELEGRAM-КАНАЛА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ИТАЛИИ

Тема	Кол-во постов
Проведение учений	34
Праздничные даты и исторические события	24
Помощь гражданскому населению и его защита	11
Спортивные достижения	9
Объявление конкурса о наборе на службу в Сухопутные войска	6
Реклама собственной продукции	5
Медицина	2
Другое	9

Самая популярная тема – «проведение учений» – насыщена восклицательными предложениями. Среди них преобладают номинативные неполные предложения: *Complimenti per questo importante risultato! L'addestramento e il lavoro di squadra per il successo di una missione!* Довольно часто встречаются инфинитивные восклицательные предложения: *Crescere per migliorare! Sbarcare dall'elicottero con la tecnica del "Fast Rope"!*

В публикациях данной группы присутствуют риторические вопросы. Их особенность – это обращение на «ты», которое используется для уменьшения дистанции между адресатом и адресантом: *E tu hai mai provato una discesa in corda doppia o una via attrezzata?* Попутно отметим разницу между итальянскими и русскими формулами вежливого общения. Как пишет Т. Р. Титова, «грань между пренебрежительной и дружеской коннотацией обращения *ты* очень тонкая и размытая», «в итальянской культуре используется дружеское *tu* в таких ситуациях, где русский ощущает это *tu* как пренебрежительное и может оскорбиться» [Титова, 2019, с. 96].

В публикациях, связанных с проведением учений, есть много хэштегов, которые начинаются с символа # и отсылают читателей на соответствующий сайт с более полной информацией. Обычно все символы пишутся слитно или разделяются нижним подчеркиванием. При написании хэштегов используются как строчные, так и заглавные буквы: *#noicisiamosempre*, *#dipiùinsieme*, *#artificieri*, *#iosonounsoldato*, *#sicurezza*, *#laVostraDifesaLaNostraMissione*, *#EsercitoItaliano*.

В части языка идеограмм и смайликов, которые используются вместо слов для передачи эмоций, настроения или дополнительного смысла в сообщениях, замечено отсутствие эмодзи, что говорит о серьезности поднимаемой темы.

Тема «праздничные даты и исторические события» также подразумевает использование различных видов восклицательных предложений. Это номинативные неполные предложения: *Auguri Artiglieri d'Italia! Auguri ai Commissari dell'Esercito!*; двусоставные полные предложения, осложненные сравнительным оборотом: *La fiamma è viva e arde nei nostri cuori, come la memoria dell'eroico sacrificio per la Patria!* и безличные неполные предложения: *A volte basta davvero poco per sentire di avere tutto!*

Здесь также можно встретить большее количество вокативных вопросительных предложений, которые вносят диалогичность в текст, тем самым вовлекая читателя в его содержание. Сохраняется характерное обращение на «ты», которое является маркером разговорного синтаксиса: *Vuoi conoscere la sua storia? Conosci la gittata?*

Хэштеги указывают темы праздников и памятных дат, характерных не только для военной, но и для гражданской среды: *#festadellamamma*, *#FestadellaRepubblica*, *#GiornatadellaMarina*, *#Tricolore*, *#GiornatadellaLegalità*, *#GiornataInternazionale della Famiglia*. Появляются эмодзи, например, указывающие количество лет юбиляра: «80».

В постах, объединенных темой «помощь гражданскому населению и его защите», отсутствуют вопросительные предложения, поскольку оказание содействия со стороны Сухопутных войск Италии мирным жителям носит обязательный характер и не обсуждается. Однако для таких публикаций характерны восклицательные неполные предложения с отрицательным оператором: *NO alla violenza sulle donne!*

В публикациях данной группы сохраняются стандартные хэштеги Сухопутных войск Италии: *#alserviziodelPaese*, *#EsercitedegliItaliani*. Что касается эмодзи, они в постах не встречаются, их отсутствие говорит о серьезности поднимаемой темы.

Иначе мы можем описать тему «спортивные достижения». Эта тема насчитывает наибольшее количество эмодзи. Вообще в предложении эмодзи могут использоваться вместо какого-либо слова или употребляться автономно для привлечения внимания к отдельному фрагменту сообщения. Например, медали (🏅, 🏆, 🥇) традиционно обозначают призовое место, занятое в соревнованиях. Триколор (🇮🇹) – это символ национальной сборной. Существуют отдельные иконки для обозначения вида спорта (плавание (🏊), борьба (🥊), и т. д.).

Хэштеги в данной теме уходят от военной тематики и отражают исключительно название, год или место проведения спортивного мероприятия: *#nuoto*, *#stilelibero*, *#mondialinuoto*, *#Kazan2021*. Среди них встречаются англицизмы, с помощью которых акцентируется международный уровень проведения мероприятий: *#sport*, *#swimming*, *#diving*, *#aquatics2020*, *#euroswim2021*. В большинстве своем означенные заимствования прочно вошли в итальянскую спортивную лексику.

Для объявлений конкурса о наборе на службу в Сухопутные войска характерны как побудительные, так и вопросительные предложения. Часто встречаются императивы личного характера с обращением на «ты»: *Non perdere l'occasione, la grande famiglia dell'Esercito Italiano ti aspetta!* Здесь мы видим местоимения в ударной форме для создания логического ударения (Итальянская армия ждет именно тебя): *L'Esercito sta cercando te!*

В вопросительных предложениях сохраняется обращение на «ты»: *Sei laureato in ingegneria elettronica? Cosa aspetti? Vuoi sapere di più? Sei laureato in ingegneria meccanica?*

Присутствуют немногочисленные хэштеги (*#ScuoleMilitari*, *#concorsi*) и эмодзи, усиливающие директивную модальность высказываний (👉, !). Насыщенный комплекс вербальных и иконических элементов создает впечатление, что существует необходимость в пополнении военных кадров.

Публикаций на медицинскую тему очень мало. Они практически не сопровождаются экстралингвистическими средствами, что говорит о серьезности их содержания. Авторы используют лишь хэштеги,

что считается стандартным компонентом постов в Telegram-канале: *#dipiùinsieme*, *#alserviziodelPaese*, *#noicisiamosempre*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показывают, что добавление иконической части позволяет усилить вербальное сообщение на итальянском языке. Это дает возможность более эффективно использовать креолизированный текст как средство агитации, популяризации милитарных ценностей и повышения престижа Вооруженных сил Италии.

Ввиду ограниченного количества знаков для публикаций Telegram-канала характерны неполные предложения. Телеграфный стиль сокращает слова и упаковывает информацию в минимально возможное количество слов или символов, интонационно-маркированные конструкции, неформальную вопросно-ответную форму сообщения обращение на «ты», создающее эффект личного разговора.

С появлением Telegram-каналов возникают новые языковые практики. Синтаксические средства выразительности и общее лексическое воздействие усиливаются невербальным компонентом в виде изображения. Более того, Telegram-каналы становятся альтернативой классическим медиа, предоставляя информацию в наиболее удобном виде. Это требует от журналистов новых знаний и творческих компетенций, а также использования новых языковых средств, а от филологов и лингвистов – дальнейшего изучения языка цифрового общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман М. Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
2. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Факультет журналистики МГУ; Издательство Московского университета, 2019.
3. Дьячков М. В. Креольские языки. М.: Наука, 1987.
4. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов). М.: Академия, 2003.
5. Креолизированный текст: смысловое восприятие: коллективная монография/Вашунина И.В. и др.. М.: Институт языкознания РАН, 2020.
6. Креолизированные тексты в различных видах дискурса: (на материале английского языка): монография/ Кулинич М. А. и др. Самара: СГСПУ, 2017.
7. Ирисханова О. К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. М. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2012. С. 63–66.
8. Степанов Е. В. Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция. М.: Вест-Консалтинг, 2006.
9. Lombardi Vallauri E. La lingua disonesta. Bologna: Il Mulino, 2019.
10. Serianni L. Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica. Milano-Torino: Bruno Mondadori, 2015.
11. Титова Т. Р. Формы обращения и титулование в итальянском языке: коммуникативный шок // Концепт: филология, религия, культура. 2019. Вып. 1. С. 95–103. URL: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-95-103>

REFERENCES

1. Lotman, M. Yu. (2000). Semiosfera = Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Vartanova, Ye. L. (2019). Teoriya media: otechestvennyy diskurs = Theory of media: domestic discourse. Faculty of Journalism, MSU, Moscow university press. (In Russ.)
3. Dyachkov, M. V. (1987). Kreol'skiye yazyki = Creole languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Anisimova, Ye. Ye. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts). Moscow: Akademiya. (In Russ.)
5. Vashunina, I. V. et al. (2020). Kreolizovannyi tekst: smyslovoye vospriyatiye = Creolized text: semantic perception: collective monograph. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Kulinich, M. A et al. (2017). Kreolizovannyye teksty v razlichnykh vidakh diskursa: (na materiale angliyskogo yazyka) = Creolized texts in various types of discourse: (on the material of the English language): collective monograph. Samara: SGSPU. (In Russ.)
7. Iriskhanova, O. K. (2012). Socio-cognitive approach to multimodality: semiotics of posters. Cognitive studies of language. IYA RAN, Tambov: Izdatel'skiy dom TSU, XI, 63–66. (In Russ.)
8. Stepanov, Ye. V. (2006). Sotsialnaya reklama v Rossii: genezis, zhanry, evolyutsiya = Social advertising in Russia: genesis, genres, evolution. Moscow: Vest-Konsalting. (In Russ.)
9. Lombardi, Vallauri E. (2019). La lingua disonesta = The dishonest language. Bologna: Il Mulino.
10. Serianni, L. (2015). Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica = Manual of Italian linguistics. History, current events, grammar. Milano-Turino: Bruno Mondadori.
11. Titova, T. R. (2019). Formy obrashcheniya i titulovaniye v ital'yanskom yazyke: kommunikativnyy shok = Italian forms of address and titles: a cultural shock. Concept: philosophy, religion, culture, 1, 95–103. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-95-103> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук
заведующая кафедрой итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Арсентьева София Витальевна

аспирант кафедры итальянского языка переводческого факультета
преподаватель Военного учебного центра и кафедры итальянского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borisova Elena Sergeevna

PhD (Philology)
Head of the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Arsenteva Sofia Vitalievna

Postgraduate student of the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting,
Lecturer at the Military Training Center and the Italian Language Department
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.02.2023
20.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
 УДК 811.621 81'282.8
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_30

Отражение полинезийских лингвокультур в морском фольклоре

С. С. Галактионов

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
 semengal98@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен морских песен и их межкультурные особенности в контексте взаимодействия европейских и полинезийских культур. Определяются исторические предпосылки возникновения этого жанра и функции, которые выполняли морские песни. Также производится наиболее общая функциональная классификация шанти. Особое внимание уделяется интеграции полинезийских лингвокультур в тексты морских песен и последствиям этой интеграции.

Ключевые слова: морской фольклор, шанти, языковой контакт, культурная синергия, лексические заимствования

Для цитирования: Галактионов С. С. Отражение полинезийских лингвокультур в морском фольклоре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873), С. 30–35. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_30

Original article

Representation of Polynesian Linguacultures in Maritime Folklore

Semyon S. Galaktionov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 semengal98@mail.ru*

Abstract. The article deals with the phenomenon of sea shanties and their intercultural features in the context of European-Polynesian interactions. The history of the emergence of this genre of maritime folk music, as well as the main functions that sea shanties served, are described. A general functional classification of shanties is also provided. The integration of Polynesian linguacultures into the texts of sea songs and the consequences of such integration are given particular attention.

Keywords: maritime folklore, sea shanties, language contact, cultural synergy, lexical borrowings

For citation: Galaktionov, S. S. (2023). Representation of Polynesian linguacultures in maritime folklore. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 30–35. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_30

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня элементы полинезийских языков уже встречаются в массовой культуре, а помимо этого существует и большое количество низовых инициатив, нацеленных на сохранение и распространение коренных культур и языков. Политика последовательной деколонизации, проводимая на Гавайях, Таити, Самоа и в Новой Зеландии во второй половине XX века, позволила коренным народам этих островов взять инициативу по возрождению собственного культурного наследия в свои руки. В то же время у коренных полинезийцев появилась уникальная возможность для самовыражения, в том числе за счет апроприации средств доминантных западных культур: художественной литературы, изобразительного искусства, современных танцевальных и музыкальных жанров и т. д. В результате у более широкой аудитории и интернациональной аудитории появилась возможность ознакомиться с картиной мира полинезийских народов и ее проявлениями в творчестве. Для рассматриваемой эпохи деколонизации характерно стремительное развитие протестного искусства, транслинговой и транскультурной полинезийской литературы, а также научных исследований, посвященных островным языкам и культурам. Особое место в этом процессе занимает новая волна полинезийской музыки, которая стала одним из наиболее популярных и доступных средств поиска новой коренной идентичности. Исполнители экспериментировали с различными жанрами, будь то рок, фолк, рэп или регги, и обогащали музыку элементами своих собственных культур, в том числе и традиционными формами пения.

Сегодня существует целый пласт полинезийских исполнителей, которые выпускают музыку, написанную как на коренных языках (гавайский, таитянский, самоанский и маори), так и на смеси какого-либо коренного с французским или английским. Такое переключение кодов в творчестве характерно для многих постколониальных обществ, в которых языки, долгое время притесняемые, в какой-то момент приобрели статус официальных. Естественно, в случае с островными государствами Полинезии ситуация постоянного языкового контакта и взаимовлияния обусловлена многолетней историей колонизации, на протяжении которой коренным населением начали систематически прививаться языки метрополий, а их собственные языки начали документироваться миссионерами и экзотизироваться. Тем не менее колониальный период отмечен еще одним уникальным феноменом, в рамках которого языковые контакты во

многом повлияли на дальнейшее развитие полинезийской музыки. Морской фольклор, а именно жанр морских песен шанти, представляет собой уникальный феномен, о котором далее и пойдет речь.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ШАНТИ

Как таковые морские песни шанти (англ. *sea shanties* или *chanties*) являют собой поджанр рабочих песен, которые начиная с середины XIX столетия исполнялись на бортах торговых, военных и китобойных судов. Так как на ранней стадии своего возникновения морские песни еще не привлекали интереса исследователей, а среди самих моряков отсутствовала практика систематической документации текстов, мотивов и авторства этих песен, существует несколько точек зрения на их историю. Профессор и ведущий специалист в области этномузыкологии Гибб Шреффлер отмечает, что большое количество американских журналистов и корабельных писарей второй половины XIX века придерживались идеи происхождения шанти от песен черных рабов. По данной версии творчество африканских рабов, помогавшее им переносить изнурительный труд, постепенно перешло и на морские суда, где стало развиваться и трансформироваться как черными, так и европейскими моряками [Schreffler, 2018]. Другая версия происхождения шанти была предложена американским исследователем морских песен Уильямом Мэйном Доерфлингером. Его авторству принадлежит один из первых сборников морских песен, в котором к непосредственным текстам песен прилагались истории их возникновения с подробными комментариями для неискушенных в морском деле читателей. Доерфлингер утверждает, что своими корнями культура шанти уходит в позднее средневековье. При этом он отмечает, что в XVII–XVIII веках морские песни начали терять популярность и пережили своего рода возрождение только после Англо-американской войны 1812–1815 годов. Расширение торгового флота и появление большого числа судов с небольшими командами привели к тому, что вспомогательные морские песни вновь стали востребованы. И хотя Доерфлингер согласен с тем, что именно в это время белые матросы стали чаще напрямую взаимодействовать и работать в одном коллективе с черными рабочими, гипотезу о влиянии творчества рабов на возродившийся жанр шанти он поддерживает не полностью [Doerflinger, 1990].

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ШАНТИ

Тем не менее вне зависимости от истории происхождения жанра шанти неизменными остаются функции, выполняемые морскими песнями на борту судна. Как уже было отмечено, расширение торговых флотов в XIX веке сопровождалось сокращением числа рабочих в командах, из-за чего увеличивались профессиональные нагрузки моряков, возрастала интенсивность той работы, которую им было необходимо выполнять. Шанти же позволяли матросам успешно синхронизировать свои действия при исполнении тех или иных служебных задач. Эти песни представляли собой так называемое респонсорное пение, при котором чаще всего попеременно звучало пение солиста-шантмена и хора моряков. После того, как шантмен пел небольшой куплет, другие члены команды подхватывали общий припев, ритм которого позволял им синхронно выполнять те или иные действия. В зависимости от поставленной задачи варьировался ритм песни, а при резкой смене задания могло меняться и ее содержание, так как в этом случае солисту приходилось быстро подстраиваться под новый ритм.

Морские песни также выполняли еще одну значимую функцию – рекреационную. В свободное от исполнения своих обязанностей время матросы могли исполнить ту или иную песню для восстановления сил, поднятия духа и выражения солидарности со своей профессиональной группой. Совместное исполнение шанти позволяло морякам социализироваться, а в случае с исполнением авторских песен также делиться накопленным опытом, надеждами на будущее по окончании очередного опасного путешествия и выражать общие для команды эмоции [Kelby, 2013].

Несмотря на то, что составить максимально исчерпывающую классификацию морских песен не представляется возможным по причине разрозненности тех классификаций, которые предлагаются ведущими исследователями, можно разделить их на две большие группы в зависимости от выполняемой ими функции. К первой группе следует отнести те шанти, которые, как было отмечено выше, позволяли матросам синхронизировать свои действия при выполнении определенной задачи. В данную группу входят песни, исполнявшиеся при подъеме и спуске парусов, натягивании каната, перебирании троса, обтягивании паруса, поднятии якоря, откачке воды и т. д. [Harlow, 1962; Hugill, 1961]. Ко второй группе относятся баковые песни (англ. *forecastle songs* или *forebitters*) [Risko, 2015], которые выполняли, прежде всего,

рекреационную функцию, т.к. моряки исполняли их в свободное от труда время, когда собирались на носу корабля около бака. Свободная обстановка также позволяла аккомпанировать баковым песням на музыкальных инструментах и привносить в тексты повествовательную последовательность.

В рамках настоящего исследования именно вторая подгруппа морских песен представляет особый интерес, поскольку она предоставляла исполнителям больше творческой свободы и, соответственно, открывала возможности, в том числе и для смешения различных музыкальных и песенных культур.

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИНЕЗИЙСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР В ТЕКСТАХ МОРСКИХ ПЕСЕН

Вместе с развитием торгового мореплавания в XIX веке начали диверсифицироваться составы команд, и на суда стали наниматься представители уже не только европейских, но и многих коренных культур. Данная тенденция присуща и жителям полинезийских островов, которые видели в развитии торгового мореплавания возможность интегрироваться в новое общество и улучшить свое финансовое положение. Чаще всего они нанимались на китобойные суда, так как западные команды ценили их опытность в этом ремесле и те навигационные навыки, которые в Полинезии традиционно передавались из поколения в поколение. Ввиду тяжелых трудовых условий и необходимости слаженной совместной работы полинезийские моряки быстро интегрировались в новые социальные группы. При этом за ними как за полноценной частью команды сохранялось право на самовыражение в свободное от работы время и на социальную коммуникацию со своими товарищами. Ситуация подобного межкультурного взаимодействия приводила к формированию языковой и культурной синергии между европейскими и полинезийскими моряками, что в свою очередь отражалось и на музыкальном творчестве [Carr, 2014].

Результатом этого процесса стала интеграция элементов различных полинезийских лингвокультур в тексты популярных морских песен. Она происходила в форме культурно-специфических заимствований. На базовом уровне это выразилось в употреблении в песнях тех или иных эндонимических топонимов. Так, например, в популярной среди китобоев баковой песне «Rolling Down to Old Maui» название и припев содержат слово *Maui*, наименование одного из гавайских островов и важного перевалочного пункта для моряков. Название острова также отсылает к одному из главных героев полинезийской мифологии, полубогу и трикстеру Мауи,

образ которого, безусловно, был привлекателен для моряков. Особый интерес представляет куплет, зафиксированный британским моряком и фольклористом Стэном Хагиллом и содержащий в себе несколько заимствований из гавайского:

And now we're anchored in the bay
With the Kanakas all around
With chants and soft aloha oes
They greet us homeward bound.
And now ashore we'll have good fun
We'll paint them beaches red
Awaking in the arms of a wahine
With a big fat aching head¹.

В первую очередь следует обратить внимание на употребление лексемы *Kanaka*, которая в гавайском несет значения «человек» или «работник», но также нередко используется самими гавайцами как эндоэтноним в следующих словосочетаниях: *kānaka 'ōiwi* или *kānaka maoli*. В следующей строке встречается фраза *aloha 'oe*, традиционная форма приветствия и прощания, которая на коренном языке может означать как «будь любим и здравствуй», так и «в добрый путь». Здесь также можно увидеть отсылку к знаменитой песне королевы Лили'уокалани с одноименным названием. Показательна грамматическая ассимиляция этих двух заимствований и добавление к ним окончаний множественного числа существительного. Последним заимствованием является *wahine*, слово, имеющее значение «женщина», а в зависимости от контекста приобретающее коннотативное значение божественности. Здесь также видна грамматическая ассимиляция в виде добавления неопределенного артикля перед заимствованной лексемой. В общем, текст песни позволяет судить об исключительно положительном впечатлении автора от коренной культуры гавайских островов.

В случае с новозеландским морским творчеством употребление коренных топонимов также было распространенным явлением. В пародийной песне «The Beautiful Coast of New Zealand», повествующей о Капитане Брюсе и его корабле «Мэгните», встречается следующий отрывок:

Two hundred of flour tied in a sack:
and the Maori carried it all on his back
On the beautiful coast of New Zealand
Waikouaiti and Molyneux
Tautuku and Otago too...²

¹ Hugill S. Shanties from the seven seas: shipboard work-songs and songs used as work-songs from the great days of sail. L.: Routledge, 1961.

² Unknown. The Beautiful Coast of New Zealand. URL: https://www.folksong.org.nz/beautiful_coast_of_NZ/index.html

В тексте встречаются такие маорийские географические наименования как *Waikouaiti* и *Tautuku*, которые намеренно поставлены в один ряд с такими поселениями, как Молиньи и Отаго и в данном контексте создают образ «прекрасной» и явно бикультурной Новой Зеландии. Этот образ подкрепляется и очевидным намерением автора описать коренного жителя маори как сильного и трудолюбивого.

Еще одной характерной группой заимствований из языка маори являются слова, обозначающие элементы коренной флоры. Примером в этом случае может послужить песня «Across the Line», за основу которой было взято четверостишие из стихотворения Уильяма Аллингэма, молодого ирландского офицера, не раз отправлявшегося в кругосветные плавания. Матросы же впоследствии подстраивали текст стихотворения под личный опыт и исполняли его в форме баковой песни.

I've traded with the Maoris, Brazilians and Chinese,
I've courted half-caste beauties beneath the kauri trees;
I've travelled along with a laugh and a song
In the land where they grow "mate" ...³

Данный отрывок взят из версии, принадлежавшей, очевидно, новозеландскому моряку европейского происхождения. Помимо упоминания о том, что он проводил торговые сделки с маори, чувствуется желание автора описать романтическую ситуацию в соответствующих коренных реалиях. С этой целью он заимствует *kauri*, маорийское обозначение деревьев из рода Агатис, распространенных в Новой Зеландии. Под этими деревьями моряк проводит время с красавицами, которых он описывает как *half-caste*. Это устойчивое английское выражение, ранее употребляемое в отношении детей, родившихся от смешанных браков женщин-маори с европейскими моряками. Здесь вновь считается подстрочный нарратив сосуществования и единения коренного населения со своими колонизаторами, но при этом очевидна и экзотизация образа полинезийской женщины, также характерная для эпохи [Medeiros, 2018].

Следующий пример, к которому хотелось бы обратиться – это знаменитое шанти «John Kanaka», впервые задокументированное ранее упоминавшимся Стэном Хагиллом. Сам исследователь отмечал, что у припева этой песни явно полинезийские корни.

I heard, I heard the Old Man say
John Kanaka-naka tulai ē!
Today, today is a holiday
John Kanaka-naka tulai ē!⁴

³ Unknown. Across the Line. URL: <https://www.folksong.org.nz/acrosstheline/index.html>

⁴ Hugill S. Op. cit.

Действительно, в тексте вновь встречается знакомая гавайская лексема *Kanaka*, которая словно фамилия сочетается с английским именем *John* и одновременно служит обозначением его статуса как рабочего моряка. Таким образом, личность персонажа словно раздваивается и позволяет относить его как к западной, так и к коренной культуре. Однако наиболее интересным заимствованием в этом тексте является следующая за именем фраза *tulai ē*, которая, как ни странно, позаимствована уже не из гавайского, а из самоанского языка. На самоанском эта фраза несет значения «подняться», «встать» и «противостоять», что позволяет говорить об адресованном моряку припеве как о призыве выстоять перед лицом всех опасностей и тяжб службы. За счет употребления заимствований из двух разных полинезийских языков, автору удается объединить представителей сразу трех культур: англо-американской, гавайской и самоанской.

В продолжение темы самоанской репрезентации в текстах морских песен хотелось бы обратиться к нестандартному случаю, когда заимствования из английского языка появляются в тексте полинезийской песни. Речь идет о традиционной самоанской песне «Tōfā my Feleni», сочиненной коренными жителями деревни Апиа в 1889 году при крайне интересных обстоятельствах. В марте 1889 года недалеко от берега деревни потерпел крушение американский военный корабль «Трентон», и экипаж корабля численностью немногим более 350 человек спасся только благодаря тому, что жители Апиа построили живую цепочку от самого берега и одного за другим переносили моряков с места крушения. К моменту прибытия спасательной миссии американские моряки успели прожить несколько месяцев вместе с самоанцами и наладить с ними дружественные отношения. Когда морякам пришло время отправляться к себе домой, коренной житель по имени Фа'атуи Фуимаоно Воа сочинил песню, в которой пожелал им удачи и спокойной дороги домой и попросил никогда не забывать про деревню Апиа и народ Самоа.

Tōfā my feleni,
 'ole'a 'ou te'a,
 'ai folau i le va'a
 a le ali'i pule i Meleke.
 Ne'i galo mai Apia,
 si o ta 'ele'ele
 'ae manatua mai pea,
 le 'aupasese
 Oh, I never will forget you.
 Samoa e ne'i galo atu
 Oh, I never will forget you,
 Samoa e ne'i galo atu

Fa'afogafoga mai
 Samoa 'uma
 'ai se'i fai atu
 o la'u fa'atusa.
 Pei 'o le susana
 i totonu o mauga,
 fa'apea la'u pele
 'i tāupou 'uma¹

В названии песни, равно как и в ее первой строке, присутствует фраза *my feleni*, состоящая из трансплантированного притяжательного местоимения *my* и транслитерации английского слова *friend*, которое самоанцы артикулировали как *feleni*. Далее в тексте на тот же манер транслитерируется топоним *America*, который в самоанском произношении превращается в *Meleke*. В припеве наличествует трансплантация целой фразы на английском языке, которую, вероятно, должны были исполнять сами американские моряки, так как самоанец наверняка транслитерировал бы ее на манер предыдущих заимствований. Последним английским словом, интегрированным в текст песни, является *susana*, транслитерированное название цветка *black-eyed Susan* или Рудбекии волосистой. Растение было завезено американскими колонизаторами на Самоа и впоследствии приобрело значение «редкого цветка». Дружественный посыл песни и готовность самоанского племени к межкультурному и языковому контакту с иноземцами предопределили популярность песни. Она стала символом установления дипломатических отношений между Самоа и Америкой и со временем сделалась неотъемлемой принадлежностью самоанского морского фольклора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт взаимодействия европейских и полинезийских моряков, отразившийся, в том числе в текстах морских песен, показывает, что различные этносы могут сосуществовать в единстве. Даже несмотря на репрессивный характер колониальных империй прошлого и их стремление к разобщению представителей разных культур, солидарность людей, оказывающихся в равных условиях в одной и той же эксплуатируемой социальной группе, невозможно сломить. Такое музыкальное явление, как морской фольклор, служило важным средством формирования и поддержания этой солидарности, чем и обусловлены многочисленные лексические заимствования, встречающиеся в текстах шанти. По этой же причине формат шанти был оптимален

¹ Fa'atui Fuimaono Voa. Tōfā my Feleni. URL: https://folksong.org.nz/tofa_my_feleni/index.html

для самовыражения моряков, так как представители различных культур могли подстраивать его под себя для решения наиболее актуальных жизненных задач: от синхронизации действий на борту до социализации с представителями других этнических групп. И, несомненно, вышеупомянутые свойства морских песен впоследствии проявились в том, что в постколониальный период возникла

новая волна полинезийских исполнителей, которые смешивают в своих произведениях не только разные стили, но и разные языки.

Представляется, что результаты настоящего исследования могут быть использованы в дальнейшем для более детального изучения морского фольклора, этномузыкологии и их лингвокультурологического потенциала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schreffler G. *Boxing the compass: a century and a half of discourse about sailor's chanties*. Portland : Loomis House Press, 2018.
2. Doerflinger W. M. *Songs of the sailor and lumberman*. Glenwood: Meyerbooks, 1990.
3. Kelby R. Nostalgia and imagination in nineteenth-century sea shanties // *The Mariner's Mirror*. 2013. Vol. 98. № 2. P. 147–160.
4. Harlow F. P. *Chanteying aboard American ships (maritime)*. Mystic: Mystic Seaport Museum, 1962.
5. Hugill S. *Shanties from the seven seas: shipboard work-songs and songs used as work-songs from the great days of sail*. L.: Routledge, 1961.
6. Risko S. M. 19th century sea shanties: from the capstan to the classroom // *ETD Archive*. 2015. № 658. URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/etdarchive/658>
7. Carr J. R. *Hawaiian music in motion: mariners, missionaries, and minstrels*. Champagne : University of Illinois Press, 2014.
8. Medeiros M. Western-constructed narratives of Hawai'i // *History in the making*. 2018. Vol. 11. P. 214–246.

REFERENCES

1. Schreffler, G. (2018). *Boxing the compass: a century and a half of discourse about sailor's chanties*. Portland: Loomis House Press.
2. Doerflinger, W. M. (1990). *Songs of the sailor and lumberman*. Glenwood: Meyerbooks.
3. Kelby, R. (2013). Nostalgia and imagination in nineteenth-century sea shanties. *The Mariner's Mirror*, 98(2), 147–160.
4. Harlow, F. P. (1962). *Chanteying aboard American ships (maritime)*. Mystic: Mystic Seaport Museum.
5. Hugill, S. (1961). *Shanties from the seven seas: shipboard work-songs and songs used as work-songs from the great days of sail*. London: Routledge.
6. Risko, S. M. (2015). 19th century sea shanties: from the capstan to the classroom. *ETD Archive*, 658. <https://engagedscholarship.csuohio.edu/etdarchive/658>
7. Carr, J. R. (2014). *Hawaiian music in motion: mariners, missionaries, and minstrels*. Champagne: University of Illinois Press.
8. Medeiros, M. (2018). Western-constructed narratives of Hawai'i. *History in the Making*, 11, 214–246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галактионов Семён Сергеевич

младший научный сотрудник отдела языкознания

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galaktionov Semyon Sergeevich

Junior Research Fellow of Linguistic Department

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.02.2023
21.02.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
 УДК 81'27.801.61
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_36

Лингвокогнитивные аспекты поэтического слова в российской молодежной поэзии (на материале цикла стихотворений «More» Е. В. Антроповой)

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
guseynova@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен поэтического слова в номинативном и интерпретативном аспектах. Лингвокогнитивный анализ проводится на материале молодежной поэзии с учетом социолингвистических параметров социокоммуникативной группы, знакомой с творчеством молодых поэтов. В ходе анализа выявляются следующие лингвистические особенности молодежной поэзии: контекстная реализация интерпретативного аспекта, являющегося результатом инференции; применение прецедентных феноменов с опорой на транспарантные символы; широкое использование стилистического повтора, способствующего приращению дополнительных смыслов в поэтическом произведении; выстраивание двухуровневого диалога а) между автором и читателем, б) между вымышленными персонажами.

Ключевые слова: поэтическое слово, номинативный аспект, интерпретативный аспект, транспарантный символ, приращение смыслов

Для цитирования: Гусейнова И. А. Лингвокогнитивные аспекты поэтического слова в российской молодежной поэзии (на материале цикла стихотворений «More» Е. В. Антроповой) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 36–43. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_36

Original article

Linguistic and Cognitive Aspects of the Poetic Word in Russian Youth Poetry (analysis of a series of poems «More» by E. V. Antropova)

Innara A. Guseinova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
guseynova@linguanet.ru

Abstract. The article sets out to consider the nominative and interpretative aspects of the poetic word. The undertaken linguo-cognitive analysis of youth poetry takes into account social and linguistic parameters of the socio-communicative group that comprises people familiar with works by young authors. The analysis serves to reveal the following linguistic distinctions: contextual interpretations result from inferences; precedent phenomena are used symbolically; widely employed stylistic repetitions contribute to meaning-making; a two-level dialogue – between the author and the reader, as well as between fictional characters – is constructed.

Keywords: poetic word, nominativ aspect, interpretative aspect, transparent symbol, meaning-making

For citation: Guseinova, I. A. (2023). Linguistic and cognitive aspects of the poetic word in Russian youth poetry (analysis of a series of poems «More» by E. V. Antropova). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 36–43. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_36

ВВЕДЕНИЕ

Современная художественная литература, ориентированная на юношескую аудиторию, отличается своеобразием, которое обусловлено, динамическим характером самой молодежной среды, с одной стороны, и частой сменой ее интересов и вкусовых предпочтений – с другой. По этой причине детско-юношеская литература весьма разнообразна и требует при передаче художественных смыслов учета актуальных для молодого читателя и современного общества проблем, стилистически адекватного представления тем, затрагивающих нынешнее поколение молодежи, соответствующих ее социолингвистическим параметрам и социокультурным характеристикам. Содержание истинных произведений нынешней поэзии представляет собой многоаспектное описание современной проблематики, включающее политическое, экономическое, социальное, виртуальное и иные измерения. Означенная совокупность ментальных и эстетических условий позволяет представителям различных социокоммуникативных групп на разных этапах их развития найти контент, отвечающий их нравственно-эстетическим запросам. В свете сказанного представляется необходимым сосредоточиться на анализе поэтических произведений молодых, зачастую неизвестных авторов, которые демонстрируют свои работы в виртуальном пространстве и, только приобретая устойчивый интерес к данному контенту со стороны социокоммуникативных групп, публикуют циклы своих стихов в литературных газетах и журналах, а также представляют свои тексты читателю в виде сборников поэтических произведений, представленных на печатных носителях. Безусловно, такой подход молодых авторов к литературному ремеслу следует считать обоснованным, так как пройдя первичную апробацию в виртуальной сети, можно обращаться к интеллектуальной читательской аудитории, готовой обратить внимание на их творчество уже в книжном формате.

В центре нашего внимания – феномен поэтического слова, ниже иллюстрируемый нами на примере творчества молодого начинающего автора. Релевантными для молодежной поэзии вопросами семантики конкретных лексем, синтаксических особенностей иноязычных и русскоязычных текстов, интерпретации текстов, насыщенных культурной информацией, словесных образов, транспарантных и иных общественно значимыми символов успешно занимаются современные отечественные и зарубежные исследователи [Гик, 2020; Мякшева, 2018; Сулейманова, Карданова-Бирюкова, 2021; Халас, 2021; Халикова, 2019]. Многие ученые

придерживаются в своих изысканиях определенных взглядов на *поэтическое слово*, которое представляет собой уникальный феномен, соединяющий в себе два элемента – номинативный и интерпретативный [Киклевич, 2016]. Номинативный элемент выполняет ряд когнитивно обусловленных функций: дает возможность наименования объекта окружающей действительности на основе характерных признаков, позволяет классифицировать его и рассматривать в системе сходных предметов или явлений. Интерпретативный элемент служит распознаванию скрытых смыслов – намерений автора, заключенных в языковую форму. Многие исследователи объясняют динамический характер лингвистических процессов через понятие амбисемии, означающее «принцип конфигурации двух элементов значения единицы в системе языка: номинативного и интерпретативного» [Киклевич, 2016, с. 92; Татаринов, 2005, с. 133–134]. При этом номинативный элемент отражается в форме и структуре знака, т. е. имеет объективный категорематичный характер, а интерпретативный обеспечивает реализацию инференции в процессе речевой деятельности. Участники, наблюдающие за «синергетическим взаимодействием языка и среды» [Киклевич, 2016, с. 90], черпают необходимую информацию из глобального контекста, воспринимают и анализируют ее, наполняя одновременно своими чувствами, переживаниями, наблюдениями и жизненным опытом. Ключевую роль в процессе порождения поэтического текста играет эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и ее интеллектуальная обработка при помощи разнообразных языковых средств.

АМБИСЕМия В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЭЗИИ

Наш выбор данного сборника стихотворений носит неслучайный характер. Во-первых, автор поэтического сборника обладает социолингвистическими параметрами, позволяющими делать определенные выводы о социокоммуникативной группе, которая относится положительно к творчеству упомянутого автора. Преимущественно члены данной группы имеют высшее окончное / неоконченное высшее образование, имеют склонность к изучению родного и иностранных языков, уделяют достаточно большое внимание своему интеллектуальному развитию, пользуются телекоммуникационной сетью Интернета в профессиональных и личностно-досуговых целях. Возраст их варьирует от 17 до 27 лет. Во-вторых, многие знают автора поэтического сборника лично: образ автора, его внутренние чувства и

переживания созвучны внутренним настроениям данной социокоммуникативной группы. Иными словами, в процессе социокультурного взаимодействия с автором стихов у читателей и слушателей не возникает проблем, обусловленных когнитивным диссонансом и когнитивным конфликтом, в понимании человека как *единства* эмоционального и рационального компонентов [Кубрякова, 2004; Schwarz-Friesel, 2007]. В-третьих, содержание стихотворений затрагивает чувства и эмоции социокоммуникативной группы, независимо от ее гендерных, конкретных возрастных, образовательных и культурных характеристик. Таким образом, материал цикла стихотворений позволяет обозначить некоторые тенденции в динамическом развитии духовно-нравственных потребностей определенной молодежной социокоммуникативной группы.

Лингвистический анализ стихотворного материала осуществляется по следующим параметрам:

- учет глобального контекста и социолингвистических характеристик потенциальной социокоммуникативной группы (социокультурный аспект);
- содержательный анализ с опорой на конкретные языковые факты (номинативный аспект);
- анализ текста (интерпретативный аспект);
- выводы на основании проведенного анализа (когнитивный аспект).

Остановимся ниже на текстовых примерах.

Название сборника стихотворений «Море» предполагает его прочтение не менее чем в двух измерениях как написанное латинскими буквами слово *more* (*More*) и как английское *more* (*больше*). Такое название цикла стихотворений, безусловно, привлекает внимание читательской аудитории и одновременно соответствует возрастным характеристикам и вкусовым предпочтениям молодежной среды. Принято считать, что современная молодежь употребляет в общении англо-американские заимствования, служащие в ситуации межличностного и опосредованного общения сигнальной функцией для партнеров по коммуникации, и одновременно демонстрирует принадлежность индивида к определенной социальной группе. Тем не менее во избежание многозначного толкования сразу за названием следует авторское стихотворное разъяснение:

Нас уже ничего не спасет,
ты не слушай напрасных историй.
Счастье там, где кончается все,
где кончается все, кроме моря¹.

¹ Антропова Е. В. Указ. соч. С. 3.

Переживания, опасения и ожидание неизвестности, которые страшат молодого читателя, вербализуются при помощи комплекса языковых средств: путем перечисления глаголов с отрицанием *не*, ср.: *не спасет // не слушай*; неизбежность конца, апокалиптичность мира продемонстрирована при помощи эпитета *напрасный*, который в справочных изданиях трактуется как *тщетный, суетный, бесполезный, ни к чему не ведущий* (см. [Даль, 2004]); путем противопоставления лексем *счастье – конец*, ср.: *счастье там, где кончается все*, реализуемого полным повтором предложения, ср.: *где кончается все, / где кончается все*, которое в дальнейшем опровергается финальным высказыванием *кроме моря*. Особую роль в данном стихотворном авторском разъяснении играет синтаксическая редупликация, реализуемая при помощи лексических повторов. Многие современные ученые справедливо отмечают, что повтор одного и того же слова порождает «некоторый сверхсмысл» [Киклевич, 2016, с. 56]. Применительно к творчеству многих поэтов, в том числе молодых, следует подчеркнуть, что повторы придают как письменной, так и устной коммуникации определенную степень разговорности, которая способствует установлению диалога автора с читателем. Молодежная поэтическая коммуникация насыщена стилистическими повторами, об этой тенденции свидетельствуют и другие примеры анализируемого нами цикла стихотворений.

Семантика отрицания, на первый взгляд, придает всему стихотворению эмоциональные смыслы грусти и печали, безысходности и тщетности, однако при этом весь позитивный потенциал лексемы *море* сохраняется. Море как природное явление служит в стихотворении Е. В. Антроповой «Расскажи мне о море» синонимом слову *счастье*, ср.:

Расскажи мне о море – все проблемы потом
<...>

В их горячих сердцах места нет для печали².

Данная антитеза возникает на контекстуальном уровне, что позволяет увидеть проблему счастья в двух измерениях – в глобальном и житейски конкретном. Авторская антитеза задана лексемами *море – проблемы*, в то время как снятие проблем маркировано лексическими группами *горячее сердце – места нет для печали*. Такое построение разрешает острую проблему современной молодежи, связанную с так называемым «одинокчеством в толпе», когда молодой человек, пребывая среди других людей, все равно остается со своими проблемами наедине. Единственный путь заключается

² Антропова Е. В. Указ. соч. С. 4.

в поиске счастья и возможности найти близкого по духу и мыслям человека, способного разделить печаль, иными словами, решить проблему одиночества. Такая контекстуальная антитеза, основанная на инференции, дарит молодому читателю надежду на приобретение счастья с другим человеком или другими людьми. Об «одиночестве в толпе» и мотиве поиска счастья свидетельствуют и строки из стихотворения «Я в тебе утопаю, о боже»:

Так бывает, когда всех дороже
В этом мире, разбитом на части,
Вдруг становится просто прохожий,
Отыскавший в тебе свое счастье¹.

Отметим также, что счастье имплицитно связано с морем, ср.: *Я в тебе утопаю*, что способствует приращению дополнительных позитивных смыслов, например, *море счастья* и других.

Сборник стихотворений Антроповой содержит множественные переключения смыслов, формирующие диалектический внутренний диалог произведений, транслируемый на диалог между автором и читателем. Кажущееся отсутствие последовательной связности мыслей в поэтическом произведении быстро восполняется при помощи инференции на основе интерпретации интенции автора к объединению произведений в сборник, что позволяет рассматривать каждое отдельное стихотворение в качестве завершённого произведения и одновременно – отмечать органичность его присутствия в рамках анализируемого цикла. При этом номинативный и интерпретативный элементы как авторского цикла, так и включённых в него стихотворений дополняют друг друга, создавая тем самым диалог автора с молодежной читательской аудиторией.

СПОСОБЫ ПРИРАЩЕНИЯ СМЫСЛОВ

Анализ цикла стихотворений демонстрирует то обстоятельство, что автор отдаёт предпочтение **анти-тезе**, в том числе **контекстуальной антитезе**. Приведем отрывок из стихотворения «Будем вместе»:

Я умею ранить, ты – лечить,
мы с тобой, конечно, не похожи.
Оголтело носятся лучи
на закате по хрустально-бледной коже.
Ты недурно споришь, я – молчу –
это обстоятельство не ново.
Я приду к тебе, как к палачу,
перед казнью не сказав ни слова.
Но пока связующая нить

держит нас с тобой на этом месте,
мы научимся прощать и говорить.
Мы научимся. И значит, будем вместе².

В контексте амбисемии антитеза призвана эксплицировать тему на лексическом уровне при помощи слов, обладающих взаимно противоположным значением, ср.: *ранить – лечить*; *споришь – молчу*. Первая особенность молодежной поэзии заключается в том, что интерпретативный элемент реализуется преимущественно контекстно, ср.: *лучи – по хрустально-бледной коже*. Данная антитеза требует особых интеллектуальных усилий со стороны читателя. Предполагается, что лексема *лучи* ассоциируется со словами *солнце / ярко*, в то время как кожа остается *бледной*. Такое противоречие порождает дополнительные смыслы и стимулирует определенные чувства у читателя – жалость, печаль, возможность утраты и конца. Тем не менее, жизнеутверждающий повтор *мы научимся / Мы научимся* дарит надежду и одновременно демонстрирует путь к совместному преодолению сложностей и к решению проблем. Это представляется чрезвычайно важным в аспекте социокультурного взаимодействия поэта с молодежной социокоммуникативной группой.

Второй не менее важной отличительной чертой молодежной поэзии является обращение к прецедентным феноменам. Принято считать, что в стихотворениях всегда наблюдается определенная нехватка информации. По мнению многих исследователей, «апелляция к прецедентным феноменам» необходима в случае, когда возникает дефицит вербализованной информации, а именно – отсутствие связи между отдельными фрагментами текста [Киклевич, 2014, с. 108]. Возникающая при этом поэтика инференции опирается на так называемые «*транспарантные символы*», которые обладают композиционностью, т. е. выводимостью их вторичной семантики [Киклевич, 2014, с. 109]. Для иллюстрации вышесказанного обратимся к отрывку из стихотворения «Приходи ко мне из кривых зеркал»:

Я готов пройти босиком по снегу
Сотни километров к твоему ночлегу
Лишь бы посмотреть, лишь бы достучаться,
Однолюбцем буду, как когда-то Чацкий.³

и к отрывку из стихотворения «Небо Аустерлица»:

Пройдет, может, сто, может, тысяча дней,
Я буду лежать, как Болконский Андрей, –
в поле один без воды и без хлеба,

¹ Антропова Е. В. *More*. М.: Издательские решения, 2021, с. 5.

² Антропова Е. В. Указ. соч. С. 12.

³ Антропова Е. В. Указ. соч. С. 10.

а на километры вокруг – только небо!
Высокое
небо
Аустерлица!¹

В обоих случаях читатель сталкивается с транспарантными символами, ср.: *Чацкий / Болконский Андрей*, присущими российской лингвокультуре, реализуемыми в данном случае в виде **антитезы**, имеющей инферентный характер. При этом, однако, за каждым символом стоит знание, требующие от читателя апеллирования к знанию о мире, активизации его энциклопедических знаний из области литературы, истории, культурного наследия, что обеспечивает интенциональность поэтического высказывания в его анализе и декодировании смыслов [Чернявская, 2020].

В роли транспарантного символа следует рассматривать понятие «море». Передаче поэтического потенциала лексемы «море» способствует достаточно широкий набор языковых средств. Большую роль играют слова, выступающие в роли контекстных синонимов, значение которых неизбежно подводит к понятию *моря*. Например, *шумный прилив, запах соленый и свежий; побережье; там со скалами волны без устали спорят, там такие закаты*².

Третьей особенностью молодежной поэзии является стилистический повтор. Многие исследователи отмечают, что редупликация не является просто тавтологией, т. е. повтором слов, за которым не стоит прагматическая интенция. Редупликация в отличие от тавтологии, толкуемой преимущественно тривиально, имеет ярко выраженную прагматическую цель, так как «за повтором слов стоит повтор значений» [Киклевич, 2014, с. 58], что способствует содержательной наполненности и информативности сообщения [Киклевич, 2014, с. 58]. Иллюстративным примером случит отрывок из стихотворения «Держи мою руку» ср.:

...Скажу – и сквозь заросли эхо: 'Держи мою руку.
Держи
Мою
Руку' <...> и знаешь, откуда мы вместе,
Держи мою руку.
Держи
Мою
Руку³.

Прежде всего, речь в стихотворении идет о желании и острой необходимости быть вдвоем – рядом должен находится кто-то, кто готов оказать

поддержку в прямом и переносном смыслах – протянуть руку для того, чтобы не дать человеку, например, споткнуться или упасть и одновременно протянуть руку помощи – поговорить с человеком, выразить ему свое сочувствие, разделить с ним его горе, печаль, дать возможность высказаться и т. п. Безусловно, глагол *держать* можно интерпретировать более широко и рассматривать как необходимое и обязательное условие для человека быть в социуме, но грамматическая форма, повелительное наклонение и единственное число дает требуемое для интерпретации ограничение – присутствие и наличие того единственного человека, который может поддержать в прямом и переносном смыслах. Притяжательное местоимение *мой / моя* также дает дополнительное указание на конкретного человека. Такой стилистический повтор призван стимулировать у читателя эмоции, порождать единение и уверенность в наличии человека, способного разделить одни и те же мысли и чувства. Такой стилистический повтор в интерпретативном аспекте можно рассматривать как жанр молитвы или заклинания, что дает возможность членам социокоммуникативной группы сделать свой выбор – в пользу сакрального или наивного (альтернативного) типов знания. Разница заключается в том, что одному читателю ближе теологический подход, в то время как другому ближе народное творчество и культурно-историческое наследие. Таким образом, на литературное произведение проецируется ожидаемый диалектический диалог между стратами социокоммуникативной группы, а, следовательно, формируется диалог между читателями и автором.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что амбисемия в поэтическом творчестве Е. В. Антроповой реализуется путем комплексного использования номинативного и интерпретативного элементов. Вербализации первого способствует применение различных стилистических средств: контекстной реализации интерпретативного аспекта, являющегося результатом инференции; применения прецедентных феноменов с опорой на транспарантные символы; широкого использования стилистического повтора, способствующего приращению дополнительных смыслов в поэтическом произведении – в то время как интерпретативный элемент реализуется путем инференции, требующей интеллектуальных усилий со стороны как автора поэтического текста, так и читателя – представителя определенной социокоммуникативной группы.

ФУНКЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Принято считать, что поэтическое произведение оказывает всестороннее влияние на когнитивные

¹ Антропова Е. В. Указ. соч. С. 63.

² Антропова Е. В. Указ. соч. С. 4.

³ Антропова Е. В. Указ. соч. С. 24.

системы человека – рациональную и эмоциональную. При этом многие современные исследователи отмечают, что «воздействие на читателя может быть интеллектуальным, чувственным, духовным и т. п.» [Шуаипова, 2022, с. 3]. Комплексное воздействие достигается за счет амбисемии, позволяющей в тексте реализовать два механизма – номинацию и интерпретацию.

В молодежной поэзии – ее ярким примером является цикл стихотворений Антроповой «Могe» – наблюдается динамическое использование синтаксиса, формирующего контекстуальную антитезу, способную стимулировать интеллектуальную деятельность целой социокоммуникативной группы, применить культурно релевантную информацию, способствующую порождению определенных исторически значимых ассоциаций, сохраняя при этом погружение в актуальный для молодежной социокоммуникативной группы контент.

Такое погружение обеспечивается определенной степенью разговорности, достигаемой в ходе вымышленного диалога персонажей или в ходе конструируемого автором поэтического произведения разговора с читателем. Этому способствует применение диалогических конструкций, выстроенных в вопросно-ответной форме, ср.:

Встреча с прошлым

- Встретимся завтра? Привет!
- Может в баре? Выпьем, как раньше, бутылку Кампари.
Расскажешь мне, как тебе нынче живется. Сумел, наконец, найти место под солнцем?
- Да, я, как и прежде, работа и пицца, типичный москвич – устаю от столицы.¹

Хотя в данном отрывке мало указаний на то, что диалог происходит между юношей и девушкой, грамматическая форма глагола *сумел* – *сумел* – дает нам подсказку об участниках диалога, а также сочетание *типичный москвич*, в котором грамматические признаки также дают читателю понимание, что в диалоге участвует молодой человек. Вторая подсказка носит завуалированный характер – *бутылка Кампари*. Принято считать, что данный напиток предпочитают в молодежной среде девушки. Это обстоятельство позволяет предположить, что диалог ведется между юношей и девушкой, которые давно не виделись и какое-то время назад расстались. Подсказкой служит также устойчивое выражение *место под солнцем*, призванное иллюстрировать поиск выгодного предложения, престижного места работы с высокой зарплатой и т. п.; на наш взгляд, именно это выражение

служит стимулом к развитию диалога: оно является общим местом для участников коммуникации и способствует восстановлению отношений в нейтральном русле, требующем рационального осмысления действительности и профессионально ориентированных решений. На наш взгляд, в данном отрывке стихотворения реализуется *Triple-Appeal Principle*, т. е. «апелляции к трем типам рефлексивных систем: рациональным, эмоциональным и этическим» [Киклевич, 2014, с. 267]. При этом рациональное начало вербализуется при помощи бытовой лексики и транспарантных символов, эмоциональное начало – при помощи эпитетов и диалогических реплик, а этическое начало требует интеллектуальных усилий со стороны читателя, поскольку оно возникает путем инференции – в данном конкретном случае через скрытое желание найти близкого по духу человека, восстановить общие интересы, поговорить о насущных проблемах и совместно найти выход из рутины, лишаящей радости жизни, проявляемой в обыденных, но чрезвычайно важных мелочах – во встречах, беседах, разговорах по душам и т. п. Таким образом, диалог между персонажами расширяется, переходя в диалог между автором и читателем.

Теоретико-методологическими основами молодежной поэзии в лингвистическом измерении являются два направления, традиционно обозначаемые как рационализм и эмпиризм, которые в гуманитарном, в том числе в лингвистическом знании, трактуются как формализм и функционализм. Из шести парадигм современного научного знания [там же] для исследования функций поэтического слова в молодежной поэзии наиболее актуальной является парадигма универсализма (холистическая парадигма), провозглашающая «принцип оптимальности» [там же, с. 25], который «реализуется в форме принципа минимального действия: речь идет о компрессии формальных и структурных параметров речевых сообщений в условиях, когда значительная часть информации вытекает из контекста» [там же, с. 22]. В свете сказанного поэтическое слово выступает в молодежной поэзии в качестве стимула, порождающего ожидаемые реакции, созвучные членам определенной социокоммуникативной группы. Несмотря на сходство социолингвистических параметров конкретной социокоммуникативной группы, одновременно сохраняется и ее гетерогенность – гендерные различия и вариативности, различный уровень образования, разнообразные индивидуальные потребности и т. п. Выступая в качестве стимула или социального сигнала, поэтическое слово способствует сближению членов социокоммуникативной

¹ Антропова Е. В. Указ. соч. С. 8.

группы, а также выработке общих интересов и осуществлению духовно-нравственных потребностей. Поэтическое слово в молодежной поэзии вбирает в себя интеллектуальное, чувственное, духовное восприятие мира конкретной социокоммуникативной группой, что позволяет установить ее картину мира, языковую и концептуальную, а также установить ценностные потребности данного молодежного социума.

Поэтический диалог обеспечивается как интерференцией, мотивируемой взаимодополняющими номинативными и интерпретативными элементами текста, так и интерференцией рационального, эмоционального и этического восприятия мира автором и читателем, взаимодействующими в рамках одной социокоммуникативной группы. Внутренний диалог между автором и читателем, резонанс чувств и эмоций, сохраняющийся после прочтения текстов, вовлекает и автора, и читателя в процесс социального конструирования духовно-нравственных потребностей молодежной социокоммуникативной группы [Кусе, Чернявская, 2019].

В ходе анализа цикла стихотворений Е. В. Антроповой с опорой на достижения отечественных и зарубежных ученых-когнитивистов, полагающих, что «в системе языка когнитивную функцию наиболее полно выражают единицы лексического уровня – лексемы и фразеологизмы. Каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире» [Киклевич, 2014, с. 74], мы приходим к пониманию того, что любое слово, погруженное в социальный контекст, актуальный для молодежной аудитории, способно выполнять поэтическую функцию. Данное утверждение применительно к молодежной поэзии справедливо в том случае, если слово выполняет одновременно **несколько** функций, реализуя тем самым принцип оптимальности, описанный выше.

Поэтические функции слова *more* / *More* в творчестве Е. В. Антроповой, а также других слов,

типичных для молодежной поэзии, заключаются на наш взгляд в следующем:

- 1) в возможности множественной интерпретации лексемы, обусловленной личностными и групповыми интересами молодежного социума;
- 2) в возможности выступления в качестве транспарантного символа, порождающего интеллектуальное, чувственное, духовное содействие с автором стихотворений;
- 3) в многократном повторении определенных ключевых слов, выступающих в роли транспарантного символа;
- 4) в упрощенном представлении действительности на вербальной уровне, порождающем при этом множественные интерпретации у членов социокоммуникативной группы;
- 5) в одновременной апелляции к рациональному, эмоциональному и этическому компонентам когнитивной системы молодежной аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ молодежной поэзии свидетельствует о том, что представленный в ней контент носит характер интерференции и требует интеллектуальных усилий со стороны молодежной читательской аудитории, поддерживающих возможность множественной интерпретации.

Интеллектуальное взаимодействие рационального, эмоционального и этического компонентов когнитивной системы обеспечивает понимание социокоммуникативной группой скрытых смыслов, представленных в стихотворении при помощи поэтических слов, выполняющих роль стимулов, порождающих ожидаемые реакции.

Поэтическую функцию в молодежной поэзии выполняют лексемы, которые используются адекватно, передают реальность и соответствуют культурным параметрам конкретной социокоммуникативной группы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гик А. В. Семантика «сладкого» в языке русской поэзии (на материале «Словаря русской поэзии XX века») // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. XIV. М.: Книгодел, 2020. С. 119–132.
2. Мякшева О. В. Восприятие и интерпретация текстов культуры современной молодежью // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. XII. М.: Книгодел, 2018. С. 165–178.
3. Сулейманова О. А., Карданова-Бирюкова К. С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 297–315.
4. Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
5. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. XIII. М.: Книгодел, 2019. С. 268–280.

6. Киклевич А. К. Притяжение языка. Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты. Ольштын: Варминско-Мазурский университет, 2016.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Татаринов В. А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. М: ИНИОН РАН, 2005. С. 131–161.
9. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2007.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранная статья М.: Олма-Пресс: Красный пролетарий, 2004.
11. Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014.
12. Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 17(1). 2020. С. 135–147.
13. Шуаипова А. А. Эстетический потенциал слова и его реализация в поэтическом тексте (на материале немецкоязычной женской поэзии второй половины XX – начала XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
14. Кусе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 16 (3). 2019. С. 444–462.

REFERENCES

1. Gik, A. V. (2020). Semantics of the concept sweet in the language of russian poetry (as exemplified in the Dictionary of the 20th century russian poetry). In: Rusistika i komparativistika: collection of papers (vol. XIV, pp. 119–132). Moscow: Knigodel. (In Russ.)
2. Miaksheva, O. V. (2018). Mjaksheva O. V. Vosprijatie i interpretacija tekstov kul'tury sovremennoj molodezh'ju = Perception and interpretation of cultural texts by contemporary youth. In: Rusistika i komparativistika collection of papers (vol. XII, pp. 165–178). Moscow: Knigodel Publ. (In Russ.)
3. Suleimanova, O. A., Kardanov-Buriukova, K. S. (2021). Contrastive analysis of Russian and English «peripheral» syntactic structures in a translation perspective. In: Rusistika i komparativistika collection of papers (vol. XV, pp. 297–315). Moscow: Knigodel Publ. (In Russ.)
4. Khalas, E. (2021). Simvoly i obshhestvo. Interpretativnaja sociologija = Symbols and society. Interpretive sociology. Kharkov: Gumanitarnyi Tsent. (In Russ.)
5. Khalikova, N. V. (2019). Verbal image as a structural unit in a literary text. In: Rusistika i komparativistika collection of papers (vol. XIII, pp. 268–280). Moscow: Knigodel. (In Russ.)
6. Kiklevich, A. K. (2016). Pritjazenie jazyka = Language attraction (vol. 4: Jazykovaja dejatel'nost: semanticheskie i gramaticheskie aspekty). Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski. (In Russ.)
7. Kubriakova, E. S. (2004). Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
8. Tatarinov, V. A. (2005). Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: evolyutsiya problem i aspektov izucheniya = Terminological Vocabulary of the Russian Language: The Evolution of Problems and Aspects of Study. In E. O. Oparina, E. A. Kazak (eds.). Russkij yazyk v sovremennom obshchestve: Funktsional'nye i statusnye kharakteristiki (pp. 131–161). Moscow: INION RAS Publ. (In Russ.)
9. Schwarz-Friesel, M. (2007). Sprache und emotion. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
10. Dal', V. I. (2004). Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Olma-Press: Krasny proletarij.
11. Kiklevich, A. K. (2014). Dinamicheskaja lingvistika: mezhdum kodom i diskursom = Dynamic linguistics: between code and discourse. Kharkov: Gumanitarnyi Tsent. (In Russ.)
12. Cherniavskaia, V. E. (2020). Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 17(1), 135–147. (In Russ.)
13. Shuaipova, A. A. (2022). Jesteticheskij potencial slova i ego realizacija v pojeticheskom tekste (na materiale nemeckojazychnoj zhenskoi poezii vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov) = The aesthetic potential of the word and its realization in the poetic text (on the material of the German-language women's poetry of the second half of the XX – early XXI centuries): PhD thesis in Philology. (In Russ.)
14. Kuße, H., Chernyavskaya, V. E. (2019). Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 16(3), 444–462. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guseinova Innara Alievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	22.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	20.03.2023	
	27.03.2023	

Негативная вежливость в немецкоязычной онлайн-коммуникации (на примере Reddit)

С. Ю. Имбер

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

yanaimber@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются стратегии негативной вежливости, а также анализируются языковые средства ее выражения в немецкоязычной онлайн-коммуникации на примере Reddit. Рассматриваются тактики просьбы, совета в публикациях и комментариях и выявляются синтаксические, морфологические, оценочные и семантические феномены, служащие для реализации вежливости дистанцирования как социальной практики онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: публикация, комментарий, вежливость дистанцирования, коммуникативная тактика, коммуникативный ход, оценка

Для цитирования: Имбер С. Ю. Негативная вежливость в немецкоязычной онлайн-коммуникации (на примере Reddit) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 45–52. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_45

Original article

Negative Politeness in German Online Communication on Reddit

Slavyana Yu. Imber

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

yanaimber@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the strategies of negative politeness, as well as the verbal means of its implementation in German online communication on Reddit. Moreover, the author investigates the tactics of request, advice and their realization in posts and comments. The author indicates syntax, morphological, estimative and semantic phenomena with serve for implementation of negative politeness as social practices of Internet communication.

Keywords: post, comment, negative politeness, conversational tactics, conversational turn, estimation

For citation: Imber, S. Yu. (2023). Negative politeness in German online communication on Reddit. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 45–52. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_45

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день интернет является одним из популярных каналов коммуникации. Нормы, предписанные «офлайн»-коммуникацией, подвергаются неизбежным изменениям и адаптации к виртуальному общению. Примерами этому могут служить как появление «устно-письменной формы общения» [Казак, 2012], так и сдвиги, наблюдаемые в онлайн-поведении пользователей [Горошко, 2012; Имбер, 2019]. В Сети, как и в реальной жизни, пользователь может столкнуться и с негативными, и с позитивными мнениями и оценками тех или иных явлений от речевой агрессии до дружеского приглашения поговорить о проблеме в личных сообщениях, что свидетельствует о соблюдении или несоблюдении правил речевого этикета. Под данным термином подразумевается «система социально-заданных и национально-специфичных языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе ... с целью осуществления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности...» [Балакай, 2002, с. 2]. Понятие этикета неразрывно связано с категорией вежливости, а именно с «доброжелательным отношением собеседников друг к другу» [Шаховалова, Шаховалов, 2020, с. 458]. «Принцип вежливости», описанный Дж. Личем в рамках классической модели этикета, был основан на дескрипции взаимодействия между участниками общения [Leech, 1983]. Кроме того, исследователь указал на высказывания, способные вызвать конфликтную ситуацию, и описал тактики и стратегии, полезные для ее предотвращения и сглаживания. Таким образом, мы видим, что в концепте вежливости, как правило, подчеркивается позитивный аспект отношений между собеседниками: понять, выслушать, помочь, смягчить спор даже в случае несовпадения мнений по каким-либо вопросам.

Исследователи онлайн-коммуникации указывают на большое количество актов интернет-агрессии, доминирования невежливости, которая в некоторых случаях становится систематической и даже «ритуальной» [Шульгинов, Мустафин, Тиллабаева, 2022, с. 180]. Важную роль в регулировании общения в сети, в социальных сетях в частности, играют администраторы и модераторы сообществ, которые в некоторых случаях не только игнорируют акты деструктивного языкового поведения коммуникантов, но и имплицитно поощряют их.

Перспективным для нашего исследования представляется дискурсивный («постмодернистский») подход к вежливости как к особой социальной практике [Kádár, Haugh, 2013] и к «сложному

социально-культурному явлению» [Ларина, 2009, с. 10], при изучении которого стоит концентрироваться не только на ее языковых выражениях, но и на контексте, в котором она функционирует. Пол, возраст, социальное положение участников коммуникации, а также их национальная принадлежность – все эти характеристики будут трансформировать различного рода правила и предписания для соответствия целям и требованиям группы, общины, народности и т. д. Следовательно, понятие нормы в постмодернистском подходе не является константой, а «считается неустойчивым, изменчивым ... инструментом», который не обязательно воспринимается всеми одинаково [Леонтьев, 2016, с. 76]. Отметим актуальность классического «принципа вежливости» Дж. Лича, который одним из первых обратил внимание на наличие кросскультурных колебаний при перцепции и декодировании тех или иных замечаний и оценок [Leech, 1983]. Сравнительный анализ английских и русских лингвокультурных традиций, проведенный Т. В. Лариной, продемонстрировал существенные различия в понимании самого концепта вежливости в коммуникативном сознании англичан и русских [Ларина, 2009].

Возвращаясь к интернет-коммуникации, отметим, что в интернет-сообществе возникает «своя микрофлора», определяющая не только правила общения и поведения, но даже способная формировать единое мировоззрение участников коммуникации. П. Эккерт описывает данное явление как «конвенционализация смысла» [Eckert, 2006, с. 464]. Таким образом, различные сообщества по интересам «становятся основным инструментом формирования совместного габитуса коммуникантов» [Шульгинов, Мустафин, Тиллабаева, 2022, с. 179].

Говоря о типах вежливости, стоит упомянуть теорию П. Браун и С. Левинсона, в которой авторы рассматривают «вежливость дистанцирования» (негативную) и «вежливость сближения» (позитивную) [Brown, Levinson, 1978]. Данная теория позволяет рассматривать вежливость как систему стратегий, т. е. для каждого из типов вежливости характерен свой «набор» речевых действий и соответствующих тактик для их реализации [Ларина, 2009; Иссерс, 2008]. В данной статье мы проанализируем первый тип, подразумевающий стремление адресанта иметь свободу действий, защититься от любого вмешательства, т. е. «желание быть независимым» [Brown, Levinson, 1978, с. 62]. Соблюдение баланса между вышеупомянутыми типами является ключом к успешной коммуникации которая всегда осуществляется с учетом культурно-национальных особенностей ее участников.

Категория вежливости – один из центральных факторов выражения оценки в иллокутивных актах. По мнению Е. М. Вольф, «максимы вежливости» Дж. Лича «имеют прямое отношение к оценочным речевым актам – как экспрессивам, так и ассертивам» [Вольф, 2020, с. 170]. По нашим наблюдениям, они, наряду с директивами, являются доминантами в публикациях и комментариях пользователей [Имбер, 2020].

Цель статьи – выявление стратегий негативной вежливости, а также языковых средств ее выражения в немецкоязычной онлайн-коммуникации на примере Reddit¹. Для достижения поставленной цели необходимо учитывать «микрофлору» сабреддитов², а именно их принципы и цель их создания.

Методологическую базу исследования составили работы П. Брауна и С. Левинсона, Дж. Лича, О. С. Иссерс, Т. В. Лариной [Brown, Levinson, 1978; Leech, 1983; Иссерс, 2008; Ларина, 2009]. В основу нашего исследования легли также работы Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, посвященные оценке в иллокутивных актах, так как любой комментарий имеет в своем ядре оценочный аспект [Арутюнова, 1999; Имбер, 2019; Вольф, 2020].

МАТЕРИАЛ И ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ

Материалом исследования послужили публикации и комментарии в немецкоязычных сообществах Reddit. Для анализа нами были выбраны те сабреддиты, в которых авторы постов могут получить мнения, оценки и советы от участников группы. Такой выбор сообществ обусловлен разнообразием исследовательского материала относительно категории вежливости и его функционированием в оценочных иллокутивных актах.

Как было отмечено выше, политика администрации каждого из сообществ существенно влияет на формирование его микроклимата. В каждом сообществе имеются свои правила и нормы, регулирующие и прописывающие общение участников, содержание и структуру публикаций и комментариев. Изучив положения четырех сабреддитов³ мы смогли выделить несколько общих черт:

- 1) запрет на проявление любых видов агрессии (троллинга, буллинга, оскорблений и др.);

- 2) неприемлемость дискриминации по половому, национальному, религиозному и другим признакам;
- 3) четкие требования к содержанию публикаций;
- 4) недопущение «флудинга», намеренного отклонения от темы, а также провоцирования других участников в комментариях («разжигание дискуссии»).

Как правило, нарушение положений сабреддита влечет за собой удаление комментария, а также внесение предупреждения автору, в крайнем случае, включение аккаунта в «черный список» сообщества.

Стратегии негативной вежливости широко представлены как в публикациях, так и в комментариях пользователей. Посты, как правило, являются просьбой о помощи или совете. Просьба представляет собой побудительный речевой акт, содержащий «изначальную невежливость» [Ларина, 2009, с. 212] в сочетании с некой угрозой для автономности и свободы адресата. Говорящий не только выражает свою волю и желание, но и ожидает реакции или действий от собеседника. Таким образом, стратегии вежливости дистанцирования являются актуальными при реализации речевого акта просьбы. Автор публикации заинтересован в том, чтобы получить разумную, полезную рекомендацию, что и обуславливает выбор коммуникативных стратегий, тактик и ходов. Отметим, что коммуникативным ходом считается «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс, 2008, с. 117].

Мы присоединяемся к мнению Е. Г. Которовой, которая утверждает, что в немецком языке просьба часто реализуется через вопросительные предложения в сослагательном и изъявительном наклонении в сочетании с модальными глаголами, например *können* (мочь) [Которова, 2016]. Нами было замечено, что просьба в публикациях и комментариях выражается посредством имплицитной модели, которая подразумевает отказ от употребления иллокутивного глагола *bitten* (просить) и близких к нему по семантике лексем.

Bitte was *kann* ich machen das der Schmerz aufhört⁴
hat irgendwer Tipps wie ich mich verhalten *könnte*?
Wie *würdet* ihr hier vorgehen?
Habt ihr Erfahrungen, wie man da mit Angehörigen
umgeht?
Wie dokumentiere ich es für mich am besten?

Осуществление «глобального намерения» автора публикации – получить совет или отклик на свою проблему, возможно лишь при условии вежливого,

¹ Reddit сочетает черты социальной сети и форума.

² Сабреддит – термин, принятый для обозначения сообщества / группы в Reddit.

³ URL: <https://www.reddit.com/r/de/>; <https://www.reddit.com/r/beziehungen/>; <https://www.reddit.com/r/FragReddit/>; <https://www.reddit.com/r/Ratschlag/>

⁴ Зд. и далее сохранена орфография и пунктуация автора.

тактичного обращения к аудитории сабреддита. Отметим практически полное отсутствие моделей с императивными конструкциями. Данное обстоятельство можно объяснить применением повелительного наклонения «для выражения незначительной просьбы преимущественно в приватной коммуникации», в особенности в рамках тем, связанных с бытовыми или рабочими вопросами [там же, с. 71]. Кроме того, императив представляет собой достаточно бескомпромиссный способ выражения просьбы, побуждая адресата напрямую к ответу и не оставляя ему выбора [Ларина, 2009]. Характерными для авторов являются развернутые высказывания с превентивным введением, объяснением, обоснованием, почему именно его публикация должна быть прочитана и прокомментирована («глобальное намерение» – получить отклик, советы). Как отмечает Т. В. Ларина, объемные высказывания характеризуются высокой степенью вежливости и типичны для официального стиля речи [там же]. Подчеркнем, что часто пользователи Интернета отказываются от вышеупомянутых просительных конструкций, выражая свою просьбу имплицитно через развернутое высказывание.

Ich will mich nicht unbeliebt machen, aber auch nicht gegen Vorlagen verstoßen, was mache ich?

Hallo in die Runde. Ich warne gleich schon mal vor, dass es etwas länger werden könnte, eben weil ich es nicht nur oberflächlich beschreiben möchte, sondern einen guten Einblick geben möchte.

in mir schlummert nun seit einiger Zeit der Gedanke, wie ich mit folgendem umgehen soll.

Одной из эффективных стратегий негативной вежливости является использование говорящим косвенного выражения просьб, советов и т. д. [Brown, Levinson, 1978]. Авторы публикаций часто прибегают к использованию данной стратегии через следующие коммуникативные ходы: информация запрашивается через косвенный вопрос, часто сопровождающийся смещением акцента со слушающего на самого адресанта (*ich würde super gerne wissen ob*), высказывания субъективируются (*wäre für mich spannend*), часто используются лексемы с оценочным предикатом «хорошо» (*geil, super*).

Daher wäre es für mich spannend zu wissen wie ihr anderen Menschen das angeht oder bisher angegangen seid?).

ich würde super gerne wissen ob ihr Tipps und Erfahrungen habt.

Es wäre wirklich geil, wenn irgendwer von euch da vielleicht Tips oder Wissen teilen könnte.

Для речевого акта просьбы в публикациях характерны смягчающие модификаторы со значением сомнения (*vllt. = vielleicht, irgendwas*), которые демонстрируют неуверенность адресанта в том, что у него имеются достаточные основания, чтобы общаться к аудитории с подобной просьбой. Также нами отмечены усиливающие модификаторы (*wirklich, super*), показывающие, насколько выполнение просьбы важно для говорящего.

Hat vllt. selbst die gleiche Erfahrung gemacht? Hat jemand einen Rat? Irgendwas? Es wäre wirklich geil...

Рассмотрим следующий речевой акт, являющийся характерным для «негативной» вежливости, а именно совет. Мы присоединяемся к позиции Т. В. Лариной, которая понимает совет как «побудительный речевой акт, предполагающий действие слушающего в его собственных интересах» [Ларина, 2009, с. 251]. Отметим, что данный речевой акт может восприниматься слушающим либо как агрессия, покушение на автономность и свободу, либо как дружелюбное желание помочь. Реакция на совет, который, в свою очередь, может быть прошеным или непрошеным, обусловлена культурно-специфическими факторами. В комментариях пользователей находят выражение исключительно прошенные советы, так как именно на них был сделан запрос в публикации. Подчеркнем, что администрация сабреддитов предъявляет к советам определенные требования, которые мы обобщенно упоминали выше. Кроме того, некоторые сообщества имеют свои собственные специфические пожелания, например, администрация сабреддита *r/beziehungen/* обязуется удалять бесполезные комментарии / советы¹. Несомненно, данные правила оказывают влияние на выбор комментаторами коммуникативных тактик и ходов.

Нами было отмечено большое количество советов, выраженных с помощью глаголов, в том числе и модальных, в сослагательном наклонении в сочетании с усиленной субъективностью (*ich würde, ich denke, du müsstest, bräuchte sie*). Такой коммуникативный прием смягчает иллокутивную силу совета, снижает необходимость следования ему, предоставляя собеседнику большую автономность.

Ich würde mich da ganz ganz schnell und sauber zurückziehen, Vielleicht bräuchte sie auch Therapie

Ich würde das auf jeden Fall mal melden.

¹ URL: www.reddit.com/r/beziehungen/comments/onz9cc/wichtige_bemerkungen_bevor_ihr_postet_und/

Ich denke, du *müsstest einfach mal* mit *irgendwas* anfangen.

Vernünftigerweise könntest du den Kontakt blockieren.

Несмотря на то, что в вышеприведенных примерах создана высокая степень вежливости дистанцирования, говорящие прибегают к использованию усиливающих модификаторов (*ganz ganz, auf jeden Fall, vernünftigerweise*), чтобы, оставаясь в рамках принятых в сабреддите правил общения, тем не менее побудить автора к совершению того или иного действия. Смягчающие модификаторы (*mal, einfach mal*), представленные в некоторых советах, призваны уменьшить давление на адресата. В сочетании с сослагательным наклонением они представляют собой «двойную дозу» негативной вежливости.

Императив является также одним из частотных средств выражения просьбы в советах пользователей. По нашим наблюдениям, советы в императиве обладают достаточно высоким иллокутивным потенциалом, кратко и емко выражают идею комментирующего, не задевая и не оскорбляя при этом автора публикации. Отметим достаточное количество императивных советов большого объема (400 знаков и более), приводить которые полностью нам представляется нецелесообразным в рамках данной статьи. В подобных комментариях императивные формы остаются незамеченными, «теряются», не уменьшая, таким образом, степень вежливости дистанцирования.

Mein Rat: *Kauf* dir einen Stromverbrauchsmesser und messe...

Achte darauf, dass ... *Mach* Schluss, Zeitverschwendung. *Überleg* Dir, ob Du...

Следующим способом выражения речевого акта совета в комментариях выступают повествовательные предложения с перформативными глаголами (*empfehlen*) и существительными (*Rat, Tipps*). Как пишет Т. В. Ларина, подобный ход «может восприниматься как тактичная команда или инструкция» [Ларина, 2009, с. 255]. С целью снизить степень директивности высказывания пользователи, как и в предыдущих примерах, прибегают к смягчающим модификаторам (*nur*). Кроме этого, с помощью условного придаточного предложения (*falls*) в сочетании с модальным глаголом *dürfen* говорящий уменьшает свою авторитетность, демонстрирует скромность и вежливость.

Kann dir *nur empfehlen*, dass du dich ...

Mein Rat: *Kauf* dir ...

Falls ich noch ein paar Katzen *Tipps* geben darf.

Многие пользователи выразили мысли кратко и емко, отдав предпочтение инфинитивным предложениям, которые являются одним из частых способов реализации речевого акта совета. Инфинитивы являются достаточно «опасными» коммуникативными средствами, так как звучат крайне директивно, воспринимаются как категоричный приказ, угрожая, таким образом, свободе собеседника. По нашему мнению, выбор авторами нижеприведенных комментариев именно такого способа выражения совета обусловлен серьезностью описанной в посте ситуации. Комментирующие желают помочь автору, дав ему инструкцию, даже список пунктов, которые он, по их мнению, должен выполнить. Первые два из нижеприведенных высказываний относятся к публикации о найденной раненой птице, автор находится в замешательстве. Третий комментарий – к посту о подозрительном дорогом автомобиле, останавливаемом в одно и то же время около школы. При этом водитель и пассажиры являются взрослыми мужчинами, которые начинают разговоры со школьниками. Автор наблюдает подобную ситуацию уже несколько недель и так же, как и автор предыдущего поста, не знает, что предпринять.

Tierarzt/NABU *anrufen und fragen*, was man da machen kann.

Vielleicht den lokalen Tierschutzverein auf die Missstände aufmerksam *machen*?

Kennzeichen *notieren*, Uhrzeiten *dokumentieren*, Aussehen und Kleidung der Fahrer *aufschreiben*.

Вопросительные предложения являются одним из способов косвенного выражения речевого акта совета в немецком языке, в их «языковом значении ... нет семы побуждения» [Алференко, Суслова, 2012, с. 7]. Адресат должен логическим путем вычлени суггестивный смысл. По нашему мнению, такой способ выражения совета направлен на то, чтобы автор публикации, отвечая на заданные вопросы, якобы самостоятельно «дошел» до правильного решения. С одной стороны, так комментирующие пытаются снизить уровень давления на собеседника, что мы наблюдали и во многих предыдущих примерах. С другой стороны, в советах-вопросах часто появляются лексемы с общеоценочным предикатом «плохо» (*Drama, gefehlt hat, das Klotz am Bein*), что добавляет высказываниям определенную долю субъективности, снижает уровень вежливости всего высказывания, а также является посягательством на автономию автора и его личные границы. Интересно, что автор второго из нижеприведенных комментариев, осознавая «опасную» природу своего совета, оправдывается

тем, что его вопрос является «честным, правомерным», он желает автору добра (*Also ehrliche Frage*).

Hast du dich gefragt, wofür du dieses *Drama* brauchst?
 Hat sie etwas, was dir in der Beziehung davor
gefehlt hat?
 Warum willst du ihn retten? Warum bindest du dir *das*
Klotz ans Bein? Also ehrliche Frage.

Категорично и жестко в качестве совета могут восприниматься повествовательные предложения с модальным глаголом *sollen* в Präsens Indikativ. Комментирующий, признавая несколько агрессивный характер высказывания (*klings hart*), объясняет его бескомпромиссно как «истину в реальном мире» (*es stimmt halt*), а не как субъективно оценочный признак речевого жеста [Вольф, 2020, с. 69]. Кроме того, в нижеприведенном примере мы видим намеренное противопоставление двух понятий «взрослый мужчина vs. кланчащий внимания подросток». Данный совет имеет высокую степень субъективности, несмотря на попытку автора «прикрыть» личную точку зрения «общим мнением». Как пишет Н. Д. Арутюнова, «признаки, мотивирующие оценку, не только вариативны, но и нестабильны сам их объем...» [Арутюнова, 1999, с. 203]. Таким образом, вопрос о том, какие именно характеристики автор приписывает «взрослому мужчине» в своей картине мира, остается за кадром.

Er soll sich wie ein Erwachsener Mann verhalten und nicht wie ein um Aufmerksamkeit bittender teenie. *Klingt hart* aber es stimmt halt.

Наш анализ продемонстрировал многообразие языковых средств и особенностей, характеризующих речевое поведение и мышление пользователей при реализации стратегии негативной вежливости, а также формирующих новые нормы коммуникации в сабреддитах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании был выявлен ряд особенностей негативной вежливости.

1. Стратегии и тактики, выбранные немецкоговорящими авторами и комментирующими для реализации «глобального намерения» всегда коррелируют с правилами, предписанными администрацией сабреддита. Политика модераторов и администраторов способна не только создавать определенную атмосферу, но и формировать онлайн-поведение пользователей внутри группы и всей социальной сети, а также оказывать влияние на мировоззрение участников («конвенционализация смысла»).
2. Стратегии вежливости дистанцирования находят свое выражение преимущественно в коммуникативных актах просьбы и совета. Для реализации первого пользователи прибегают к косвенным или развернутым вопросительным конструкциям в сослагательном и изъявительном наклонении, имплицитно выражающим коммуникативную цель автора. Отметим частое использование усиливающих и смягчающих модификаторов. Коммуникативный акт совета реализуется с помощью высказываний, в том числе с модальными глаголами, в сослагательном и повелительном наклонении, а также повествовательных и вопросительных предложений с перформативными глаголами и существительными. Некоторые пользователи отдают предпочтение инфинитивным конструкциям.

Подчеркнем, что именно анализ повседневных, рутинных примеров позволяет сделать вывод о том, что вежливость дистанцирования, отличающаяся сдержанностью, терпимостью, осторожностью в высказываниях и др., есть социальная практика, характерная для современных немцев и, возможно, для европейцев в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. М.: ФЛИНТА, 2012. С. 320–334.
2. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука. 2012. С. 9–52.
3. Имбер С. Ю. Комментарии в социальной сети как гипертекст: на примере новостной группы Spiegel online на “Facebook”¹ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 21–34.
4. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2002.

¹ Продукт компании Meta, признанной в России экстремистской организацией.

5. Шаховалова Е. Г., Шаховалов Н. Н. Проблемы соблюдения речевого этикета в интернет-коммуникациях // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Вып. 3 (41). С. 455–465.
6. Leech G. N. Principles of pragmatics. New York: Longman, 1983.
7. Шульгинов В. А., Мустафин Р. Ж., Тиллабаева А. А. Регулярная (не)вежливость в интернет-коммуникации: к вопросу о дискурсивном сдвиге в использовании этикетных формул благодарности // Культура и текст. Алтайский государственный педагогический университет, 2022. Вып. 1 (48). С. 177–187.
8. Kádár D. Z., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: CUP, 2013.
9. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
10. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. Вып. 1. С. 70–83.
11. Eckert P. Communities of Practice // Encyclopedia of Language and Linguistics. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 683–685.
12. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / E. Goody (ed.). N. Y.: Cambridge University Press, 1978. P. 256–289.
13. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.
14. Имбер С. Ю. Оценочность комментариев в социальной сети: на примере новостного сообщества SPIEGEL ONLINE на «Facebook» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 13 (842). С. 48–56.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999.
17. Которова Е. Г. Модель речевого поведения «Просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. Вып. 1 (13). С. 65–77.
18. Алференко Н. А., Суслова М. А. Речевой акт совета в немецком языке // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2012. Вып. 9. С. 5–16.

REFERENCES

1. Kazak, M. Yu. (2012). Specifika sovremennogo mediateksta = Specific of contemporary mediatext. In Lingvistika rechi. Mediastilistika: kolektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu prof. G. Ya. Solganika (pp. 320–334). Moscow: FLINTA. (In Russ.)
2. Goroshko, E. I. (2012). Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovnye parametry = Modern Internet communication: its structure and key parameters. In Kolokol'ceva, T. N., Lutovinova, O. V. (eds.), Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya (pp. 9–52). Moscow: FLINTA. (In Russ.)
3. Imber, S. Yu. (2019). Web comments as hypertext: Spiegel Online news group on Facebook. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(829), 21–34. (In Russ.)
4. Balakay, A. G. (2002). Russkiy rechevoy etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya = Russian speech etiquette and the principles of its lexicographic description: Abstract of Senior Doctorate in Philology. Oryol. (In Russ.)
5. Shakhvalova, E. G., Shakhvalov, N. N. (2020). Problems of compliance with speech etiquette in internet communications. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 3(41), 455–465. (In Russ.)
6. Leech, G. N. (1983). Principles of Pragmatics. New York: Longman.
7. Shulginov, V. A., Mustafin, R. Zh., Tillabaeva, A. A. (2022). Regular impoliteness in Internet communication: discursive shift in using etiquette formulas of gratitude. Kul'tura i tekst. Altajskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1(48), 177–187. (In Russ.)
8. Kádár, D. Z., Haugh, M. (2013). Understanding Politeness. Cambridge: CUP.
9. Larina, T. V. (2009). Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh tradicij = The Category of Politeness and the Style of Communication: English and Russian Linguocultural Traditions Compared. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
10. Leontiev, V. V. (2016). Lingvisticheskaja (ne)veshlivost': k probleme soderzhanija kategorii = Linguistic (im)politeness: to the problem of category content. Ecology of Language and Communicative Practice, 1, 70–83. (In Russ.)
11. Eckert, P. (2006). Communities of practice. In Encyclopedia of Language and Linguistics (pp. 683–685). Amsterdam: Elsevier.

12. Brown, P., Levinson, S. (1978). Universals in Language Usage: Politeness Phenomena. In Goody, E. (ed.), Questions and politeness: strategies in social interaction (pp. 256–289). N. Y.: Cambridge University Press.
13. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative Strategies and Tactics in Russian Speech. Moscow: LKI. (In Russ.)
14. Vol'f, E. M. (2002). Funkcional'naya semantika ocenki = Functional Semantics of Evaluation. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)
15. Imber, S. Yu. (2020). Web comments as evaluative statements: SPIEGEL ONLINE news groups on Facebook. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(842), 48–56. (In Russ.)
16. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Person's language and world. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
17. Kotorova, E. G. (2016). The speech behavior pattern of «request» in Russian and German: a contrastive study. Speech Genres, 1(13), 65–77. (In Russ.)
18. Alferenko, N. A., Suslova, M. A. (2012). Rechevoj akt soveta v nemeckom jazyke = Speech Act of Advice in German. Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov, 9, 5–16. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Имбер Славяна Юрьевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Imber Slavyana Yuryevna

Senior Lecturer at the Department Linguistics and Professional Communication in Law
Institute of International Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.02.2023
20.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Языковая и культурная полифония мегаполиса в жизни и на экране (на материале телесериала BBC EastEnders)

Е. А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ladykazak@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается языковая ситуация Лондона, ставшего подобно многим крупным европейским городам, пристанищем мигрантов из разных стран. В результате этого процесса английский язык Лондона стремительно меняется. Исконный диалект Кокни вытесняется мультикультурным лондонским английским, возникшим благодаря контактам мигрантов различных национальностей в ряде восточных районов Большого Лондона.

Ключевые слова: идентичность, этническая принадлежность, мегаполис, языковые контакты, многоязычие, мультикультурный лондонский английский, телевизионный дискурс

Для цитирования: Казак Е. А. Языковая и культурная полифония мегаполиса в жизни и на экране (на материале телесериала BBC EastEnders) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 53–59. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_53

Original article

Linguistic and Cultural Polyphony of the Megapolis in Life and on the Screen (BBC TV Series EastEnders)

Evgeniya A. Kazak

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ladykazak@gmail.com*

Abstract. We study the language situation in London which similar to many other big cities in Europe is now home to immigrants from different countries. As a result of this process the English language spoken in London has changed rapidly. The traditional dialect Cockney has been replaced by Multicultural London English which has emerged in multiethnic inner city boroughs in London.

Keywords: identity, ethnicity, megapolis, language contact, multilingualism, multicultural London English, television discourse

For citation: Kazak, E. A. (2023). Linguistic and cultural polyphony of the megapolis in life and on the screen (BBC TV series EastEnders). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 53–59. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_53

ВВЕДЕНИЕ

Современный мегаполис является местом встречи различных социальных групп, этносов, культур, конфессий и языков. Увеличиваясь во многом за счет мигрантов дальних направлений, современные города превращаются в своеобразные социокультурные конгломераты. В этих условиях контакты различных языков и культур в едином коммуникативном пространстве интенсифицируются и способствуют росту вариативности на всех уровнях языка. Существование насыщенной контактной зоны приводит к образованию новых форм существования языка и множества языковых и речевых трансформаций.

Такая ситуация приводит к обострению проблемы идентичности жителей мегаполиса. Что касается мигрантов, то они, сменив место проживания, оказываются перед необходимостью осознать новый город своим домом. Процесс этот проходит противоречиво и в мигрантской среде, и в среде коренных жителей, которые, в свою очередь, также затронуты миграционными процессами, но уже внутренними. Различные группы разными путями движутся к обретению чувства совместной принадлежности к большому коллективу обитателей города. Обнаруживаются противоречия и вспыхивают конфликты, сложный процесс далеко не завершен. Тем не менее город превращается в центр полифоничной цивилизации, что требует выработки адекватных методов изучения происходящего. В частности, лингвистам предстоит проанализировать, как мигранты осваивают язык и речевой узор новой родины, чтобы достигать своих целей в различных социальных и коммуникативных ситуациях. Иными словами, необходимо понять, как индивиду удается отождествлять себя с городским пространством и находить свою нишу в новой среде.

Иммигранты первого, второго и третьего поколений (которые могут составлять большинство населения в городе) по-разному ищут подходы к решению проблемы идентичности. При этом язык является важнейшей составляющей и социокультурным маркером данной идентичности. Пути адаптации исконной культуры и языка оказываются в конечном итоге обусловленными целым рядом разнообразных факторов. Молодежная часть мигрантской среды более активно заявляет свои права на то, чтобы не только использовать имеющиеся языковые и культурные средства, но и сознательно участвовать в формировании новой ситуации, характерной чертой которой является многообразие вариантов.

В европейских городах во второй половине XX века в многоязычных кварталах, населенных

наемными рабочими, индивидуальными и мелкими предпринимателями, стали возникать новые, достаточно четко обозначенные варианты исконного языка. Исследования, проведенные в Великобритании и ряде стран континентальной Европы, подтвердили, что динамика вариантности связана с активной позицией подросткового населения.

Одни исследователи рассматривают так называемые *-лекты* (*-lects*) как достаточно четко очерченные явления, которые могут быть описаны структурно по отношению к языку большинства [Wiese, 2009]. Другие исследователи, стремясь избежать овеществления новых вариантов, применяют количественную вариационистскую методологию к соответствующим речевым сообществам и концентрируют внимание на индивидуальных особенностях говорящих [Cheshire, Fox, 2009]. Есть третье направление, изучающее новые явления качественными методами и предпочитающее рассматривать их либо как речевые практики, либо как языковой репертуар говорящего, состоящий из индивидуальных особенностей, которые стратегически используются в управлении коммуникацией и обозначении идентичности [Svenden, Royneland, 2008; Quist, 2008].

При этом почти все исследователи приходят к выводу, что не существует определенной модели или эталонного примера языкового разнообразия города, по крайней мере, потому, что города уникальны в своем формировании в силу их истории, экономики и социально-политических особенностей. Более того, многоязычие принимает различные формы и трактуется по-разному. Участники социологических опросов дают разнообразные определения многоязычия, особенно когда им приходится оценивать, является ли их город многоязычным и согласны ли они с тем, как их город справляется с языковым многообразием. В ряде случаев респонденты не знают о проводимой в городах политике в области языкового регулирования [The multilingual city, 2016]. Следует обратить внимание еще на одно интересное обстоятельство: многоязычие часто изучается с учетом количества языков, на которых говорят в городе, а не с учетом взаимоотношений между публичным дискурсом и личной жизнью горожан.

ЛОНДОН КАК ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ МЕГАПОЛИС

Одна из особенностей городов Великобритании и, прежде всего, Большого Лондона заключается в том, что происходящие в них процессы связаны с наследием крупнейшей колониальной империи (Содружеством наций), поэтому традиционные

миграционные потоки на протяжении десятилетий идут из бывших колоний. Эти социальные группы обитателей британских городов обладают своеобразной идентичностью людей, «имеющих право» на основании прежней истории. Данные группы мигрантов обычно владеют английским языком (часто наряду с другим языком или другими языками), но в своем «родном» варианте, который они, как правило, считают вполне равноправным британскому. В то же время, несмотря на ограничительные иммиграционные законы, в миграционный поток включаются представители иных стран, что ведет к появлению новых общин. В городах формируются районы, представление о которых связывается с определенными группами мигрантов.

В XX веке возросла доля иммигрантов из бывших британских азиатских колоний (с 6,3% до 7,6%). Приведенная иммиграционная статистика в немалой степени обусловлена тем, что в Британию возвращались из бывших колоний и люди британского происхождения. В начале XXI века число жителей Лондона, родившихся на территории Британии, составило чуть более 20% от всего населения города [Butler, Hamnett, 2011]. В Лондоне представлены три общности – англо-американская, Британского содружества и европейская. Причем главным источником неевропейской иммиграции в Лондоне была Азия, в частности Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка.

Индийская община самая многочисленная. Формирование данной общины имеет давнюю историю. Переселенцев из Индии в Лондоне называют «юго-азиатами». Индийская община в городе – это этническая группа, включающая в себя как неквалифицированных работников (домашний персонал, рыночных торговцев, мелких лавочников), так и высококвалифицированных специалистов (учителя, врачи). Основными районами расселения индийской общины является Большой и центральный Лондон. В этих районах Большого Лондона также проживают выходцы из Пакистана и Бангладеш.

В 1971 году из состава Пакистана вышло независимое государство Бангладеш (до того Восточная Бенгалия, позднее Восточный Пакистан). Данное событие сопровождалось военными действиями, что подтолкнуло большое количество населения к эмиграции. Ухудшение политической и экономической ситуации в стране повлияло на потоки «первичных» переселенцев из Бангладеш в Великобританию, а также заставило людей, которые иммигрировали в Великобританию ранее, принять решение о невозвращении. Таким образом, «уже в середине 1980-х гг. в Великобритании

насчитывалось 100 тыс. «британских бангладешцев» [Gardner, Shukur, 1995, с. 150]. «А с конца 1980-х годов численность южноазиатской общины Великобритании увеличивается преимущественно за счет тех, кто был рожден в этой стране от индийцев, пакистанцев и бангладешцев» [Котин, 2003, с. 84].

О. Н. Меренкова считает, что «с течением времени внутри бангладешской диаспоры в Англии возникло отчуждение от британского общества, связанное с социальными факторами: принижением положением в обществе, дискриминацией, трудностями хозяйственной и культурной адаптации. Кроме того, вновь прибывшим иммигрантам мешал языковой барьер, поэтому они либо учили язык, либо были вынуждены общаться только внутри своей общины» [Меренкова, 2011, с. 114]. При этом миграция продолжалась, и к 2006 году в Великобритании проживало 500 тысяч бангладешцев.

В последние несколько десятилетий юго-восток Англии и, в частности, Лондон переживает много социальных и демографических изменений. Ряд исследователей полагает, что, инициатором данных изменений стал сам Лондон. Во-первых, представители кокни диаспоры (Cockney Diaspora), традиционный рабочий класс восточного Лондона, в течение более 100 лет переселялись в пригороды Лондона. Во-вторых, высокий уровень миграции, являлся характерным для Лондона во второй половине XX века [Butler, Hamnett, 2011; Fox, 2015].

Кокни диаспора возникла в результате ряда взаимосвязанных факторов, таких как организованная правительством программа по переселению в соседние с Лондоном графства жителей трущоб в период с 1920 по 1960 год, высокий уровень бедности населения восточного Лондона и в то же время повышение уровня его жизни, а также деиндустриализация Лондона. Все эти факторы привели к крупномасштабному сокращению коренного британского населения Лондона, которое Т. Батлер и К. Хэмнетт называли «бегством белых» “White Flight” [Butler, Hamnett, 2011].

Графство Эссекс, граничащее с восточным Лондоном, стало главным районом переселения представителей кокни диаспоры и «бегства белых» из Лондона. С начала 1980-х годов графство переживало экономический и социальный подъем. И если ранее внешний Лондон и графство были разграничены по признакам их классовой принадлежности, то сейчас между означенными территориями пролегает преимущественно этническая граница. В то время как доля традиционного рабочего класса в Лондоне сокращалась, доля этнических меньшинств быстро возрастала. Эти процессы, по мнению С. Фокс, возникли вследствие этнического,

культурного и лингвистического многообразия восточного Лондона [Fox, 2015]. Так, согласно проведенной в 2011 году переписи населения «в районе Ньюэм (Newham), расположенном в восточной части большого Лондона, коренные британцы составили всего лишь 29% от общего числа, проживающего в нем населения» [цит. по: Cole, 2020, с. 51].

В данной связи для дальнейшего исследования представляется интересным остановиться на истории восточного района Лондона Ист-Энд (EastEnd), который является историческим центром более широкого Восточного Лондона, расположенного к востоку от стен лондонского Сити и к северу от реки Темзы. Этот район известен своей бедностью, перенаселенностью и связанными с ними социальными проблемами. Важной темой Ист-Энда была миграция как внутренняя, так и внешняя. Данный район привлекал сельскую бедноту из других частей Англии, а также волны миграции из различных регионов мира. Таким образом, район оказался заселен пестрой публикой – носителями различных английских диалектов, с одной стороны, мигрантами, представителями различных диаспор Лондона – с другой. Сложившаяся ситуация была убедительно отражена еще в 1912 году в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», в которой образ главной героини Элизы Дулитл, носительницы кокни, транслирует главную идею пьесы: высшие классы общества отличаются от низшего сословия только одеждой, произношением, манерами и образованием. В таком неоднородном социальном поле существует общий языковой фон, благодаря которому осуществляется межсословная коммуникация. В данном случае можно говорить о городском просторечии (“informal English” и “urban English”). Городское просторечие как определенный вид национального языка в сфере обиходно-бытового общения в настоящее время практически актуально только для части городского населения, не владеющей нормами литературного языка. Городское просторечие – это форма национального языка, находящаяся в промежуточном положении между литературным языком и диалектами. В рамках городского многоязычия говорящие пытаются найти новую глобальную урбанистическую городскую идентичность, т.е. самоопределение по принципу «да, мы не такие, но это наше право».

Городское просторечие, будучи неоднородным, дает нам достаточно пеструю языковую картину Лондона, европейского мегаполиса, где в настоящее время живет второе и третье поколение мигрантов, представителей различных социальных групп. Лондон, город этнически и социально эклектичный, населяют также носители

региональных английских диалектов. Представители второго и третьего поколений индийцев, пакистанцев и бангладешцев за рубежом пытаются осмыслить опыт иммигрантов и этнорасовых меньшинств. П. Керсвилл полагает, что в результате языковых контактов исконных жителей восточных районов Лондона, носителей кокни и мигрантов из разных стран мира, возник новый диалект. П. Керсвилл дает четкое определение этому диалекту – «мультикультурный лондонский английский» (MLE) с учетом его возникновения в многонациональных районах внутреннего Лондона. Мультикультурный лондонский английский, который иногда называют “Jafaican” (подразумеваемая его связь с ямайским английским), является диалектом английского языка, возникшим во второй половине XX века в результате миграционных потоков, прибывающих в Великобританию. Бедность и сегрегация создала определенные районы Лондона, в которых селились многонациональные этнические группы мигрантов низкого социального статуса [Kerswill, 2014]. Впоследствии исходными носителями данного диалекта традиционно стали представители рабочего класса и молодежь Лондона. Элементы этого диалекта широко встречаются в речи жителей многонациональных районов периферии Лондона, в районе Мидлендс и в Северной Ирландии. Многие исследователи считают, что мультикультурный лондонский английский находится под влиянием языков Карибского бассейна, афроамериканского английского и кокни [Mount, 2010].

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИФОНΙΑ И МЕДИА

Рассмотренные выше процессы, связанные с языком и речью среди мигрантов, находят свое отражение в средствах массовой информации. Представители различных диаспор являются героями многочисленных романов, кинофильмов и телесериалов. Так, например, «на английском языке с примесью слов хинди, пенджаби и бенгальского создается лирика индийской диаспоры – преимущественно песенная в стиле бх랑га, известном как индийский хип-хоп, а также поэзия, ориентирующаяся на классические образцы, сочетающая темы и лексику языков Индии и опыт индийской диаспоры» [Котин, 2013, с. 95].

Особенности языка современных фильмов и телесериалов являются предметом многих исследований, поскольку современные масс-медиа, включая телевидение, являются социальным институтом (или набором социальных институтов), который играет важную роль в ежедневной жизни большинства населения мира и составляет

сложное соединение социальных факторов, представляющих интерес для социолингвистических исследований [Stuart-Smith et al., 2013].

Средства массовой информации оказывают большое воздействие на аудиторию с помощью информации, трансляции событий и использования языка. Некоторые телевизионные программы сами создают социальные явления. Прекрасным примером изучения языка телевидения могут служить полицейская драма «Bill», комедия «Only Fools and Horses» и мыльная опера «EastEnders», которые являются наиболее популярными британскими телесериалами.

Представляется интересным остановиться подробнее на сериале «EastEnders», трансляция которого началась на канале BBC 1 в 1985 году. Сериал являет собой типичную мелодраму, сюжет которой держится на перипетиях жизни ряда семей, и показывает повседневную жизнь типичных обитателей вымышленного округа Уолфорд в Ист-Энде Лондона. Основное место действия сериала – это местный рынок и паб «Old Vic». Минисериал, длящийся 30 минут, транслируется четыре раза в неделю в лучшее эфирное время, а затем повторяется вечером. В выходные дни выпускается так называемый «дайджест» показанных серий, чтобы зрители не пропустили их просмотр. Сериал имеет официальный сайт, на котором изложено краткое содержание каждой серии. У зрителей есть возможность обсудить сюжет и жизнь героев сериала, эмоционально и психологически включаться в экранное действие.

Группа ученых, исследовавших язык вышеуказанных сериалов, называет его «медийным кокни» (“media Cockney”) [Stuart-Smith et al., 2013]. Главное, что привлекло внимание исследователей, это произносительные переменные в речи персонажей. Исследователи стремились охватить различные аспекты общественной деятельности, которые могли бы гипотетически являться источником данных изменений: возможности диалектного контакта информантов, их деятельность в обществе и повседневный образ жизни, отношение к городским акцентам и вовлеченность в просмотр телевидения [Онищенко, 2018].

В свою очередь, в сериале «EastEnders» мы сталкиваемся с определенным рода цензурой и редактурой. При всей внешней правдоподобности изображения повседневной жизни и ее деталей, некоторые моменты подправляются. Персонажи, представители различных этнических диаспор, говорят на узнаваемом языке (в основном за счет фонетики), и публика легко опознает их с одной стороны, а с другой – это олицетворенное изображение повседневной речи. К тому же этнические мигранты в сериале – это, прежде всего, представители торговли и сферы обслуживания в стандартных ситуациях, где используется набор столь же стандартных реплик.

Сериал уже сыграл важную роль в истории британского телевидения, так как в нем были актуализированы темы, которые считаются спорными или запретными в культуре страны (например, СПИД, наркотики, домашнее насилие, алкоголизм, экстремизм). Авторы сценария создали множество персонажей, среди которых наряду с коренными обитателями Британии присутствуют представители стран Азии, Африки, Карибского бассейна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование реальных языков мигрантов в Британии показывает, что реальное взаимодействие означенных языков сложнее, чем их простое пересечение. В последнее время на кино- и телеэкране все чаще при изображении этнического многообразия Лондона звучит и «неприглашенная» речь: либо соответствующий мигрантский вариант, либо просто иной язык.

Необходимо исследовать пересечение языков и речевых стратегий в процессе межличностного взаимодействия, изучить возможности различных языков, используемых людьми в процессе адаптации к новым условиям жизни в чужой стране и обновления своей идентичности. Исследовательское внимание должно уделяться описанию ситуаций, включающих нестандартный набор языковых, культурных, этнических факторов. Существует также возможность прикладного использования диалогов сериала в преподавании разговорного английского языка как иностранного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wiese H. Grammatical innovations in multiethnic urban Europe: new linguistic practices among adolescents // *Lingua*. 2009. N119. P. 782–806.
2. Cheshire J., Fox S. Was / were variation: A perspective from London // *Language variation and change*. 2009. Vol. 21 (1). P. 1–38.
3. Svenden B., Royneland U. Multiethnic facts and functions in Oslo, Norway // *International journal of bilingualism*. 2008. Vol. 12 (1&2). P. 63–83.

4. Quist P. Sociolinguistic approach to multiethnolect: Language variety and stylistic practice // *International journal of bilingualism*. 2008. Vol. 12(1&2). P. 43–61.
5. The multilingual city vitality, conflict and change / King L., Carson L. (eds.). Bristol: Multilingual matters, 2016.
6. Butler T., Hamnett C. Ethnicity, class and aspiration: Understanding London's new East End. Bristol: Policy press, 2011.
7. Gardner K., Shukur A. I'm Bengali, I'm Asian and I'm living here. The Changing identity of British Bengalis // *Desh Pradesh. The South Asian presence in Britain* / Ballard R. (ed.). L.: Hurst company, 1995. P. 213–235.
8. Котин И. Ю. Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южно-азиатской диаспоры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
9. Меренкова О.Н. «Британские бангладешцы» в поиске идентичности // *Этнографическое обозрение*. СПб., 2011. № 5. С. 109–117.
10. Fox S. The new Cockney: New ethnicities and adolescent speech in the traditional East End of London. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
11. Cole A. Identifications of speaker ethnicity in South-East England: Multicultural London English as a divisible perceptual variety // *Proceedings of the LREC 2020. Workshop on "Citizen Linguistics in language resource development"*. 2020. P. 49–57.
12. Kerswill P. The objectification of "Jafaican": The discursual embedding of multicultural London English in the British media // *Mediatization and Sociolinguistic change*. Berlin, 2014. P. 428–455.
13. Mount H. Word on the street in London. 2010. URL: <https://standard.co.uk/lifestyle/word-on-the-street-in-london-6487089.html>.
14. Котин И. Ю. Быть британцем / быть «азиатом» – дилемма британских «азиатов» в поэзии Далжита Нарпа // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2013. Сер. 13. (4) С. 94–107.
15. Stuart-Smith J. et al. Television can also be a factor in language change: Evidence from an urban dialect / J. Stuart-Smith, Gw. Pryce, C. Timmins, B. Gunter // *Language*. 2013. Vol. 89 (3). P. 501–536.
16. Онищенко Ю. В. Социально обусловленная природа британского теледискурса как способа формирования языковой и ментальной действительности нации // *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы III Международного научного конгресса, Симферополь, 2–20 апреля 2018 г. Симферополь*, 2018. С. 147–153.

REFERENCES

1. Wiese, H. (2009). Grammatical innovations in multiethnic urban Europe: new linguistic practices among adolescents. *Lingua*, 119, 782–806.
2. Cheshire, J., Fox, S. (2009). Was/were variation: A perspective from London. *Language Variation and Change*, 21(1), 1–38.
3. Svenden, B., Royneland, U. (2008). Multiethnic facts and functions in Oslo, Norway. *International Journal of Bilingualism*, 12(1&2), 63–83.
4. Quist, P. (2008). Sociolinguistic approach to multiethnolect: Language variety and stylistic practice. *International Journal of Bilingualism*, 12(1&2), 43–61.
5. King, L., Carson, L. (Eds.) (2016). The multilingual city vitality, conflict and change. Bristol: Multilingual matters.
6. Butler, T., Hamnett, C. (2011). Ethnicity, class and aspiration: Understanding London's new East End. Bristol: Policy press.
7. Gardner, K., Shukur, A. (1995). I'm Bengali, I'm Asian and I'm living here. The Changing identity of British Bengalis. In Ballard, R. (ed.), *Desh Pradesh. The South Asian Presence in Britain* (pp. 213–235). London: Hurst company.
8. Kotin, I. Ju. (2003). Pobegi ban'jana: Migracija naselenija iz Indji i formirovanie "uzlov" juzhno-aziatskoj diaspori = Banyan shoots: Migration from India and the formation of "clusters" of South Asian diaspora. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
9. Merenkova, O. N. (2011). "The "British Bangladeshi" in search of identity". *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 109–117. (In Russ.)
10. Fox, S. (2015). The new Cockney: New ethnicities and adolescent speech in the traditional East End of London. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Cole, A. (2020). Identifications of speaker ethnicity in South-East England: Multicultural London English as a divisible perceptual variety. In *Proceedings of the LREC 2020. Workshop on "Citizen Linguistics in language resource development"* (pp. 49–57).

12. Kerswill, P. (2014). The objectification of "Jafaican": The discursual embedding of multicultural London English in the British media. In *Mediatization and Sociolinguistic change* (pp. 428–455). Berlin.
13. Mount, H. (2010). Word on the street in London. <https://standard.co.uk/lifestyle/word-on-the-street-in-london-6487089.html>.
14. Kotin, I. Ju. (2013). To be British, to be Asian? The dilemma of the British Asians as seen by Daljit Nagra. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 13(4), 94–107. (In Russ.)
15. Stuart-Smith, J., Pryce, Gw., Timmins, C., Gunter, B. (2013). Television can also be a factor in language change: Evidence from an urban dialect. *Language*, 89(3), 501–536.
16. Onishenko, Ju. V. (2018). Social'no obuslovlennaja priroda britanskogo telediskursa kak sposoba formirovanija jazykovoj i mental'noj dejstvitel'nosti nacii = The socially conditioned nature of the British TV discourse as a way of forming the linguistic and mental reality of the nation. In *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury* (pp. 147–153): III International Scientific Congress Proceedings. Simferopol. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казак Евгения Анатольевна

кандидат филологических наук
научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazak Evgeniya Anatolievna

PhD (Philology)
Research Fellow of Linguistics Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.02.2023
21.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
 УДК 808.55+81'22
 DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_60

Динамика выстраивания партнерских взаимоотношений (на материале кинодискурса телесериала «Элементарно»)

Л. Р. Комалова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 komalova@inion.ru

Аннотация. В статье представлены первичные результаты исследования целостного образа партнерских взаимоотношений между мужчиной и женщиной, лонгитюдно конструируемого в телесериале посредством кинодискурса. Исследование проведено методом культурологического анализа кинодискурса. Выявленная модель продуктивных межличностных отношений характеризует высокореклексивные межличностные отношения, которые для партнеров являются ценностной основой, конституирующей устойчивое длительное партнерство в экологичном залоге.

Ключевые слова: партнерские отношения, кинодискурс, телесериал, ценностное основание

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИНИОН РАН по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

Для цитирования: Комалова Л. Р. Динамика выстраивания партнерских взаимоотношений (на материале кинодискурса телесериала «Элементарно») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 60–67. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_60

Original article

The Dynamics of Partnership Construction (on the basis of cinematic discourse of “Elementary” TV-series)

Liliya R. Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 komalova@yandex.ru

Abstract. The paper presents the preliminary results of Cultural Discourse Analysis research on the integral image of partnership between a male and female individual. TV-series longitudinally constructs such an image by means of cinematic discourse. The revealed model of productive partnership characterizes highly reflexive relations postulated by partners as value basis stating their sustainable long partnership.

Keywords: partnership relations, cinematic discourse, TV-series, value basis

Acknowledgments: The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions».

For citation: Komalova, L. R. (2023). Dynamics of partnership construction (on the basis of cinematic discourse of “Elementary” TV-series). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 60–67. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_60

INTRODUCTION

The research interest towards TV-series in Humanities is caused by the fact that this format of media production occupies a significant place in cognition and entertainment. "The impact of this format is so much that it can be considered as an energetically charged field of cultural and anthropological identifications" [Конфедерат, Дядык, 2021, p. 56]. TV-series, as a mass-culture product, "form consistent patterns for everyday interactions and practices, more closely related with other moments of everyday life"¹ [Неменко, 2020, p. 47]. The repetition of characters and storylines, and the correlation of these phenomena with the real picture of the world is the most characteristic feature of TV-series aesthetics [Кислова, Ветошкина, 2021]. S. Chavlon-Demersay argues that TV-series not only create imaginary worlds, but also could be mobilized in everyday life offering the audience the schemes that precede any images and shape people's experience [Chavlon-Demersay, 2012]. Ya. A. Parkhomenko describes "TV-series as an oneiric (dreamlike, phantom, imaginary, illusory) ino-reality provoking and satisfying escapist needs of the audience to a much greater extent than literature or cinema" [Пархоменко, 2021, p. 134].

Watching TV-series has become a daily practice for the average TV-owner all over the world. E. V. Salnikova argues that in the 21st century, TV-series acquire a highly prestigious status of the artistic world that accompanies the life of modern people in long-term perspective. People share its discourse if they find relevant issues in it, associate themselves with the characters of the series, and find the plots of the series as typical situations of modern society, even if the series is historical or fantastic [Сальникова, 2019]. The remark of one of the characters in the TV-series "Mike and Molly", Molly's mother, when she declares: "You won't cheat me – I watch "Mentalist" and I know how to act in such situations" – serves as a kind of reflection in this regard.

Despite the fact that the cinematic discourse consists of artistic, non-authentic, scenic conversations between characters and such discourse is similar, but not identical, to the natural dialogical communication between real people, the cinematic discourse "contains the quintessence of typical characteristics of spoken language" and "is designed in accordance with the rules followed by speakers of the natural process of communication" [Оробинская, 2013, p. 128]. The modern film discourse reflects the speech and communication patterns of a modern

native speaker, forcing the viewer to take filmic scenario as realistic conversation, thus separating the code of reality and cultural realism [Духовная, 2014]. "Realism" of plot collisions and characters is an important advantage of the series in the eyes of its followers [Тарасова, 2018].

O. I. Bychkova considers that TV-series help shaping the value basis of worldview by which modern society interprets and summarizes information about a real everyday life. TV-series' characters enable a recipient to try their experience of being in various circumstances onto the personal picture of the world. In case this experience correlates with the recipient's values and worldview, it would be accepted as a role-model and would be used to change the recipient's picture of the world [Бычкова, 2016].

A. V. Dmitrova and V. V. Kornushina affirm that TV-series serve as a means of communication that reflect the mood of modern society and the opinions, views and stereotypes that exist in it [Дмитрова, Карньюшина, 2019]. Thus, "at the beginning of the 21st century, TV-series enter the mainstream of the modern media environment and turn into a cult media product precisely because they correspond with people's reflections and the world of private communication. Series are an important element of everyday communication; they promote private communication and, at the same time, activate the reflection of the individuals about their attitude to the screen arts, certain genres and issues, certain actual images of characters presented. TV-series accompany our everyday life since the beginning of the 21st century as artistic "partners" in the dialogue between individuals and an actively modernizing society" [Сальникова, 2019, p. 132].

We analyzed TV-series by Cultural Discourse Analysis (CuDA)² as an interpretation and explanatory method that suggests a correlation between a "text" and social conditions, ideologies, and power relations in which it was created. "Society and culture are dialectically related with discourse – they are shaped by discourse and at the same time they constitute discourse" [Тичер и др., 2009, p. 199].

CuDA is focused on «the formation of theories and methods that contribute to the development of the principles of cultural coexistence and harmonization of conflicting discourses of various cultures in the processes of intercultural communication. It is assumed that the modern cultural situation in the world is characterized by the presence of sharp forms of discursive antagonism, manifested in almost all spheres of the culture of mankind» [Переверзев,

¹ Hereinafter, translation from Russian into English is made by L.R. Komalova.

² Cultural Discourse Analysis (CuDA) is a variation of Critical Discourse Analysis. Read more about the method and CuDA research procedure in: [Shi-xu, 2005; Carbaugh, 2007; Переверзев, 2009].

2009, p. 66]. Cultural analysis of discourse “pursues a new and flexible mode of discourse research that changes its object of enquiry according to the cultural political priorities of the moment: for example, Western colonialist discourses of its cultural ‘others’, marginalized discourses from non-western cultures, questions of how to raise hope in ‘troubled’ societies, or questions of how to formulate and warrant new discourses of cultural coexistence and freedom” [Shi-xu, 2005, p. 7].

Within the framework of the semantic content of cultural discourses D. Carbaugh denotes questions about how people are being related and what relations they are in [Carbaugh, 2007]. In this regard, our research discovers an alternative model of productive interpersonal relationships between a male and female individual, opposed to dominant models of family relations (functional and role relations between a man and a woman), love relations (relations based on romantic attraction) or the “battle of sexes” (relationships of contrast and rivalry) models. All these models are represented on TV-series, which, as was demonstrated in the introduction section of this article, are part of the modern mass culture, and our everyday social practice includes TV-series as a cultural product.

METHODOLOGICAL APPROACH

The object of our research are partnership relations between people. We focus on how such relations are constructed in dynamics. The purpose of this research is to describe a productive model of the relationship between a male and a female individual, presented in the TV-series “Elementary”. We consider the series as a discursive practice that exteriorizes behavioral patterns that captures current trends in building relationships between people in different situations. In this regard, we consider the series as a narrative that has no beginning and no end, provided that each series has a complete composition of the plot.

We suppose productivity to be a characteristic of relationships in which both partners benefit from these relations: they keep peace of mind, reach self-development, receive support, and realization of their abilities. According to E. Giddens, this type of relationship can be called “pure” intimate relations (as opposed to additive codependent relations) [Гидденс, 2004].

We assume that a series in which the hero is a couple (not one of the partners) can be considered as an audio-visual model of the relationship between

partners. In regard to the TV-series “Elementary”, we are talking about a specific non-romantic partnership between a man and a woman.

We choose “Elementary” because of its successful performance (seven seasons from 2012 to 2019 with 154 episodes), despite the hackneyed plot (detective investigations of Sherlock Holmes and Dr. Watson), the non-stop cast (Johnny Lee Miller, Lucy Liu, Aidan Quinn, John Michael Hill, etc.) and competition with the British series “Sherlock” (2010–2017).

In each episode, we extracted chunks of dialogues between Sherlock Holmes (a male) and Joan Watson (a female) about a particular event in their personal lives (not the investigation they were conducting). The focus was on the reflexive (and even therapeutic) dialogues between Joan and Sherlock. We manage conditionally combine them into the following groups:

- dialogues related to building partnerships between heroes;
- discussions about relations with representatives of the parental family (Mr. Morland Holmes – Sherlocks’ father, Mycroft – Holmes’ brother, Mary – Watson’s mother, Watson’s father and stepfather Henry, Lin Wen – Watson’s half-sister);
- discussions about relationships with a narrow circle of close people: friends, protégés, lovers (captain Thomas Gregson, detective Marcus Bell, Jamie Moriarty (Irene Adler), Shinwell Johnson, Kitty Winter, Dr. Eugene Hawes, Alfredo Llamas, Holmes and Watson’s consultants (Mason, Nose, Gay, twin girls), the Joan’s boyfriend Andrew, the Holmes’ girlfriend Fiona Helbrone, Garet Lestrade and others).

FINDINGS

Through the analysis of “Elementary” dialogues we crystalized the following dynamics of relationships between the main characters.

At the beginning of the series (season 1), Holmes and Watson are bonded functionally: Watson performs the control and advisory function of a companion curator, helping Holmes maintain sobriety. Their personal situations could be characterized as a crisis: the loss of a beloved woman for Holmes, and a professional mistake that took person’s life and forced Watson to learn a new profession. Involvement in joint activities (cohabitation and co-working as consulting detectives) allows both of them to realize their interest in this activity as a matter of life and their usefulness in this field.

Watson: What do you think's inside? In this day and age, the simplest way to track someone is via their cell phone.

Sherlock: You cloned the phone that Moriarty's been using to contact us.

W: I did.

Sh: Hmm.

W: Right after you told me that you'd never let Moriarty hurt me. I thought you'd try and pull something like this. **You asked me to be your partner.**

Sh: **You are my partner.**

W: You lied about hearing from Moriarty so you could come here on your own.

Sh: Watson. Most puzzles I see from the outside and it gives me a certain clarity. I am right in the center of this one. It has blurred my vision, to say the least. **I just lied to protect you.**

W: I didn't ask you to protect me. And **I did not sign on to work with you to be put on the sidelines every time you or Gregson or anyone decides it's too dangerous.**

Sh: You want the danger.

W: **I wanna know I'm not kidding myself by staying with you.**

Sh: The reasons I'm here are personal.

W: I could say the same thing. **I have been with you every step of the way these past couple of weeks.** We have worked hard on this case. **Whatever answers he's got in there for you, I deserve them too.**¹

(Season 1, series 22, 00:38:48–00:40:00)

The second season reveals the relationship between the guru (Holmes) and the protégé (Watson). Sherlock estimates this union as productive, at Watson he sees a valuable potential that he is trying to develop in every possible way. The season ends with Sherlock leaving the country, a decision which Joan considers as a break of their partnership.

Sh: **Our collaboration works, Watson. Even when things are less than ideal between us, it works.** When I look back on the last 18 months, I often categorize it as a kind of...

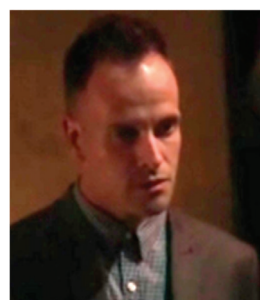
¹ Scripts are taken from the following web-sites: <https://sublikescript.com/series/Elementary-2191671>; <https://engvideo.net/en/serials/elementary/#>

grand experiment. The results of which have demonstrated to me, much to my surprise, that **I am capable of change. So I will. Change. For you. For the sake of our partnership.** For the sake of our work. **Stay.**

W: You have this kind of... pull. Like gravity. **I'm so lucky that I fell into your orbit.** But if we live together, that's how it will always be. Me orbiting you. There'll always be the next case, the next problem. And I will always get pulled along. It's an exciting way to live, but there are consequences. **We will work this out.** I know we will. But **I need to get my own place.**

(Season 2, series 24, 00:27:10–00:28:50)

The third season highlights a turning point in relationships. Now Joan is an independent, self-sufficient woman, an independent private detective consulting New York police. Holmes' return with a new protégé opens an opportunity to reflect their own partnership, its value and uniqueness of partners. From that moment, Holmes and Watson become equal full partners.

W: If Elspeth had anything to do with what happened...

I would've gotten to him myself.

Sh: Are you worried I plan to take the credit? **I'm disappointed, Watson. I warned you repeatedly over the course of our partnership...**

W: **There is no partnership! You ended it** in that note you left me eight months ago. The one that was five whole sentences long.

Sh: I concede the note was a mistake. I should have bid my farewells in person.

W: Yes, you should have. But the truth is, you were right... **I didn't need you anymore. I still don't.**

(Season 3, series 1, 00:14:35–00:15:10)

The fourth season begins with a series in which partners lose the possibility to consult the police, and their partnership seems to be in jeopardy. For the first time the question of the significance of their partnership arises before them (to a greater extent, before Watson). The core idea of the season is that one really can work out, or reinstall relations with family and friends only when the "nuclear relations"² in the pair are established.

² We introduce the term "nuclear relations" for the first time ever.

W: Mr. Cook. I'm Joan Watson. You called me yesterday.

Cook: How did you know where I lived?

W: I'm here because I want you to give a message to Mr. Holmes [*Sherlock's father*].

Cook: He has a secretary. Several of them, actually.

W: You're the one who called me.

Cook: Very well. What's your message?

W: **He can come and visit his son or he can stay away. What he can't do is threaten to come and then never show.**

Cook: Mr. Holmes is an extremely busy man.

W: **I'm busy, too. So is Sherlock. Tell him.**

Cook: Can a heroin addict be busy? I'm just curious. I imagine procuring the drug might take some effort, but, after that, it's a... simple matter of aim and shoot, is it not?

W: **What's the hardest you've ever been hit?**

Cook: Excuse me?

W: It's a simple question. **Talk to Mr. Holmes. Tell him what I said. I'd hate to have to come back.**

(Season 4, series 1, 00:18:35 – 00:15:10)

In the fifth season, the established relationship between Joan and Sherlock allows Watson to acquire a resource of free time for her own project (a protégé – Shinwell). And Holmes has the opportunity to constructively finish “guru – protégé” relationships with Kitty.

Kitty: Maybe they're just an excellent way of avoiding talking to me.

Sh: For goodness' sake.

Kitty: No! **You are unhappy because I've**

decided to stop being a detective.

Sh: I get it. But can we please move on? We've been over this. I'm not unhappy. I accept and, more importantly, I understand your decision.

Kitty: Rubbish! You've been frosty with me ever since you met Archie; I'm not an idiot. But do you know, **if-being a detective is the only way to be your friend, then fine, you and I are done.**

Sh: Well, thank you for letting me know this time. That's quite unlike you.

Kitty: Excuse me?

Sh: **The last time that you left, it wasn't made clear to me that our friendship had run its course;** It took me two years to work that out.

Kitty: What are you talking about?

Sh: Two years. Two years, not a single word from you. I mean, you couldn't even be troubled to send a simple

e-mail to let me know you were okay. **I don't mind whether you're a detective or not. The only thing I want, the only thing I've ever wanted, was for you to be happy.**

Against all the odds, it happened. You didn't tell me. Kitty: Two years ago, I was on the run. I'd just tortured and disfigured a man. If the authorities were looking for me, I didn't want you to have to lie about where I was.

Sh: **Do you really think that would've been hard for me? To lie to protect a friend?** I've been asking myself what I could've done differently, if I could've done anything better. **Friendship has never come that easily to me. I thought that what we had was-meaningful.**

Kitty: **It was. It is.**

Sh: I mean, **you made a... person, Kitty, and you didn't tell me.**

(Season 5, series 16, 00:30:43 – 00:32:22)

In the sixth season, the question of fathers and children is again raised, but now it acquires a different characteristic: Joan realizes her desire to become a mother. The appearance of a child is a classic challenge to the couple relationship between a man and a woman, which in the series is played out as social parenthood: Watson strives to adopt a child, Holmes arranges conditions for the child without becoming his father (Holmes may become an uncle; Holmes is the godfather of Kitty's son). Symbolically, the season ends with Sherlock's words: “we're two people that love each other,” that testifies awareness of a deep close relationship with Watson.

W: We could have fought this together.

Sh: We could have failed.

W: **That doesn't sound like us.**

Sh: I wanted to thank you.

W: Don't.

Sh: I wanted to thank you for everything you've done for me over the last six years.

W: Sherlock...

Sh: I was dying when we first met. I mean, I looked well enough. Just got out of rehab and all that. Thought that I knew everything, but I didn't. I didn't realize how much... how much work I would have to put in and how much time it would take. But most of all, I-I didn't realize that... things could get better. And that I could actually be... Yes, **I was dying. And no one could see it but you. You saved my life, Joan.**

W: **We're partners.**

Sh: No. **We're much better than that. We're two people that love each other.** We always have been.

(Season 6, series 21, 00:36:52 – 00:38:42)

The seventh season becomes a kind of reflection of relationships and projection of the future. Holmes is losing his father, forced to stage his death, which leads to a new period of separation with Watson. The last episodes briefly presents four years of the heroes' lives in a state of complete autonomy from each other: Holmes, under fake personalities, continues to fight the underworld in Europe, Watson consults the New York police, adopts a child, writes a book. Sudden news of Moriarty's death becomes the impetus for the reunion of partners. And after Joan's illness and forced break in work partners worry whether Captain Bell will agree to hire their couple as consultants. Before the meeting Sherlock says Watson: "A long as we're together, what does it matter?", thereby emphasizing the fact that their partnership is still truly valuable to him.

W: I still think we should've called him [Captain Bell] first, give him a heads-up that we want to consult again.
Sh: I think he'll appreciate the surprise. Or

he'll punch me. Either way.

W: So, Tuesdays might be a problem. I don't have Rose [nanny] on Tuesdays, and Arthur's [Watson's son] only in school until...

Sh: **We'll work it out.**

W: What if he says no?

Sh: He won't say no.

W: But what if he does?

Sh: Well... **As long as we're together, what does it matter?**
(Season 7, series, 00:41:40 – 00:42:12)

Based on the analysis of series' plot, conventionally, the relative partnership dynamics can be fixed as follows: establishing contact (season 1) ⇒ developing a new type of relationship (season 2) ⇒ establishing equal full partnership (season 3) ⇒ strengthening partnership (season 4) ⇒ partnership as a source (season 5) ⇒ combining autonomy and partnership (season 6) ⇒ pure autonomy and renewal of the partnership (season 7).

The analysis also shows that such productive partnership is possible in specific conditions. Holmes and Watson's relationship does not construct as a hierarchical subordinate relationship within the workplace, as on "Mentalist", "Newsroom" or "Candice Renoir" series; it is not a competitive strategy, as shown on "Masters of Sex" series; it is either a new wave of feminism, as on "Body of Proof" series. One of the conditions is the partial inclusion in social activity (they are not on a permanent job

like captain Gregson or detective Bell). They both have high professional competence that allows making accurate conclusions about the nature of phenomena and maintain deep communication between each other. They are open to new experience and ready for learn. They never hush up problems. Openness in relationships is the main principle in their relations. And yes, they are free to dispose of themselves, their time, they are not involved in dependent relationships.

CONCLUSIONS

To conclude we can say that what began as post drug addiction therapy first turned into scholarship, then transformed into minor labor companion, successfully developed in equal full partnership which means companionship, friendship, family, and love.

We believe that the commitment by the partners to their relationship (provided the relationship evolution sometimes accompanied by some very dramatic events), demonstrated in "Elementary" TV-series, therefore, postulates this relationship as value basis which allows partners to demonstrate the wealth of their inner world and mental resilience in front of social challenges.

Given the fact that "a movie is a social product reflecting historical, political, and ideological contexts" [Ломова, 2022, p. 34], and that "Elementary" TV-series, certainly, has found its audience¹ and still is in demand by cinema-users², we suppose that sustainable productive interpersonal relationships is a meaningful and sought value basis in modern society.

In this regard, "Elementary" TV-series launches different, other than fascination, mechanism for interaction between a recipient and a "screened product"³, namely, a search for externalizing language that allows to work with your own interpersonal relationships via filmic text, and speaking wider – cinematic discourse.

¹ See, for example, "Elementary" ratings on <https://myshows.me/view/25119/rating/> and on https://www.imdb.com/title/tt2191671/episodes?ref_=tt_eps or read users commentaries on <https://www.kinopoisk.ru/series/661210/>

² We introduce the term "cinema-user" for the first time ever. In this context "cinema" is a Latinized form of Greek "kinemat-", combining form of "kinema" – "movement", from "kinein" – "to move" (see: <https://www.etymonline.com/search?q=cinema>). In this case "cinema" and "movie" means the same – a screen exhibiting, explicating, and reproducing moving images.

³ In this case "a screened product" correlates with the notion of "screened work" – a creative product designed with the use of optical, analog or digital systems, in which images exist in time and are perceived by viewers through optical and electronic screens (Infopedia: <https://infopedia.su/6x6e8.html>).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конфедерат О. В., Дядык Н. Г. Философско-антропологические аспекты телесериала XXI века. «Рассказы из Петли» (2019) как опыт философской рефлексии // Социум и власть. 2021. № 3 (89). С. 55–66. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47570239>
2. Неменко Е. П. Как изучать вовлеченность в массовую культуру: пример телесериалов // Colloquium-Journal. 2020. № 12–5 (64). С. 46–49. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11822. URL: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2020-64-5.pdf>
3. Кислова Л. С., Ветошкина М. А. Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 80–105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105. URL: https://vestnik.utmn.ru/eng/humanitates/vypuski/2021-tom-7/1_25/1041915/
4. Chalvon-Demersay S. La part vivante des héros de séries // Faire des sciences sociales. Critiquer. Paris: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 2012. P. 31–57.
5. Пархоменко Я. А. Современный телесериал: нарративные и жанровые метаморфозы // Вестник ВГИК. 2021. Т. 13. № 2 (48). С. 132–147. DOI: <https://doi.org/10.17816/VGIK71067>. URL: <https://journals.eco-vector.com/2074-0832/article/view/71067/pdf>
6. Сальникова Е. В. Эпоха сериального бума и проблемы жанрового развития российского кино // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа. М.: МГУ, 2019. С. 130–144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37384232>
7. Оробинская Р. В. Процессуальные особенности персонажного диалога (на материале немецкого художественного фильма «Sophie Scholl. Die letzten Tage») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1(29). С. 127–132. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_11-1_37.pdf
8. Духовная Т. В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурс живой речи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 22–25.
9. Тарасова А. В. Понять, прочувствовать и присвоить: южнокорейский сериал «Лунные влюбленные – алые сердца: Корё» в обсуждениях русскоязычных зрителей // Наука телевидения. 2018. № 14(4). С. 124–145.
10. Бычкова О. И. Герой нашего времени: ценности в зеркале российского телесериала // Наследие веков. 2016. № 1. С. 48–54. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Bychkova.pdf
11. Дмитрова А. В., Карньюшина В. В. Речевая репрезентация стереотипов о России в детективных сериалах США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. № 5(2). С. 23–31. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-3. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/1708/>
12. Тичер С. [и др.]. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009.
13. Переверзев Е. В. Современный культурологический анализ дискурса // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. 2009. Вып. 1. Т. 1. С. 65–74. URL: http://www.discourseanalysis.ru/ada1_1.pdf
14. Shi-xu. A cultural approach to discourse. Palgrave Macmillan, 2005.
15. Carbaugh D. Cultural Discourse Analysis: communication practices and intercultural encounters // Journal of Intercultural Communication Research. 2007. Vol. 36. No. 3. P. 167–182.
16. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Санкт-Петербург: Питер, 2004.
17. Ломова О. Е. Ценности немецкой лингвокультуры через призму кинодискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 1 (38). С. 33–37. URL: <https://landrailbgz.ru/wp-content/uploads/2022/11/BGZ-2022-1-38.pdf>

REFERENCES

1. Konfederat, O. V., Dyadik, N. G. (2021). Philosophical and anthropological aspects of the 21st century television series “Tales from the loop” (2019) as an experience of philosophical reflection. *Society and Power*, 3(89), 55–66. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-3-55-66. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47570239> (In Russ.)
2. Nemenko, E. P. (2020). Kak izuchat вовлеченность в массовую культуру: primer teleserialov = How to study engagement in popular culture: television series example. *Colloquium-journal*, 12–5(64), 46–49. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11822. <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2020-64-5.pdf> (In Russ.)
3. Kislova, L. S., Vetoshkina, M. A. (2021). TV series as a social project in modern mass discourse: national specifications. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 7–1(25), 80–105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105. https://vestnik.utmn.ru/eng/humanitates/vypuski/2021-tom-7/1_25/1041915/ (In Russ.)
4. Chalvon-Demersay, S. (2012). La part vivante des héros de series. *Faire des sciences sociales. Critiquer* (pp. 31–57). Paris: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales.
5. Parkhomenko, Ya. A. (2021). Contemporary TV series: narrative and genre metamorphoses. *Vestnik VGIK*, 13–2(48), 132–147. <https://doi.org/10.17816/VGIK71067>. <https://journals.eco-vector.com/2074-0832/article/view/71067/pdf> (In Russ.)

6. Salnikova, E. V. (2019). Epokha serialnogo buma i problem zhanrovogo razvitiya rossijskogo kino = The era of the serial boom and the problems of the genre development of Russian cinema. In Aktualnye problemy ekrannykh i interaktivnykh media (pp. 130–144). Moscow: MSU. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37384232> (In Russ.).
7. Orobinskaya, R.V. (2013). Procedural peculiarities of character's dialogue (be the material of the German feature film "Sophie Scholl. Die letzten Tage"). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 11–1(29), 127–132. https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_11-1_37.pdf (In Russ.).
8. Dykhovnaya, T. V. (2014). Movie discourse: correlation with the notion of a living speech discourse. Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 3, 22–25. (In Russ.).
9. Tarasova, A. V. (2018). Ponjat', prochnuvstvovat' i prisvoit': juzhnokorejskij serial «Lunnye vlyublennye – alye serdca: Korjo» v obsuzhdenijah russkojazychnyh zritelej = To understand, to feel and to appropriate: the South Korean television series "Moon lovers – Scarlet heart: Ryoue" in discussion of Russian speaking viewers. The Art and Science of Television – journal, 14(4), 124–145. (In Russ.).
10. Bychkova, O. I. (2016). The Hero of Our Time: the Values in the Mirror of the Russian TV Series. Heritage of Centuries, 1, 48–54. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Bychkova.pdf (In Russ.).
11. Dmitrova, A. V., Karnyushina, V. V. (2019). Representation of stereotypes about Russia in American detective series. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 5(2), 23–31. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-3. <http://rllinguistics.ru/journal/article/1708/> (In Russ.).
12. Tischer, S., Meyer, M., Wodak, R., Vetter, E. (2009). Metody analiza teksta i diskursa = Methods of the text and discourse analysis. Kharkov: Humanitarny Center. (In Russ.).
13. Pereverzev, E. V. (2009). Sovremenny kulturologicheskij analiz diskursa = Modern cultural analysis of discourse. Sovremennyy diskurs-analiz. Metodologija: konceptual'nye obosnovaniya, 1–1, 65–74. http://www.discourseanalysis.ru/ada1_1.pdf (In Russ.).
14. Shi-xu. (2005). A cultural approach to discourse. Palgrave Macmillan.
15. Carbaugh, D. (2007). Cultural Discourse Analysis: communication practices and intercultural encounters. Journal of Intercultural Communication Research, 36(3), 167–182.
16. Giddens, A. (2004). Transformacija intimnosti: seksual'nost', ljubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvakh = The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies. St.Petersburg: Piter. (In Russ.).
17. Lomova, O. E. (2022). Cennosti nemeckoj lingvokul'tury cherez prizmu kinodiskursa = The values of German linguoculture through the prism of film discourse. Baltic Humanitarian Journal, 11–1(38), 33–37. <https://landrailbgz.ru/wp-content/uploads/2022/11/BGZ-2022-1-38.pdf> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комалова Лилия Ряшитовна

доктор филологических наук, доцент
руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komalova Liliya Ryashitovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Head and Leading Research Fellow at the Centre of Emerging Practices
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	27.03.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.114
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_68

Немецкоязычная православная листовка: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты

О. А. Милеева

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mileeva.aa@gmail.com*

Аннотация. В статье выявляются лингвокультурологические особенности немецкоязычной православной листовки. Листовка является популярным жанром в немецкоязычном православии вследствие социокультурных, лингвистических и исторических факторов. В статье вычлняются адресант и адресат, интенция, а также стратегии и тактики, применяемые в немецкоязычных православных листовках. В статье выявляется связь между религиозной и национальной культурной идентификацией адресанта и адресата листовок. Получают определения универсальные, а также специфические стратегии православной листовки, которые формируются в зависимости от характера целевой группы.

Ключевые слова: религиозный дискурс, православный дискурс, стратегия, тактика, листовка

Для цитирования: Милеева О. А. Немецкоязычная православная листовка: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 68–76. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_68

Original article

German-Language Orthodox Flyer: Linguoculturological and Linguopragmatic Aspects

Olga A. Mileeva

*Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mileeva.aa@gmail.com*

Abstract. This article describes the genre of “educational flyer” as part of the German-language Orthodox discourse. The German-language Orthodox flyer is a popular genre in Germany, which is due to sociocultural, linguistic and historical factors. The article highlights and describes the key strategies and tactics peculiar to the German-speaking Orthodox leaflet. The choice of strategies and tactics is determined by the target audience. Some of the strategies and tactics are typical for all target groups, while the other part is used for a narrower audience.

Keywords: religious discourse, orthodox discourse, strategy, tactics, flyer

For citation: Mileeva, O. A. (2023). German-language Orthodox flyer: linguoculturological and linguopragmatic aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 68–76. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_68

ВВЕДЕНИЕ

Изучение религиозного дискурса является одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики. В отечественной лингвистике религиозный дискурс был подробно исследован на русскоязычном материале: [Карасик, 2002; Плисов, 2017; Плисов, 2022; Бобырева, 2007; Анисимова, 2019, Анисимова, 2021; Бугаева, 2010; Балашова, 2016] и др. Однако немецкоязычный православный дискурс (НПД) до сих пор не был досконально исследован, лишь в последнее время появился ряд работ, в которых рассматривается немецкий православный конфессиолект [Плисов, 2022]. Изучение немецкоязычного православного дискурса представляется наиболее актуальным в связи с ростом влияния православного дискурса в немецкоязычных странах (в Германии православие является третьей по численности христианской конфессией¹), а также с развитием миграционной лингвистики [Шустова, 2019; Зубарева, 2019], вызванным ростом числа мигрантов и беженцев в Европу в последние десятилетия.

Объектом данного исследования является «просветительская листовка» в немецкоязычном православном дискурсе. Жанр «листовка» издавна привлекал внимание лингвистов в историческом аспекте [Гухман, Семенюк, 1983] в связи с особенностями апеллятивных текстов, проблемой гибридности и креолизации текстов, разработкой типологии религиозного дискурса [Анисимова, 1994; Анисимова, 2019]. Е. Е. Анисимова относит листовку к типу апеллятивного призывного текста. Ученая выделяет три подтипа листовки: декларативная, инитативная, агитационно-призывная.

Жанр «просветительская листовка» популярен в немецкоязычном православном дискурсе Германии. «Просветительская листовка» подразумевает тип текста, *целью которого является разъяснение и распространение религиозного вероучения и религиозных традиций*. Распространению «просветительских листовок», на наш взгляд, имеются две причины. Во-первых, православные приходы в Германии немногочисленны, и прихожане не

всегда имеют возможность посетить храм, поэтому листовка, распространяемая прежде всего в интернете, оказывается для них подчас единственным средством доступа к информации. Во-вторых, немецкоязычное православие находится в окружении католических и протестантских приходов, которые имеют давние традиции листовочной литературы; они повлияли и на формирование православного листовочного дискурса.

Материалом для настоящего исследования послужили совместные листовки двух православных общин в Балингене и Альбштадте (die Orthodoxen Kirchengemeinden Balingen und Albstadt) и листовки Митрополии Германии и центральной Европы (der Antiochenisch-Orthodoxen Metropole von Deutschland und Mitteleuropa).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИСТОВКИ

Адресантом листовки выступает Православная Церковь и приход как церковная организация. В качестве конкретного автора может выступать:

- 1) православный иммигрант, для которого немецкий язык не является родным;
- 2) православный билингв, равно владеющий немецким и, например, русским языками, выросший в Германии;
- 3) православный немец-конвертит, чей родной язык – немецкий, а сам он перешел в православие из католичества или протестантизма.

Адресатом являются все православные в целом, проживающие на территории Германии и владеющие немецким языком, а также прихожане конкретного прихода. Внутри группы адресатов можно выделить несколько подгрупп:

- 1) мигранты из православных стран (для которых немецкий язык не родной), принадлежащие этнически замкнутым общинам;
- 2) дети мигрантов, владеющие немецким с детства;
- 3) немцы-конвертиты.

В ряде случаев адресаты распределяются по возрастному критерию, например, в листовках Антиохийской церкви. Данные листовки издаются в трех видах, и адресат четко определен.

Взрослые прихожане. Это люди, приехавшие уже во взрослом возрасте, например, из Сирии и некоторых других стран Ближнего Востока, для которых родным языком является арабский и которые выросли в иной культуре.

¹ В 2016 году число православных в Германии составляло около 2 миллионов человек, и православная церковь являлась третьей по величине христианской церковью (после католической и протестантской, 21,9 млн и 23,6 млн соответственно). На сегодняшний день православие в Германии представлено Московским, Константинопольским, Антиохийским, Сербским, Румынским, Болгарским и Грузинским патриархатами. Что касается именно немецкоязычного православия, то сегодня на территории Германии находится 28 православных общин, где литургия служится на немецком. Из них 18 общин принадлежат Русской православной церкви, 5 – Румынской православной церкви, 2 – Греческой православной церкви и 1 община – Болгарской православной церкви.

Молодежь (14–18 лет). В данном случае речь идет о подростках, которые, с одной стороны, достаточно ассимилированы в немецкоязычной культуре, а с другой – благодаря своим этническим корням, все равно принадлежат другой культуре и находятся на стыке разных мировоззрений – европейского и ближневосточного, западно-христианского и православного. В результате они могут сталкиваться с противоречиями в интерпретации тех или иных явлений, что вызывает у них недопонимание и вопросы. Данные листовки призваны помочь адресату разобраться в вопросах веры.

Дети. Эти листовки предназначены для маленьких детей (до 13 лет), которые в большинстве случаев родились и растут в Германии. Листовки написаны для них и их родителей, задача листовок – рассказать детям простым языком о православной вере, а также об их родной сирийской культуре.

Немецкоязычные православные листовки имеют ряд особенностей:

1. В православных листовках на немецком языке при упоминании религиозных понятий в скобках дается его русский или греческий перевод, например: «Die heutige Feier (Рождества Пресвятой Богородицы) ist der Beginn unserer Feste». В некоторых листовках параллельно дублируется один и тот же текст на немецком и других языках (например, арабском).

2. Приводится дословный перевод на немецкий язык православных реалий, в то время как в немецкой лингвокультуре в других христианских конфессиях уже существуют номинации для соответствующих религиозных понятий. Например, религиозный праздник «Сретение» переводится как «Begegnung des Herrn», в то время как у немецких католиков он именуется как «Darstellung des Herrn». Праздник «Крещение» немецкоязычные православные переводят как «Theophanie» (у немецких католиков он называется «Eiphanie» или «Dreikönigsfest»). То же самое происходит с наименованием дней Страстной недели: сама «Страстная седмица» именуется – вместо традиционно принятого в немецкой лингвокультуре «Karwoche» – «die Große und Heilige Woche», а Страстная Пятница – вместо «Karfreitag» – «der Große und Heilige Freitag».

3. Наблюдается прямое заимствование православных реалий и слов, их калькирование из русского или греческого языков и написание латиницей, например:

Matushka – матушка	Starosta – староста
Starez – старец	Pomjannik – помянник
die Epiklese – епиклеза	das Tropar – тропарь
die Svataja Rus – Святая Русь	

Интересно, что в некоторых случаях заимствование происходит не по причине отсутствия соответствующего понятия и его номинации в немецком языке, а по причине необходимости передать духовную сущность того или иного понятия в православии. Например, *der Batjuška* (бабушка) или *Podwig* (подвиг).

4. К особенностям языкового употребления относится то, что лексема *westlich* (западный) часто имеет в листовках отрицательную коннотацию: «viele westliche Menschen wurden stark von der Säkularisierung ergriffen», «...in unseren westlichen Gesellschaften, die so stark vom Agnostizismus geprägt sind» и т. д. Подчеркивается, что современное западное общество носит отпечаток агностицизма, секуляризации и материализма. Осуждается материалистский образ мышления («materialistische Betrachtungsweise»), приобретший в западном обществе культовый характер.

В лингвопрагматическом аспекте православная коммуникативная листовка характеризуется своими стратегиями и тактиками. Интенция немецкоязычных просветительских листовок – рассказать адресату о православии, убедить его в истинности православной веры и помочь ему приобрести или сохранить православную идентичность в западно-христианском мире. Для реализации этих намерений автор использует различные стратегии, к ним относятся: *катехизаторская, объединяющая, аргументативная, стратегия укрепления национального самосознания*.

КАТЕХИЗАТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Катехизаторская стратегия заключается в том, чтобы просветить адресата в вопросах православной веры. Так, немецкоязычный православный христианин призван знать события Ветхого и Нового Завета, быть знакомым с Преданием, понимать Таинства и обряды Православной церкви. Данная стратегия реализуется посредством следующих тактик: *нарративная тактика, вопросно-ответная тактика, тактика упрощения, тактика инструкции, тактика использования визуальных средств*.

Нарративная тактика заключается в рассказе о событиях Священного Писания, о жизни святых, о церковных традициях. В листовках, которые предназначены для людей, лишь недавно принявших православие, эти описания обычно очень подробны. Для передачи содержания Библии автор часто использует сложные предложения с сочинительной и подчинительной связью, конъюнктив в косвенной речи, например:

Neben dem Zeugnis des Johannes des Täuflers, kam vom Himmel das Zeugnis Gottes des Vaters, dass Jesus Sein geliebter Sohn sei, ohne Sünde, selbst Heiligkeit, und dass Er die Taufe durch Johannes nicht gebraucht hätte, aber trotzdem kommt und Solidarität zeigt mit dem Menschen, der gesündigt hat, und die ganze Schuld auf Sich nimmt.

Вопросно-ответная тактика выражается в постановке проблемы через вопрос, за которым следует ответ / ответы на него. При ответе может использоваться цитата из Библии, например:

- Warum musste Jesus Christus sterben und auferstehen?
- Ich bin der Weg und die Wahrheit und das Leben; Niemand kommt zum Vater außer durch mich (*Johannes 14:6*).
- ...wie ist dieser Vers zu verstehen und warum spielt er so eine große Rolle für uns?
- ...Christus musste sterben, um unsere Sünden und unsere Schuld mit in den Tod zu nehmen und aufzuerstehen. Jesus Christus hat also unsere Sünden begraben und durch den Tod, den Tod besiegt.

Отметим повторение местоимения первого лица множественного числа *unsere* перед лексемами *Sünden* и *Schuld*. В данном случае при помощи синтаксического повтора подчеркивается причастность каждого человека ко грехам, за которые пострадал Христос.

Тактика упрощения используется прежде всего в листовках для молодежи и детей. Перед автором стоит задача максимально упростить информацию для ее успешного восприятия. Так, жития православных святых часто написаны не сплошным текстом, а выборочно и конспективно. Автор жития ограничивается перечислением основных вех жизни святого. В целях краткости употребляются также эллиптические предложения, одноставные именные предложения и т. д. Например, в жизнеописании святого Апостола Петра:

- hieß ursprünglich Simon;
- Fischer vom See Bethsaida;
- einer der ersten Jünger Christi;
- viele Bekehrungen und Gemeindegründungen gehen auf Petrus zurück;
- starb als Märtyrer in Rom.

Подобным образом приводятся жития и других святых, символы креста Господня, что позволяет сконцентрировать внимание адресата на основной информации.

Инструктивная тактика призвана дать читателю конкретные и четкие указания по различным вопросам православной жизни. Например, в листовках содержатся инструкции, разъясняющие, как следует молиться или как поститься, как вести себя в церкви. В подобных инструкциях используются утвердительные асертивные предложения или императив (2-е лицо множественного числа), а также приводятся цитаты из Священного Писания, подтверждающие смысл практических инструкций для верующих.

1. Das Gebet ist der Wille Gottes: "Freut euch allezeit! Betet unablässig! Sagt in allem Dank! Denn dies ist der Wille Gottes in Christus Jesus für euch" (*1 Thess. 5:16–18*).
2. Gott hört dir zu und nimmt deine Anliegen ernst: "Und dies ist die Zuversicht, die wir zu ihm haben, dass er uns hört, wenn wir etwas nach seinem Willen bitten" (*1 Joh 5:14*).
 - Sucht euch einen oder mehrere Fastenpartner, mit denen ihr gemeinsam fastet und z. B. auch betet.
 - Tauscht euch mit anderen Jugendlichen aus, wenn möglich in der Kirche nach dem Gottesdienst. Achtet dabei aber darauf, dass es nicht um einen Wettkampf mit den anderen geht. Jeder hat seine ihm von Gott gegebenen Fähigkeiten und Möglichkeiten.

Тактика использования визуальных средств выполняет как просветительскую, так и аттрактивную функцию. Листовки всегда оснащены большим количеством изображений: икон, рисунков, фотографий. Всё это призвано не только визуализировать информацию, но и сделать материал эстетически привлекательным. В качестве примера можно привести название листовок из цикла *#LikeOrthodox*. Уже по названию листовки заметно, что автор старается привлечь именно молодое поколение, которое активно пользуется социальными сетями. В названии обыгрывается знак #, с помощью которого в социальных сетях вводятся теги, а также слово *like* – положительная реакция на пост в соцсети. При этом используются дополнительные иконические средства: изображены четки и вместо буквы *t* стоит крест.

ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ СТРАТЕГИЯ

Данная стратегия проявляется в немецкоязычном православном дискурсе в следующих случаях: когда речь идет о православии в целом, а также

о национальных особенностях отдельных православных Церквей в частности. Целью стратегии является достижение единства православных христиан как внутри общины, так и за ее пределами. Для реализации этой стратегии используются следующие тактики: 1) *тактика достижения единства православных христиан*; 2) *тактика описания традиций разных православных культур*; 3) *тактика описания западно-христианских традиций*. При этом последние две тактики наиболее характерны для листовок, предназначенных для немцев-конвертитов, для которых в силу их ментальных особенностей важна открытость всему христианскому миру, интерес к православной культуре разных стран, а также желание сохранить связь с христианскими (католическими и протестантскими) традициями родной страны.

Тактика достижения единства православных христиан реализуется с помощью:

- непосредственных призывов: этой цели служат глагольные формы в повелительном наклонении (в том числе инклюзивные формы в 1-м лице множественного числа):

Seien wir also nicht hyperkritisch gegenüber den Schwächen unserer Mitmenschen. Ertragen wir einander in Geduld und Liebe;

- рассуждений на тему необходимости единства верующих с опорой на Священное Писание. Маркером этой тактики являются местоимения *wir*, *unser*, лексемы с семой «объединение», например *gemeinsam*:

Sich dessen wieder bewusst zu werden, heißt, den Weg nach Pas'cha auch in unseren Herzen *gemeinsam* und miteinander zu betreten. Denn wie bereits gesagt: der Zweck der *gemeinsamen* Fastenzeit ist es eben nicht, dass jeder für sich selbst gerettet werde, sondern dass wir *gemeinsam* in der Kirche und durch das Heilshandeln Christi durch Seine Kirche gerettet werde.

Тактика описания традиций различных православных культур. Хотя выпускающие листовки приходы относятся к Русской православной церкви, в условиях сосуществования в Германии представителей различных Церквей они нередко обращаются к обычаям и традициям разных православных стран. При этом в описаниях традиций отмечается их общность и различия. Например, в рассказе о проскомидии¹ упоминается, что в русской

¹ Проскомидия (от греч. προσκομιδή (проскомиди) – принесение; προσκομιζω (проскомизо) – приносить) – первая часть литургии, на которой совершается приготовление вещества (хлеба и вина) для таинства Евхаристии.

традиции она происходит во время часов, а греческой – во время утрени:

Heute wird diese Gabenbereitung während der Lesung des Stundengebetes (russisch-slawische Tradition) beziehungsweise des Morgengottesdienstes (griechische Tradition) vollzogen.

В листовке о Вербном воскресенье описываются, какие растения приносят в храм в этот день в разных православных странах: *die Palmzweige* (пальмовые ветви), *die Ölbaumzweige* (ветви оливы) в Греции, *die Weidenkätzchen* (верба) – в северных странах. А в связи с празднованием Нового года рассказывается об особом почитании святого Василия Великого в Греции и о греческой традиции печь хлеб, который называется по имени этого святого – *Vasilopita* или *das Vasilios-Brot*.

При этом подчеркивается, что все православные традиции равны между собой:

Russische Traditionen sind deshalb nicht besser oder schlechter als griechische, serbische oder rumänische etc. Gemeinsam und zusammen sind sie Ausdruck der orthodoxen Fülle der kirchlichen Katholizität.

Стремление к единству православных Церквей выражается также в том, что листовки часто содержат повествование о святых не только своего, но и других православных патриархатов. Это стремление обусловлено в первую очередь тем, что в одной православной общине на территории Германии могут оказаться прихожане из нескольких патриархатов. Например, в одной из листовок рассказывается о святых мучениках и исповедниках Виссарионе, Опре, Иоанне и Мозесе Трансильванских (*die heiligen Neumärtyrer und Bekenner von Kufstein Visarion, Oprea, Ioan und Moses*) – мучениках, погибших в Тироле и канонизированных только в Румынской и Сербской Церквях.

Особое внимание уделяется также местным немецким (австрийским) и центрально-европейским святым, которые мало известны верующим из традиционно православных стран. Это могут быть, в частности, святые покровители немецких городов – *Schutzpatrone*, например, святые мученики Кассий и Флоренций, покровители города Бонн (*die heiligen Märtyrer Cassius und Florentius, die Schutzpatrone der Stadt Bonn*).

Тактика описания западно-христианских традиций. В листовках, целевым адресатом которых являются немцы-конвертиты, часто присутствует тема толерантных взаимоотношений православия с другими христианскими конфессиями (протестантизмом и католичеством), что в целом не

характерно для русскоязычного православного дискурса. В условиях немецкоязычного православия, для которого характерна тема межконфессионального взаимодействия, религиозная толерантность приобретает особое значение. Например, в рассказе о мучениках Виссарионе, Опре, Иоанне и Мозесе, пострадавших от рук греко-католиков, автор отмечает, что не следует воспринимать этих мучеников как борцов с католиками и протестантами, что речь идет не о межконфессиональной борьбе, а только о защите православия, что с западными христианами необходимо жить в дружбе:

Man würde das Glaubenszeugnis dieser hl. Neumärtyrer aber missverstehen, wenn wir sie als „Gegner“ unserer katholischen oder evangelischen Mitchristen verehren würden. Vielmehr geht es für uns Orthodoxe darum, ihr gelebtes Glaubenszeugnis (Martyria) für die unverfälschte und unverkürzte Wahrheit des Heiligen Orthodoxen Glaubens auch gegen staatlichen und gesellschaftlichen Zwang zu unserer eigenen (persönlichen) Glaubenshaltung werden zu lassen.

В православных листовках также освещаются западно-христианские обычаи. Например, в листовке, посвященной традициям Рождества, раскрываются следующие темы:

а) сочельник¹ (*Sočel'nik* / *Heiliger Abend*), сочиво² (*sočivo*);

б) понятие *Адвент* (*Advent*)³ и его история;

в) католические и протестантские традиции Адвента, например, фиолетовое облачение священства⁴ и *Gaudete* – третье воскресенье Адвента, названное так по псалму «*Gaudete in Domino semper*», который поется в этот день в католической церкви.

Переход в православие из другой христианской конфессии подразумевает отказ от ставших родными адресату традиций, что может оказаться для него болезненным. Авторы листовок для конвертитов пытаются адаптировать их представления, полученные в лоне исходной Церкви, к новым для них обычаям, правилам поведения. Например, им предлагается выставлять Рождественский венок (*Adventskranz*) во время православного Рождественского поста так же, как это делается и во время западно-христианского Адвента (*Adventszeit*). Различие заключается лишь в числе свечей:

¹ Канун Рождества.

² Традиционное блюдо из риса или зерен пшеницы, подаваемое в сочельник.

³ Адвент – четыре недели до Рождества, когда западные христиане готовятся к празднику.

⁴ „Dem Advent, als Zeit des Übergangs und der Umkehr, ist sowohl in der katholischen als auch in der evangelischen Kirche die liturgische Farbe Violett zugeordnet“. Gemeindebrief Dezember 2021, Orthodoxe Kirchengemeinden Balingen und Albstadt.

в то время как у католиков и протестантов Адвент длится четыре недели и на венке стоят четыре свечи (чтобы зажигать по одной в каждое воскресенье поста), православный пост длится шесть недель, и соответственно на венке ставят шесть свечей.

АРГУМЕНТАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Цель данной стратегии – убедить адресата в истинности православной веры. Автор использует следующие тактики:

- 1) тактика обращения к Святому Писанию и Святому Преданию;
- 2) историко-фактологическая тактика.

Тактика обращения к Святому Писанию и Святому Преданию. Данная тактика реализуется с помощью использования цитат из Нового и Ветхого Завета, отсылок к притчам и творениям святых отцов – это традиционная тактика христианского дискурса. Например, для подтверждения необходимости молитвы адресант обращается к Евангелию от Матфея:

Gebet macht den Menschen wachsam: „Wacht und betet, damit ihr nicht in Versuchung kommt! Der Geist ist zwar willig, das Fleisch aber schwach“ (Mt. 26:41)⁵.

Данная тактика применяется в одной из листовок, которая называется «Frohe Ostern» («Радостной Пасхи») oder «Christus ist auferstanden» («Христос воскрес»). Речь идет о формуле поздравления верующих с праздником Воскресения Христова. Этот вопрос актуален для православного адресата, особенно конвертита, ведь он живет в западно-христианском мире, где для поздравления верующих с Пасхой повсеместно используется первый вариант, в то время как в своей православной среде (в церкви, семье) звучит только второй. Автор листовки приводит несколько цитат из Нового Завета, где звучат слова «*Er ist auferstanden*», ставшие впоследствии православной формулой поздравления, например: *Er ist nicht mehr hier. Er ist auferstanden!* (Lukas 24:6) и *Der Herr ist tatsächlich auferstanden!* (Lukas 24:34), что подтверждает правильность этой формулы и ее предпочтительность для православных.

Историко-фактологическая тактика. Адресанты в качестве аргументов используют примеры из истории западных стран. Например, в листовке, посвященной Благовещению (*Maria Verkündigung*), автор цитирует слова ангела из Евангелия:

Seiner Herrschaft wird kein Ende sein. –
И царству Его не будет конца (Лк. 1, 33).

⁵ Мф. 26, 41.

Одновременно автор приводит исторический факт долгого правления австрийского императора Франца Иосифа (68 лет), которое, несмотря на феноменальную продолжительность, закончилось развалом империи.

Wo hat es je einen Herrscher gegeben, dessen Herrschaft nie geendet hätte? Vielleicht hatten manche Österreicher den Eindruck von Kaiser Franz Joseph. Doch auch er starb 1916 in Wien nach 68 Regierungsjahren, und wenig später war sein Vielvölkerimperium nur noch ein Schutthaufen der Geschichte¹.

Применяемая автором параллель между земным (тленным) и вечным (божественным) усиливается благодаря риторическому вопросу, побуждающему адресата к благочестивому размышлению.

В листовках для мигрантов часто используется фактологический материал из современной истории. Так, в листовках Антиохийской церкви часто звучит тема преследования в настоящее христиан на Ближнем Востоке:

Auch in unseren Heimatländern im Orient müssen wir Verfolgung und Unterdrückung erleiden.

СТРАТЕГИЯ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Стратегия укрепления национального самосознания используется в листовках, адресатом которых являются эмигранты. Ее целью является сохранение адресатом связи с родной страной, своей этнокультурной идентичности. Данная стратегия реализуется посредством *тактики утверждения необходимости воспитания национального самосознания и тактики поддержания чувства ностальгии*.

Тактика утверждения необходимости воспитания национального самосознания призвана побудить адресата сохранить связь с родной культурой. Например, автор листовки, которая называется «Antiochia. Unsere Geschichte und unsere Herkunft» («Антиохия. Наша история и наше происхождение») ставит вопросы об этнических корнях человека, которыми однажды задается каждый:

„Woher komme ich? Was habe ich für eine Nationalität? Was macht unsere Kultur aus?“

Данная листовка призвана ответить на эти вопросы в надежде на то, что читатель станет чувствовать себя увереннее:

¹ Франц Иосиф I (Franz Joseph) Габсбург (1830–1916) – австрийский император.

Diese #LikeOrthodox-Ausgabe geht auf unsere Herkunft ein, in der Hoffnung, dass wir mit diesem Hintergrund selbstsicherer werden und weniger Schwierigkeiten damit haben, diese Frage nach unserer Herkunft oder Nationalität zu beantworten.

Автор использует местоимения *wir* и *unsere* для усиления чувства единства и для большей убедительности вводит в текст оценочные высказывания. Словосочетание *unsere Herkunft* повторяется неоднократно, тем самым адресант подчеркивает важность данного вопроса для каждого, особенно оказавшегося в чужой стране.

Diese Ausgabe handelt von der Geschichte des Landes, aus dem der Großteil kommt. Das ist sehr schön und wichtig.

Автор подчеркивает важность изучения истории родной страны с помощью оценочных прилагательных – *schön, wichtig*. В конце концов, адресант приходит к выводу, что культура Антиохии носит отпечаток разных национальных культур – *sehr viele Völker und Kulturen haben unsere Herkunft geprägt, ... viele Kulturen haben uns durchlaufen* – и предлагает поразмыслить над вопросом о собственной идентичности на следующей встрече прихожан.

Тактика поддержания чувства ностальгии используется для поддержания теплых чувств к родной стране и сохранения связи с ней. Так, часто в листовках приводятся примеры из жизни родственников, живущих за рубежом. При этом широко используются топонимы, например: *in Syrien, im Libanon oder in der Türkei* – реалии родной страны, а также лексемы, выражающие теплые чувства к родственникам: *küssen, Liebe, Zuneigung*, лексемы группы «семья». Особое значение приобретают фотоматериалы. Подчас данные материалы могут носить личностный характер. Например, смысл иконопочитания и почитания фотографий родных объясняется обращением к личности изображенного:

Wenn ich z. B. das Bild meiner Großmutter küsse, die tausende Kilometer entfernt in Syrien, im Libanon oder in der Türkei lebt, gilt meine Liebe und Zuneigung ja nicht dem Fotopapier, sondern meiner geliebten Großmutter.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, просветительская листовка является наиболее мобильным и популярным жанром немецкоязычного православного дискурса,

в котором представлены различные стратегии и тактики. Часть стратегий (катехизаторская, объединяющая, аргументативная) предназначена для всех целевых групп, но часть стратегий и тактик характерна для листовок с более узкой аудиторией. Так, в листовках, где целевая группа – немцы-конвертиты, часто используется тактика описания традиций различных православных культур и тактика описания западно-христианских традиций, что связано с процессом формирования у них новой религиозной идентичности, сопровождаемой открытостью к православному миру

(немцы-конвертиты нередко принадлежат различным православным патриархатам) и сохранением связи с западно-христианскими конфессиями. В листовках же, которые обращены к мигрантам (прежде всего из стран Востока), представлена стратегия укрепления национального самосознания, нацеленная на сохранение у православных христиан своей этнокультурной идентичности.

Несмотря на описанные выше различия, все листовки в рамках НПД призваны просветить читателя в вопросах православного вероучения и укрепить его на пути веры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Плисов Е. В. Немецкий религиозный язык в условиях поликонфессиональности: опыт лексикографического и дискурсивного описания: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2017.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Волгоград: Перемена, 2007.
4. Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты: монография. М.: Издательство Московского государственного лингвистического университета, 2019.
5. Анисимова Е. Е. Об аспектах изучения религиозного дискурса в отечественной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 71–84.
6. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
7. Балашова Е. Ю. Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016.
8. Плисов Е. В. Феноменология современного немецкоязычного религиозного дискурса: теоллингвистический анализ. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2022.
9. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 5–64.
10. Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта миграция // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019, С. 65–112.
11. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX–XV веков. М.: Наука, 1983.
12. Анисимова Е. Е. Коммуникативно-прагматические нормы немецких апеллятивных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Jazykovoj krug: ličnostj, koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Plisov, J. V. (2017). Nemeckij religioznyj jazyk v kontexte polikofessionalnosti: opyt leksikografičeskogo i diskursivnogo opisanija = German religious language in the context of polyconfessional: the experience of lexicographic and discursive description: Senior Doctoral thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
3. Bobyrev, J. V. (2007). Religioznyj diskurs: cennosti, žanry, jazykovye charakteristiki = Religious discourse: values, genres, language characteristics. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
4. Anisimova, E. E. (2019). Religioznyj diskurs: funkcionalnyj i antropologičeskij aspekty = Religious discourse: functional and anthropological aspects. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
5. Anisimova, E. E. (2021). On aspects of studying religious discourse in domestic linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 71–84. (In Russ.)

6. Bugajeva, I. V. (2010). Jazyk pravoslavnoj sfery: sovremennoje sostojanije, tendencii razvitija = The language of the Orthodox sphere: the current state, development trends: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Balašova, E. J. (2016). Rolj teleonomnykh konceptualnykh polej v organizacii religioznogo diskursa = The role of teleonomic conceptual fields in the organization of religious discourse: Senior Doctoral thesis in Philology. Saratov. (In Russ.)
8. Plisov, J. V. (2022). Fenomenologija sovremennogo nemeckojazyčnogo religioznogo diskursa: teolingvističeskij analiz = Phenomenology of modern German-language religious discourse: theolinguistic analysis. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. (In Russ.)
9. Shustova, S. V., Isaeva, E. V. (2019). Migration linguistics: formation and development. In Migration linguistics in the modern scientific paradigm (pp. 5–64). Perm: Perm State National Research University. (In Russ.)
10. Zubareva, E. O. (2019). Linguistic representation of the concept of migration. In Migration linguistics in the modern scientific paradigm (pp. 65–112). Perm: Perm State National Research University. (In Russ.)
11. Guchman, M. M., Semenjuk, N. N. (1983). Istorija nemeckogo literaturnogo jazyka IX–XV vekov = History of the German literary language of the 9th–15th centuries. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Anisimova, E. E. (1994). Kommunikativno-pragmatičeskije normy nemeckich apelljativnykh textov = Communicative and pragmatic norms of German appellative texts : Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милеева Ольга Александровна

преподаватель кафедры иностранных языков богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
соискатель на кафедре грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mileeva Olga Aleksandrovna

Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Theology
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
External PhD Student at the Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	27.03.2023	accepted for publication

«Пушкинское слово» в американском романе: «Золотые ворота» В. Сета

Н. М. Нестерова¹, О. В. Соболева²

^{1,2}Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹nest-nat@yandex.ru

²olga.v.soboleva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роман индийского писателя Викрама Сета «Золотые ворота», написанный под влиянием английского перевода пушкинского романа «Евгений Онегин». Целью исследования является выявление связавших русский текст и текст В. Сета интертекстуальных элементов, которые опосредованно (через англоязычный перевод) проникли в американский роман, а затем и в его перевод на русский язык. Используемый в исследовании метод интертекстуального анализа позволяет выявить межтекстовую связь четырех произведений, образующих своего рода «онегинское пространство», в котором отражается связь времен и культур.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные элементы, перевод, «Евгений Онегин», «онегинское пространство»

Для цитирования: Нестерова Н. М., Соболева О. В. «Пушкинское слово» в американском романе: «Золотые ворота» В. Сета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 77–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77

Original article

“Pushkin’s Word” in the American Novel: “Golden Gate” by V. Seth

Natalia M. Nesterova¹, Olga V. Soboleva²

^{1,2}Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

¹nest-nat@yandex.ru

²olga.v.soboleva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the American novel “Golden Gate” written by V. Seth influenced by the English translation of Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. The problem of the research is to identify the intertextual elements that connected the Russian and American texts and then penetrated the latter one through the English translation and then into the Russian translation of the American novel. The method of intertextual analysis used in the study revealed the intertextual connection of the four texts forming, according to the authors of the article, a kind of “Onegin space”, which reflects the connection of centuries and cultures.

Keywords: intertextuality, intertextual elements, translation, “Eugene Onegin”, “Onegin’s space”

For citation: Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2023). “Pushkin’s word” in the American novel: “Golden gate” by V. Seth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 77–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77

И вот чужое слово проступает...
А. Ахматова

ВВЕДЕНИЕ: «ОНЕГИН НА ЧУЖБИНЕ»

Непереводимость пушкинского «Евгения Онегина» хорошо известна и не раз описана как в русской, так и в западной пушкинистике. В отечественной литературной критике широко известна негативная оценка, данная К. И. Чуковским переводам романа «Евгений Онегин» на английский язык в его знаменитой статье «Онегин на чужбине». Он практически выносит приговор всем англоязычным переводам, имеющимся на момент написания его работы: «Что сказать об английских переводах “Евгения Онегина”? Читаешь их и с болью следишь, из страницы в страницу, как гениально лаконическую, непревзойденную по своей дивной музыкальности речь одного из величайших мастеров этой русской речи переводчики всевозможными способами превращают в дешевый набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз» [Чуковский, 2008, с. 384].

После выхода критической работы Чуковского прошло уже не одно десятилетие, и количество переводов пушкинского «непереводимого» текста значительно увеличилось. Наиболее известны и признаны лучшими переводы Чарльза Джонстона (1977), Джеймса Э. Фалена (1990), Стэнли Митчелла (2008). Однако и эти признанные переводчики считают, что передать пушкинскую «дивную музыкальную речь» практически невозможно. Так, Чарльз Джонстон пишет не без горечи:

Few foreign masterpieces can have suffered more than Eugene Onegin from the English **translator's failure** to convey anything more than – at best – the literal meaning. It is as if **a sound-proof wall** separated Pushkin's poetic novel from the English-reading world¹.

Вот эта *sound-proof wall* (звуконепроницаемая стена) и не дает гениальному творению Пушкина стать одним из самых читаемых в мире.

Джеймс Фален в предисловии к переводу пушкинского романа также отмечает *modest reputation* величайшего нашего поэта за пределами русскоязычного мира². Об определенной «неизвестности»

Пушкина свидетельствует и еще один переводчик, Д. Хофштадтер:

When, some time in my dim past, I first heard the “Eugene Onegin”, it was as the title of a Tchaikovsky opera. The *name “Alexander Pushkin” was nowhere in sight, nor was the idea of poetry*³.

Судьба «Онегина на чужбине» оказалась парадоксальной. С одной стороны, пушкинский текст остается не очень читаемым, хотя число его англоязычных переводов постоянно растет: только в XXI веке появилось уже больше десяти переводов (а общее их количество достигло сорока!). С другой стороны, во всех мировых театрах звучит опера П. И. Чайковского, благодаря которой оним «Евгений Онегин» хорошо известен публике, но при этом не связан с именем Пушкина. Балетный мир любит балеты «Онегин» (Джон Кранко, 1965), «Татьяна» (Джон Ноймайер, 2014), в кинемире хорошо известен англо-американский фильм «Онегин» (режиссер Марта Файнс, 1999), получивший несколько престижных наград. Все они созданы по мотивам пушкинского текста и представляют тот вид интерпретации, который Р. Якобсон определил как «межсемиотический перевод». Появляются и литературные «онегинские» тексты, которые можно отнести к направлению, названному Ж. Женеттом «the literature in the second degree» [Женетт, 1982]. Так, в 2016 году во Франции увидел свет текст Клементины Бове «Songe a la douceur» (в русском переводе «Ужель та самая Татьяна?», 2019), в котором герои носят пушкинские имена, но живут в современном Париже. Начало этого произведения, жанр которого обозначен автором как «Фантазия по мотивам романа Александра Пушкина “Евгений Онегин” (1833) и оперы Петра Чайковского “Евгений Онегин” (1879)», в русском переводе Дмитрия Савосина звучит так:

Сия история, читатель, не нова

...

Теперь другие надобны слова,
Чтоб выяснить – кто виноват?
Онегин ли? Татьяна виновата?
О, да – герои моего романа –
Те самые, Онегин и Татьяна⁴

В Америке также появляются «онегинские» тексты: в 1991 году выходит произведение представительницы так называемых «языковых

¹ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. Everyman's Library Pocket Poets. A. A. Knoff. New York – London – Toronto, 1999. P. 6. Зд. и далее при цитировании выделено нами. – Н. Н., О. С.

² Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse / Translated with an introduction and notes by J. E. Falen. Oxford University Press, 1995.

³ Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in verse / A Novel Versification by D. Hofstadter. Basic Books. A Member of the Perseus Books Group. 1999. P. 9.

⁴ Бове К. Ужель та самая Татьяна? М.: Самокат, 2019. С. 7.

авторов» Лин Хеджинян (Lyn Hejirian), навеянное пушкинским текстом и впечатлениями от постсоветской России, которую писательница увидела, приезжая в нашу страну. Этот своеобразный текст носит русско-английское название «Oxota: A Short Russian Novel».

Все названные выше прочтения пушкинского текста (включая и традиционные переводы) связаны со своим литературным первоисточником многоразличными путями. Таким образом, создается интертекстуальное пространство «Евгения Онегина», в котором актуализируется неисчерпаемый смысл пушкинского текста. Интертекстуальное поле пушкинского «Онегина» включает в себя и англоязычный текст Викрама Сета «Golden Gate» (1986), названный критиками «Евгением Онегиным из Сан-Франциско». Этот текст и является предметом данного небольшого исследования.

ТЕКСТ vs ИНТЕРТЕКСТ

Как известно, благодаря теоретикам постмодернизма (Ю. Кристевой, Р. Барту, Ж. Деррида, М. Риффатеру, Ж. Женетту и др.), их представлению о механизмах текстопорождения, появления новых текстов, интертекстуальность стала одним из ключевых понятий современных гуманитарных наук: философии, теории культуры, теории текста. И вполне закономерно, что на смену понятию «текст» пришло понятие «интертекст», введенное в теорию литературы Ю. Кристевой (1969). Слова семиотика и литературоведа Шарля Гривеля «нет текста, кроме интертекста» можно считать аксиомой [Гривель, 1994]. Другими словами, текст как четко выявляемая автономная данность уходит в прошлое, поскольку практически любой текст по сути своей является интертекстом и в определенной степени текстом вторичным. Он возникает как своего рода отклик на другой текст (тексты). Наше мышление цитатно в силу того, что мы все находимся, как пишет Г. В. Косиков, «в окружении чужих дискурсов», и потому «по самой своей природе любой текст одновременно является и произведением, и *интертекстом*» [Косиков, 2000, с. 36–37]. Это значит, что смысловая полнота текста создается не только его референциальностью, но и не в меньшей степени его соотносительностью с другими текстами. Это справедливо не только по отношению к современной литературе: интертекстуальность существовала всегда, и пушкинский «Евгений Онегин» представляет собой классический интертекст. Различие «старой» интертекстуальности, существовавшей всегда, и «новой», возникшей в современной литературе, заключается в том, что

первая – это совокупность цитат и литературных аллюзий, а последняя – это осознанный авторский выбор, писательская техника, направленная на то, чтобы следы других текстов в новом порождаемом тексте были очевидны, особенно в тех случаях, когда автор использует какой-то конкретный текст как претекст. Очевидно, что претекст можно использовать по-разному: его можно «завышать» или «занижать», даже пародировать. Это зависит от авторского замысла, в соответствии с которым производитель связного текста становится уже не «переписчиком», но Автором. Таким Автором и является Викрам Сет, выбравший в качестве «исходного» текста гениальное творение Пушкина. В Америке труд Сета вызвал большой интерес и был высоко оценен критиками. Так, «Золотые ворота» были названы «великим калифорнийским романом», который вернул в литературу рифму [Lehman, 1986, с. 75].

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА»: МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ

Вряд ли справедливо утверждать, что имя Викрама Сета хорошо известно читающей России. Немного информации о нем и в русскоязычном интернете. Так, в короткой статье в Википедии сообщается только то, что Викрам Сет индийский писатель, поэт, новеллист, либреттист, переводчик. Можно найти перечень его книг и фильмов, получивших не одну премию, но этим информация исчерпывается.

В нашей стране о Сете заговорили в связи с публикацией в 2018 году русскоязычного перевода его «пушкинского» романа «Золотые ворота», написанного онегинской строфой. Переводчик, совершивший этот самый сложный перевод, Андрей Олеар, представил книгу на V Международном конгрессе переводчиков в Москве в сентябре 2018 года. На презентации издания присутствовал сам автор, а также Екатерина Марголис, оформившая эту великолепную двуязычную книгу. После этой встречи автор и переводчик привезли книгу в Пушкинский музей-заповедник Михайловское, символизируя тем самым генетическую связь американского «Онегина» с его русскими корнями.

На той же встрече в Москве Викрам Сет рассказал историю создания этого текста, его слова мы уже приводили в своей предыдущей статье [Нестерова, Соболева, 2020].

Главным в его решении поменять свою карьеру исследователя-социолога на писательскую было неожиданное знакомство с англоязычным переводом пушкинского текста, автором которого был Чарльз

Джонстон. Молодого аспиранта потряс роман в стихах, и ему страстно захотелось «поговорить» онегинской строфой (дословное выражение Сета). В своем посвящении Кате Марголис «В маленьком садике в Венеции» Сет напишет о Пушкине:

Он – все те, кто знает его наизусть,
Он – это я, кто, пусть и не в силах читать на его языке,
чувствует сердцем каждое слово.
И меня бы не было здесь, если б не Пушкин.
Он дал мне меня.

Пер. А. Олеара¹

Так что же дал Пушкин индийскому автору, выпускнику Оксфорда, аспиранту Стэнфордского университета, ставшему автором американского «Онегина»? Что получил его «Онегин» от пушкинского? Как эта связь преломилась в переводах Ч. Джонстона и А. Олеара? Исчерпывающие ответы на эти вопросы требуют глубокого анализа, другого странного объема и другого формата исследования. В данной статье мы попытаемся лишь частично ответить на сформулированные вопросы, отмечая при этом, что некоторые из них уже ставились и решались в работах исследователей [Солодовникова, 2005; Бутенина, 2017; Ronomoreva, 2016].

Совершенно очевидно, что тексты Пушкина и Сета объединены интертекстуальными элементами различных типов. На наш взгляд, наиболее очевидными являются следующие: **интертекстуальность** как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.) и **архитекстуальность**, вслед за Ж. Женеттом понимаемая как жанровая связь текстов [Женетт, 1982].

Архитекстуальность заявлена самим автором: «Золотые ворота» – это прежде всего роман в стихах, написанный онегинской строфой (четырёхстопным ямбом с той же рифмовкой). К архитектекстуальности можно отнести и выбор героев. У Сета, как и у Пушкина, четыре основных персонажа. Сет выводит на повествовательную сцену представителей молодой интеллектуальной элиты Америки 1980-х годов, живущих в Сан-Франциско – в месте, где расположен Стэнфордский университет (аспирантом которого был В. Сет), в городе, который считается крупнейшим технологическим центром, известным как Кремниевая долина. Само название «Золотые ворота» отсылает нас к данному локусу, и действие романа начинается именно на аллее знаменитого Golden Gate Park. Американский Онегин живет и работает там. Архитекстуальная связь двух текстов очевидна и, несомненно,

представляет интерес в аспекте жанровых параллелей и сюжетных пересечений.

Однако на данном этапе работы мы решили остановиться на анализе интертекстуальных элементов; они присутствуют как в тексте Сета, так и в его переводе на русский язык. Материалом для исследования послужили четыре текста: «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (далее А. П.), «Eugene Onegin» в переводе Ч. Джонстона (далее Ч. Д.), «Golden Gate» В. Сета (далее В. С.) и «Золотые ворота» в переводе А. Олеара (далее А. О.).

Известно, что наиболее распространенными интертекстуальными знаковыми единицами являются цитаты и аллюзии, которые используются автором как с атрибуцией, так и без нее. В нашем случае доминируют последние (без атрибуции), но читателю, хорошо знакомому с пушкинским текстом и читающему в оригинале текст Сета, они очевидны.

Начнем анализ с известного пушкинского посвящения. У Сета оно тоже присутствует, однако обращено авторское посвящение не к другу, а к России, которой он, наконец, благодаря воле Зевса, «возвращает дар». Пушкинские «следы» в тексте Сета, взятые из перевода Джонстона, очевидны. Однако они заимствованы не только из текста посвящения, но и из других частей произведения (*волею Зевеса, О, Русь*). Приведем фрагменты всех четырех вариантов посвящения:

Евгений Онегин (А. П.)

Но так и быть – рукою пристрастной
Прими собрание **пестрых глав**,
Полумешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет².

Eugene Onegin (Ч. Д.)

But, as it is, this pied collection
begs your indulgence – it's been spun
from threads both **sad and humoristic**,
themes popular or idealistic,
products of carefree hours, of fun,
of **sleeplessness, faint inspirations**,
of powers unripe, or on the wane,
of reason's icy intimations,
and records of a heart in pain³.

¹ Seth Vikram = Сет, Викрам. The Golden Gate = Золотые Ворота [пер. с англ. А. Олеара, ил. Е. Марголис, посл. А. Олеара и Е. Марголис]. М.: Центр книги Рудомино, 2018. С. 661.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. 5. С. 7.

³ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 11.

Golden Gate (B. C.)

Exitement, *sorrow, love and wit*.
Yet now, another's words and passion
Out of that light, that *second land*
Let me, at least at *second hand*
Even if in so sly a fashion,
At long last (*by the will of Zeus*)
Return this gift to you, *o Rus!*¹

Золотые ворота (A. O.)

Лукавство *остроумных фраз...*
Есть в строчках те же жизнь и муки,
А с ними жар Того Огня!
Раскусят, думаю, меня
Уже и чрез другие руки
Вернуть твой дивный дар берусь
(Сам Зевс велел) тебе, о Русь!²

Отметим, что текст переводчика отличается от текста Сета, из интертекстуальных элементов здесь сохранены *Зевс* и *о Русь*. Это своего рода интерпретация, основанная на знании обстоятельств, которые побудили В. Сета создать собственный роман в стихах. В данном случае русский текст меньше отсылает и к претексту, сетовский вариант имеет больше общего с оригиналом, представленном в переводе Джонстона.

В первой главе Сет (как и Пушкин) знакомит читателя со своим героем. Они невероятно похожи, эти русский и американский Онегины (имя последнего – Джон Браун). Об их сходстве (внешнем и внутреннем) мы уже писали в своей предыдущей работе (см. [Нестерова, Соболева, 2020]).

Знакомясь с героем «Золотых ворот», понимаешь, что автор почти буквально следует пушкинской формуле описания героя. Попробуем проследить ее реализацию в тексте В. Сета. Мы выделили несколько ключевых микротем в процессе знакомства читателя с героем: это первое появление героя и его представление читателю; внешний облик и общая характеристика героя; его занятия и интересы; оценка героя окружающими и его внутреннее состояние. Ниже сопоставим фрагменты четырех текстов, имеющие отношение к этим микротемам.

1. Первое появление героя и его представление читателю

А. П.

Так *думал молодой повеса*
Летя в пыли на почтовых.

¹ Seth V. Op. cit. 2018. С. 6.

² Там же. С. 7.

Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомить вас.
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы³

Ч. Д.

Such were *a young rake's meditations*
by will of Zeus, the high and just,
the legatee of his relations –
as *horses whirled him through the dust.*
Friends of my Ruslan and Lyudmila,
without preliminary feeler
let me acquaint you on the nail
with this the hero of my tale:
Onegin, my good friend, was littered
and bred upon the Neva's brink⁴

В. С.

To make a start more swift than weighty,
Hail Muse. *Dear Reader, once upon*
A time, say circa 1980,
There lived a man. His name was John.
Successful in his field though only
Twenty six, respected, lonely.
One evening as he walked across
Golden Gate Park⁵

А. О.

О, как роман начать приятно
так: «Здравствуй Муза! Некто Джон
жил был себе в восьмидесятых.
Героем нашим станет он.
Джон – в двадцать шесть – в ряду
немногих
успешных; ныне одинокий,
о чем-то думая, идет
аллеей «Золотых Ворот»⁶

Итак, оба автора с первых строк без лишних слов и предисловий знакомят читателя со своими героями, сообщают первые сведения о них. Оба в момент представления читателю находятся в пути: русский Онегин «летит в пыли на почтовых», американский идет по аллее знаменитого парка в Сан-Франциско.

³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 9–10.

⁴ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 14.

⁵ Seth V. Op. cit. 2018. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

2. Внешний облик и общая характеристика героя

А. П.

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен *по последней моде*;
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он *умен и очень мил*.¹

Ч. Д.

Eugene was free, and *as a dresser
made London's dandy his professor.*
His hair was fashionably curled,
and now at last he saw the World.
In French Onegin had perfected
proficiency to speak and write,
in the mazurka he was light,
his bow was wholly unaffected.
The World found this enough to treat
Eugene as *clever, and quite sweet*.²

В. С.

John's looks are good. His dress is formal.
His voice is low. His mind is sound.
His appetite for work's abnormal.
A plastic name tag hangs around
His collar like a votive necklace.³

А. О.

Джон смотрится отменно в строгом.
Глубокий голос. Горд. Умен.
Есть силы вкалывать помногу,
и пластиковый медальон –
как будто дал обет – на шее.⁴

Итак, оба героя прекрасно выглядят, но если пушкинский Онегин «легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно», а также «по-французски в совершенстве мог изъясняться и писать», то его двойник умен, много и серьезно работает, будучи одним из ведущих специалистов Кремниевой долины. Такое различие закономерно: сменилась эпоха.

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 10–11.

² Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 15.

³ Seth V. Op. cit. C. 14.

⁴ Там же. С. 15.

3. Занятия и интересы

А. П.

Но в чем он истинный был *гений*,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, –
Была *наука страсти нежной*,
Которую воспел Назон.⁵

Ч. Д.

the art *he'd studied best of all*,
his young heyday's supreme employment,
its work, its torture, its enjoyment,
what occupied his chafing powers
throughout the boredom of the hours –
this was *the science of that passion*
which Ovid sang.⁶

В. С.

He tuned is *thoughts to electronic
Circuitry*. This soothed his mind.
He left irregular (moronic)
Sentimentality behind.
He thought of or-gates and of and-gates,
Of ROMs, of nor-gates, and of hand-gates,
Of nanoseconds, megabytes,
And bits and nibbles.⁷

А. О.

*По микромира коридорам
блуждает мысль* (а с нею Джон):
«Оставить мир, любой в котором –
песчинка, жалок и смешон.
Ведь человек, понять нетрудно,
лишь килобайт, наносекунда
в Программе. Микс из цифр и букв
есть наша жизнь...»⁸

4. Оценка героя окружающими

А. П.

Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но *педант*.⁹

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 11–12.

⁶ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 17.

⁷ Seth V. Op. cit. C. 14.

⁸ Там же, С. 15.

⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 11.

Ч. Д.
Onegin was assessed by many
(critical judges, strict as any)
as **well-read**, though **of pedant cast**.¹

В. С.
Friends claim he's grown **aloof and prim**.
His boss, though, is well-pleased with him².

А. О.
Друзья твердят: «**Педант!** Вопрос
один: что в нем находит босс?»³

5. Внутреннее состояние героя

А. П.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
...
Нет: рано чувства в нем остыли;
...
Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: **русская хандра**
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.⁴

Ч. Д.
But was it happy, his employment,
his freedom, in his youth's first flower,
...
No, early on his heart was cooling
...
The illness with which he'd been smitten
should have been analysed when caught,
something like spleen, that scourge of
Britain,
or **Russia's chondria, for short;**
it mastered him in slow gradation,
thank God, he had no inclination
to blow his brains out, but in stead
to life grew colder than the dead.⁵

В. С.
I'm young, employed, healthy, ambitious

Sound, solvent, self-made, self-possessed.
But all my symptoms are pernicious.
The Dow-Jones of my heart's **depressed**.
The sunflower of my youth is wilting.
The tower of my dreams is tilting.
The zoom lens of my zest is blurred.
The drama of my life's absurd.
What is the root of my neurosis?

...
I die! I faint! I fail! I sink!⁶

А. О.
Ведь занят, молод и успешен,
здоров, надежен, с головой
в порядке все, но это внешне,
внутри же – **будто сам не свой**.
Желаний Доу-Джонс в упадке,
подсолнух чувств лежит на грядке;
как в скверной оптике – мечты:
тусклы, размыты и пусты.
В чем корень этого невроза?
...
Тону. Спаси же, брось мне круг!⁷

Как мы видим, оба героя в свои двадцать шесть лет разочарованы в жизни, оба находятся в подавленном состоянии. Если Пушкин сам описывает настроение героя, то Сет использует прием эмоционального монолога, мольбы о помощи, которую герой обращает к подруге юности. Совет, который ему был дан (*You need a lover, John / Влюбиться надо, милый друг, – в ту, с коей не было бы скучно*⁸), вполне соответствует духу пушкинского текста. Оба героя следуют этому совету: влюбляются, переживают большую страсть, и обоих авторы оставляют, по словам Пушкина, «в минуту злую». Финалы обоих романов остаются открытыми.

Можно безгранично сравнивать четыре текста в поисках их причудливых интертекстуальных переплетений, образующих некое единое «онегинское» пространство. Представленный в данной работе анализ – это только начало исследования, которое будет продолжено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый нами анализ «онегинского пространства», образованного четырьмя текстами на двух языках, позволяет увидеть то, что классик мирового переводоведения Иржи Левый называл «межкультурной транслируемостью». Как известно,

¹ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 15.

² Seth V. Op. cit. C. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 25–26.

⁵ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 29–30.

⁶ Seth V. Op. cit. C. 34.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Перевод А. Олеара.

И. Левый образно представлял мировую культуру в виде сообщающихся сосудов, наполненных разными жидкостями, переливающимися из одного сосуда в другой. Такой процесс ведет к изменению каждой «принимающей» жидкости и, в конечном итоге, к ее гомонизации и усложнению [Левый,

1974]. Рассматриваемые четыре текста ярко демонстрируют эту межязыковую транслируемость, эффект вливания «новой жидкости» в сосуды двух культур: сначала американской, а затем, после перевода «Золотых ворот» на русский язык, и русской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Высокое искусство. Живой как жизнь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 384–410.
2. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Наука, 1982.
3. Гривель Ш. Шарль Гривель – опыт, теория. М.: Научная литература, 1994.
4. Косиков Г. К. «Структура» или «Текст» (Стратегия современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.
5. Lehman D. A Sonnet to San Francisco // Newsweek. 1986. April, 14. Vol. 107. № 15. P. 74–75.
6. Нестерова Н.М., Соболева О.В. «Евгений Онегин» А. Пушкина в зеркале «Золотых ворот» В. Сета, или два Онегина // Цивилизация знаний: российские реалии: сборник трудов XXI Международной научной конференции (10–11 апреля 2020 года, город Москва). Киров: Издательство МЦИТО, 2020. С. 396–400.
7. Солодовникова Д.Н. Онегинские строфы Викрама Сета. 2005. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31375/1/qrgf_2005_18.pdf.
8. Бутенина Е. М. Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 158–172.
9. Ponomoreva A. Vikram Seth's Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin // Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture / T. Seruya, J. M. Justo (eds.). Berlin: Springer, 2016. P. 219–232.
10. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.

REFERENCES

1. Chukovsky, K. I. (2008). Onegin na chuzhbine = Onegin in a foreign land. In *Sobranie sochinenij* (vol. 3: Vysokoe iskusstvo. Zhivoj kak zhizn', pp. 384–410): in 5 vols. Moscow: TERRA – Knizhnyj klub. (In Russ.)
2. Genette, G. (1982). *Palimpsest: Literature in the Second Degree*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Grivel, Ch. (1994). Charles Grivel – experience, theory. Moscow: Nauchnaya literatura. (In Russ.)
4. Kosikov, G. K. (2000). «Struktura» ili «Tekst» (Strategiya sovremennoj semiotiki). In *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* (pp. 3–48). Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Lehman, D. (1986, 14 April). A Sonnet to San Francisco. *Newsweek*, 107(15), 74–75.
6. Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2020). "Eugene Onegin" by A. Pushkin reflected in "The colden gate" by V. Seth, or two Onegins". *Civilizacija znaniy: rossijskie realii: collection of works of XXI International scientific conference* (10–11 April, 2020, Moscow). Kirov: Izdatel'stvo MCITO. (In Russ.)
7. Solodovnikova, D. N. (2005). Onegin's stanzas of Vikram Seth. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31375/1/qrgf_2005_18.pdf. (In Russ.)
8. Butenina, E. M. (2017). Eugene Onegin's transcultural code in the American novel in verse. *Tomsk State University Journal of Philology*, 48, 158–172. (In Russ.)
9. Ponomoreva, A. (2016). Vikram Seth's Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin. In Seruya, T., Justo, J. M. (eds.), *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture* (pp. 219–232). Berlin: Springer.
10. Levy, I. (1974). *Iskusstvo perevoda = The Art of Translation*. Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Наталья Михайловна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

Соболева Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nesterova Natalia Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Soboleva Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	28.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	20.03.2023	
	27.03.2023	

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_86

Интерпретация текста как основа формирования эвокативности

А. А. Овсянникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
oassol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия интерпретации, понимания и эвокативности, являющиеся ключевыми для анализа театрального и кинодискурса. Интерпретация выступает в творческой деятельности одновременно и как одно из необходимых условий возникновения эвокативности, и как когнитивный механизм формирования эвокативности в театральной и кинопостановке. Автор уделяет особое внимание соотношению феномена эвокативности и переживания, эвокативности и сверхзадачи, а также подробно анализирует типы, уровни и этапы интерпретации.

Ключевые слова: интерпретация, эвокативность, понимание, сверхзадача, когнитивная деятельность, театральный дискурс, кинодискурс

Для цитирования: Овсянникова А. А. Интерпретация текста как основа формирования эвокативности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873). С. 86–93. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_86

Original article

Interpretation of the Text as the Basis for the Formation of Evocativeness

Assol A. Ovsyannikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
oassol@mail.ru

Abstract. The article discusses the concepts of interpretation, understanding and evocativeness, which are key to the analysis of theatrical and film discourse. Interpretation acts in creative activity both as one of the necessary conditions and as a cognitive mechanism for the formation of evocativeness in theatrical and film productions. The author pays special attention to the correlation of the phenomenon of efficiency and experience, evocativeness and super-tasks, and also analyzes in detail the types, levels and stages of interpretation.

Keywords: interpretation, evocativeness, understanding, super-task, cognitive activity, theatrical discourse, film discourse

For citation: Ovsyannikova, A. A. (2023). Interpretation of the text as the basis for the formation of evocativeness. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 5(873), 86–93. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_86.

ВВЕДЕНИЕ

В нашем исследовании понятию интерпретации придается особое значение, поскольку оно выступает одним из необходимых условий формирования эвокативности в театральном и кинодискурсе. Ряд ученых использует латинский термин «эвокативность», который имеет несколько значений. Так, для нашего исследования релевантно одно из представленных в латинско-русском словаре значений, согласно которому *evoco* значит «вызывать, возбуждать; извлекать, вытягивать» [цит по: Беданоква З., Беданоква С., 2016, с. 40]. Этот термин мы рассматриваем в качестве феномена, способного вызывать у реципиента эмоциональную реакцию, обусловленную увиденным или услышанным.

Интерпретация служит:

- а) пониманию элементов спектакля или объективации текста, позволяющих распознать событие, которое лежит в основе транслируемого события;
- б) выходу театрального и киноэпизода за структурные рамки спектакля и / или фильма;
- в) расширению культурного горизонта зрителя;
- г) эмоционально-чувственной реакции зрителя на события, происходящие в объективной реальности.

Лингвистической сущностью интерпретации занимались многие лингвисты и ученые (В. З. Демьянков, А. Вежицкая, Т. Г. Винокур, М. В. Ляпон и др.). Для анализа феномена эвокативности с позиций интерпретации актуальными представляются те работы, в которых интерпретация рассматривается как вид когнитивной деятельности, основанной на глубоком прочтении и понимании текстового содержания. Именно по этой причине интерпретация может рассматриваться как механизм, лежащий в основе эвокативности в зрелищных жанрах, к которым относятся кино и театр.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭВОКАТИВНОСТИ

Т. А. Трипольская и И. П. Матханова относительно эвокативности рассматривают такие типы интерпретации, как 1) надывидуальную интерпретацию, связанную с особенностями национального языка, и индивидуальную, определяющуюся характеристиками языковой личности; 2) первичную и вторичную интерпретации, т. е. переосмысление, повторное обращение к событию или речевому

произведению; 3) полисубъектную и моносубъектную [Матханова, Трипольская, 2004].

Интерпретация представляет собой многогранный процесс, в значительной степени обусловленный спецификой конкретного языка, индивидуальными особенностями представителей той или иной культуры или целого социума. Существенную роль при этом играет глобальный контекст, содержащий отсылки к системе идей, мировоззрения и взглядов, существующих в конкретной лингвокультуре и за ее пределами.

Многие исследователи справедливо отмечают, что один и тот же текст интерпретируют «разные языковые личности» [Матханова, Трипольская, 2004, с. 14–16].

Основываясь на когнитивной системе человека, мы отмечаем тот факт, что восприятие информации и ее интеллектуальная обработка во многом зависят от экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на языковую личность. Иными словами, исходный текст может быть одинаковым для всех участников процесса интерпретации, однако глубина понимания и толкования могут различаться.

Соотношение понятий интерпретация и понимание также является предметом изучения в разных науках. Для нас релевантной является следующая дефиниция понимания.

Как пишет В. З. Демьянков, существует два типа когнитивных возможностей человека: так называемые «когнитивные задатки», т. е. «врожденные анатомо-физиологические особенности нервной системы, мозга, которые связаны с языковыми аспектами и составляют природную основу развития способностей», т. е. то, что заложено в человеке от рождения, и «когнитивные способности, связанные с тем, что реализовано, наблюдалось в тех или иных обстоятельствах – в общении, в решении интеллектуальных задач и т. п.» [Демьянков, 2019, с. 54–55].

В отличие от интерпретации понимание, согласно «Словарю логики», – это «универсальная операция мышления, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 270].

Напомним, что понимание и декодирование предложенных режиссером спектакля или фильма смыслов зависит от многих составляющих, которые, на первый взгляд, не являются существенными. Сегодня режиссеры редко ориентируются на узкоспециального зрителя, стремясь увеличить потенциальный круг ценителей кино. Выбирая тот или иной художественный прием, призванный воздействовать на зрителя, постановщики в большинстве

случаев ориентируются на средний уровень образования реципиента кинокартины. Однако мы не можем говорить об универсальных художественных приемах – костюмах и актерской пластике, работающих всегда и везде.

В рамках исследования, связанного с изучением феномена эвокативности в современном театральном дискурсе, нами был проведен эксперимент, в ходе которого мы выяснили, какие именно выразительные средства являются самыми информативными. Для исследования был использован видеофрагмент спектакля «Тевье-Тевель», поставленного Сергеем Данченко (1937–2001) в Национальном академическом драматическом театре им. Ивана Франко (Киев) по мотивам произведений Шолом-Алейхема (1859–1916) и Григория Горина (1940–2000). Главную роль Тевье сыграл народный артист Украины Богдан Ступка (1941–2012).

Просмотрев видеофрагмент, респонденты должны были ответить на ряд вопросов и определить те выразительные средства, которые, по их мнению, несут наибольшую смысловую нагрузку: мимика, жесты, позирование, интонация, костюмы, художественное и музыкальное оформление и т. д.

Эксперимент показал, что эвокативность в театре и кино для зрителя, в первую очередь, обеспечивается такими выразительными средствами, как художественное, музыкальное и речевое оформление спектакля или кинокартины, а также костюмами, пластикой, мимикой и т. д., при помощи которых постановщики создают художественные образы. И в этом ряду самыми информативными являются костюмы, предоставляющие информацию о социальном статусе героя (33 %), его характере (15 %), времени происходящих событий (8 %) и национальности (7 %), а наименее информативным оказался реквизит (52 % опрошенных не сочли его важным для интерпретации эпизода).

В свете вышесказанного возникает вопрос о роли интерпретации в ходе толкования происходящего на сцене или в кино с учетом позиций театроведов и специалистов в области художественной коммуникации.

Изучением интерпретации занимается также известный театральный деятель Патрис Пави. Согласно его «Словарю театра» интерпретация (фр. *interpretation*) «имеет целью определение смысла и значения ... относится к процессу производства спектакля 'авторами', а также к процессу восприятия его публикой» [Пави, 1991, с. 124]. Интерпретация близка к понятию «герменевтика». Согласно «Энциклопедическому словарю по философии» под редакцией А. А. Ивина (2004) «герменевтика – это 1) искусство понимания как постижения смыслов и значения знаков; 2) теория и общие

правила интерпретации текстов; 3) философское учение об онтологии понимания и эпистемологии интерпретации. Герменевтика возникла и развивалась в конкретных формах – толковании сакральных, исторических или художественных текстов» [Философия: Энциклопедический словарь, 2004, с. 270]. Для нашего исследования релевантны первые два значения термина «герменевтика».

С другой стороны, мы можем рассмотреть интерпретацию смыслов и как когнитивную деятельность. Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов» Е. С. Кубряковой и других «когнитивная деятельность (*cognitive activity*) – 'ухватывание' и установление смысла, вслед за Г. Фреге рассматриваемое как своеобразный когнитивный процесс установления когнитивной значимости языкового выражения, его информативности...» [Кубрякова и др., 1996, с. 51–52]. По Е. С. Кубряковой, когнитивная деятельность может пониматься в широком и узком смысле слова. В узком смысле речь идет об установлении смысла, стоящего за конкретным высказыванием. Широкое толкование когнитивной деятельности позволяет рассматривать ее и как производную, и как результат. При этом под производным понимается познание существующих или выдуманных объектов, которые формируют основу для принятия человеком решений и получения определенных выводов. Результатом становится некое знание или его часть, которое прочно интегрируется в концептуальную систему индивида. Такое двоякое толкование когнитивной деятельности формирует основу для интерпретации событий, объектов и явлений окружающей действительности. Оба подхода к предмету служат пониманию глобального контекста и способствуют множественному толкованию события или явления.

Таким образом, интерпретация (лат. *interpretatio* – «разъяснение, истолкование») – это процесс постижения смысла, своеобразный диалог между тем, кто играет (актер), и тем, кто смотрит (зритель). В ходе диалога происходит так называемое «распредмечивание» смысла.

Причем интерпретация зависит от многих экстралингвистических факторов, например, эпохи, социально-политической ситуации, специфики культуры, уровня образования и культуры читателя или зрителя и многих других [Горожанов, Гусейнова, 2021]. Таким образом, то или иное драматургическое произведение в разные эпохи будет приобретать разные смыслы, поскольку интерпретаторы (режиссеры, актеры, зрители и другие участники театрального и кинодискурса) будут учитывать именно те акценты, которые востребованы в ходе коммуникации.

Интерпретация спектакля и / или фильма порождает эвокативность и позволяет исследователю вскрыть когнитивные процессы, сопровождающие интеллектуальную обработку – эмоциональную и рациональную – увиденного и услышанного зрителем. Она, в свою очередь, осуществляется на нескольких уровнях:

- на уровне восприятия текста с учетом лингвокультурных особенностей реципиента,
- на уровне узнавания смысла текста в культурном контексте, а также
- на уровне диалогического понимания смысла спектакля и / или фильма.

Таким образом, интерпретация представляет собой когнитивную деятельность, нацеленную на выстраивание диалога между зрителем и актером, а также на восприятие, узнавание и понимание текста с учетом особенностей конкретной лингвокультуры и распознавания ключевой интенции спектакля и фильма.

Например, любое действие или бездействие на сцене и на экране вызывает у зрителя определенную эмоцию, даже если создается впечатление, что процесс восприятия проходит безэмоционально (незаинтересованность – тоже эмоциональный процесс). Если происходящее вызывает эмоциональный отклик, значит, оно «попадает» на уже сформированный у зрителя путь восприятия спектакля или кинематографа (культурный, эмоциональный, образовательный и др.). Речь идет не только о восприятии, но и об узнавании сценического или экранного феномена. Далее «автоматически» запускается процесс понимания текста и смысла спектакля или фильма.

Понимание происходящего на сцене и на экране осуществляется путем сравнения конкретного текста с корпусом текстов той или иной культуры. В этом смысле существенная роль отводится эвристическому началу. Оно связано с озарением зрителя, возникающим вследствие эмоционального и когнитивного понимания смысла происходящего на сцене и на экране, а также с когнитивной процедурой сопоставления зрителем события на сцене или на экране с событиями, ранее известными ему из других источников. В результате такого сопоставления различных текстов (или различных жизненных впечатлений) зритель угадывает, узнает неповторимый смысл сценического или экранного события. Таким образом, понимание спектакля или фильма предстает как многоступенчатый процесс.

Рассмотрим перечисленные этапы интерпретации на примере сцены из спектакля «Тевье-Тевель» (см. рис. 1).

Рис. 1. «Тевье-Тевель»

(Тевье – Богдан Ступка, Хава – Оксана Батько)

Главный герой Тевель и его дочь Хава представлены в эпизоде спектакля, в котором она сообщает отцу о том, что изменила веру и выходит замуж за православного.

Батюшка: Кристина, выйди к нам!

Хава: Отец!

Тевье: Как он назвал тебя?

Хава: Отец, выслушай. Я тебя Христом Богом прошу, отец, выслушай меня!

Тевье: Нет у меня такого Бога! И дочери у меня такой нет! У меня была дочь Хава! Я ее любил больше всех на свете!

Хава: Отец, и я тебя люблю. И его люблю – Федора. И как это все в себе соединить?

Тевье: Я не знаю этого – это ваша печаль, барышня. У меня своего горя достаточно. У меня сегодня дочь умерла. Мне нужно траур по ней носить...

На этапе догадки зритель предполагает, какие эмоции вызовет эта новость. На втором этапе мы видим, с помощью каких выразительных средств актер передает психологическое и физическое состояние своего героя: широко открытый рот, как будто в крике; взъерошенные волосы после быстрого растирания головы в отчаянье; рука возле уха – жест, символизирующий, что Тевье не хочет ничего слышать и слушать; прищуренные глаза, наполненные слезами – крайняя степень горя.

Сопоставив свои ожидания и видеоряд, видим, что с помощью этого набора жестов, мимики, позы в комплексе, а также голоса, интонации, паузирования актер передает состояние человека, который находится на грани психологического срыва от осознания всеобъемлющего горя и понимания того, что он теряет дочь и сознательно от нее отказывается.

Рассмотрим еще один пример из фильма «Тарас Бульба» (2009, режиссер Владимир Бортко), в котором главную роль сыграл Богдан Ступка (см. рис. 2).

**Рис. 2. «Тарас Бульба»
(Тарас Бульба – Богдан Ступка)**

В этом эпизоде главный герой стоит над телом убитого им родного сына.

Бульба: Чем ты не козак был? И станом высокий, и чернобровый. Лицо, как у дворянина. И рука была крепка в бою. Пропал. Пропал бесславно, как подлая собака.

На этапе догадки зрители предполагают, какие эмоции и чувства испытывает главный герой, собственноручно убив родного сына за предательство со словами «Я тебя породил, я тебя и убью!». На следующем этапе мы видим, как актер передает психологическое и физическое состояние своего героя: наполненные слезами глаза и опущенные уголки губ свидетельствуют об осознании и проживании непоправимого горя, сведенные к переносице брови – о печали и понимании трагичности произошедшего, плотно сжатые губы – о силе воли и попытке сдержать эмоции. Но жесткая интонация, с которой Бульба произносит «Пропал бесславно, как подлая собака», контрастирует с описанным выше психологическим состоянием героя и свидетельствует о том, что герой наравне с горем испытывает и негодование, и злость, и чувство непрощения, и уверенность в том, что иначе поступить он не мог – предатель заслуживает только смерти. Важный момент заключается в том, что актер для передачи эмоционального состояния своего героя ограничен только мимикой, т. е. набор выразительных средств очень ограничен. И в результате мы видим человека, которого разрывают противоречивые чувства: любовь к родному сыну, горе от потери и в то же время уверенность в своей правоте.

Кроме того, в театральном дискурсе и кинодискурсе понимание имеет несколько уровней, зависящих от этапов работы с литературным первоисточником и его интерпретацией.

Итак, мы можем говорить об интерпретации постановки, которая включает в себя выбор важнейших аспектов произведения, впоследствии

представленных на сцене. В данном случае речь идет о так называемой предварительной драматургической работе. Создавая драматургическое произведение, сценарист по своему усмотрению выбирает ключевые сюжетные моменты. Он может также дописывать диалоги или вставлять собственные. В результате складывается и возникает оригинальное произведение, которое нередко значительно отличается от первоисточника. Предлагая свою интерпретацию, сценарист задает вектор интерпретации, тем самым сокращая множественность ее возможностей. На данном этапе рождаются новые смыслы. Поэтому зритель как участник театрального и кинодискурса может интерпретировать события, опираясь на свои фоновые знания о мире, языке, а также на свой собственный опыт.

Так, И. В. Зыкова считает, что исходной формой познания, в том числе и чувственного, является перцепция, которая в свою очередь является результатом ощущений разных модальностей. В этом случае модальность является качественной характеристикой ощущений от органов чувств, задействованных в восприятии (слух, зрение, осязание и др.) [Зыкова, 2022].

Многие исследователи отмечают, что интерпретация увиденного и услышанного тесно связана с распределением внимания, которое фокусируется на словах или символах, являющихся знаковыми для зрителя (слушателя). При этом зрителю нужно суметь «не только распределить свое внимание при восприятии текстовых фрагментов, но и в последующем распознать их референтную отнесенность, что подразумевает обнаружение имплицитных смыслов конструируемого образа» [Киосе, 2017, с. 91].

На следующем уровне интерпретации режиссер определяет наиболее важные, ключевые моменты в произведении, о чем он будет говорить со зрителем языком искусства и какие акценты расставит, чтобы зритель испытал те или иные эмоции. Таким образом, режиссер утрирует заданный сценаристом вектор. Притом сужение интерпретативного аспекта достигается за счет вербальных и невербальных средств. Опираясь на «мнение автора текста», режиссер генерирует свое прочтение текста. Тем самым он сигнализирует о собственных смыслах, применяя разные способы воздействия на зрителя – эмоциональное, прагматическое, физическое и др., формируя основания для возникновения эвокативности.

Далее следует уровень актерской интерпретации текста, который включает в себя как игру, определенную и предусмотренную автором и постановщиком, так и самостоятельное «прочтение» текста с использованием средств, имеющихся в распоряжении актера. В первом случае, актер становится, условно выражаясь, марионеткой,

выполняющей волю «авторов», во втором – реализуется процесс порождения смыслов.

На этом уровне многое зависит от личности актера, от уровня его образованности и культуры; существенно то, насколько он хорошо или плохо знает общий культурный контекст и произведения автора в целом. Процесс актерской интерпретации текста может считаться полноценным только тогда, когда исполнитель понимает, что режиссер хочет сказать зрителю своей постановкой. При этом новые смыслы порождаются и в процессе интерпретации. Согласно «Словарю театра» П. Пави, в современной теории текста определено, что в процессе чтения устанавливаются связи между смысловыми элементами, а также соотношения, которые представляют собой «текст в тексте». Этот же принцип, основанный на способности зрителя к ассоциациям, используется в театральных постановках и кинофильмах [Пави, 1991].

По научному убеждению П. Пави, «интерпретация (или критическая работа с текстом или сценой) – это выбор между (проблематичным) поиском центра тяжести, статической интерпретацией и множественностью интерпретационных направлений» [Пави, 1991, с. 125]. В то же время французский критик и семиотик Ролан Барт считает, что «интерпретировать текст – это не значит придать ему единственный смысл (более или менее обоснованный, более или менее свободный), напротив, это значит оценить, к какому множеству он принадлежит» [цит. по: Пави, 1991, с. 124].

По сути, любой текст по своей природе неполон, и задача драматурга или режиссера восстановить, выделить фабулу и предложить ее возможную конкретизацию. Существует огромное количество «приспособлений» и выразительных средств, которыми, по мнению П. Пави, не всем удастся удачно воспользоваться. Так, в постановке, в конечном итоге, должен быть ясно выражен текст или, напротив, он должен быть «усложнен», что достигается, по К. С. Станиславскому, путем объективации подтекста при помощи языковых и неязыковых средств.

Помимо всего вышеописанного, смыслы, по Станиславскому, порождаются также в процессе работы актера над ролью и даже раньше – в процессе работы над собой, когда только начинается работа над созданием сценического или кинообраза.

Существует еще одно понятие, близкое понятию «эвокативность». Речь идет о сверхзадаче роли (К. С. Станиславский), целью определения которой является донесение смыслов зрителю и, таким образом, вызов определенных эмоций, а значит, эвокативный эффект [Станиславский, 2010].

К. С. Станиславский справедливо пишет: «...нам нужна сверхзадача, аналогичная с замыслами писателя, но непременно возбуждающая отклик

в человеческой душе самого творящего артиста. Вот что может вызвать не формальное, не рассудочное, а подлинное, живое, человеческое, непосредственное переживание» [Станиславский, 2010, с. 179]. Переживание и есть эффект эвокативности. При этом режиссер замечает, что «одна и та же сверхзадача одной и той же роли, оставаясь обязательной для всех исполнителей, звучит в душе у каждого из них по-разному» [там же, с. 179]. В данном случае речь идет именно об индивидуальной интерпретации, что подтверждает наш предшествующий тезис: интерпретация и есть одна из основ создания эвокативности.

В задачу актера входит переделать не только логику поведения своего персонажа, но и логику литературного произведения в целом. Учитывая существующие интерпретационные уровни, о которых шла речь выше, можно утверждать, что сверхзадачу мы можем рассматривать как режиссерский замысел в целом. Он заключается и в толковании главной идеи произведения, и в собственной цели режиссера, которая, в свою очередь, может и отличаться от авторской цели, и существенно варьироваться в индивидуальном актерском прочтении [Театральная энциклопедия, 1964]. Конечной же целью автора театральной и кинопостановки является эмоциональное воздействие, которое обозначается термином «эвокативность».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, задачей и драматурга, и режиссера является не только восстановление и выделение фабулы, но и ее конкретизация. При этом в арсенале постановщика есть огромное количество выразительных средств и «приспособлений», помогающих не только истолковать уже заложенные в тексте смыслы, но и «породить» новые. Именно в этом и заключается процесс творчества.

В свою очередь, интерпретация представляет собой когнитивную деятельность и является основой механизма возникновения феномена эвокативности, поскольку одной из ее главных задач является выстраивание взаимосвязей между зрителем и актером на основе задействования таких процессов, как восприятие, узнавание и понимание не только текста, но и неязыковых выразительных сценических средств.

Из вышеизложенного также следует, что понятия интерпретации, понимания и эвокативности являются ключевыми в театральном дискурсе и кинодискурсе, а в творческой деятельности именно понимание является результатом коллективной интерпретации, одного из необходимых условий формирования эвокативности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беданоклова З. К., Беданоклова С. К. Эвокативность: о термине, понятии и принципе дополнительности // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4 (187). 2016. С. 40–51.
2. Матханова, И. П., Трипольская Т. А. Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и перспективы // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2004. С. 6–19.
3. Демьянков В. З. Когнитивные языковые задатки и способности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / ответственный редактор выпуска Т. В. Романова. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 54–57.
4. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997.
5. Пави П. Словарь театра / перевод с французского. М.: Прогресс, 1991.
6. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
7. Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
8. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков) : монография. Казань: Бук, 2021.
9. Зыкова И. В. Полимодальная метафора в киноискусстве: современные векторы изучения // Когнитивные исследования языка. Вып. 4 (51): Язык – социальная когниция – коммуникация: материалы XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 7–9 ноября 2022 / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 223–229.
10. Киосе М. И. Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации не прямых выражений в тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. М.–Тамбов, 2017. С. 88–95.
11. Станиславский К. С. Работа актёра над собой. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010.
12. Театральная энциклопедия / гл. ред. П. А. Марков : в 6 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. Кетчер – Нежданова.

REFERENCES

1. Bedanokova, Z. K., Bedanokova, S. K. (2016). Evocativity: about the term, concept and the principle of complementarity. The Bulletin of Adyghe State University, 4(187), 40–51. (In Russ.)
2. Matxanova, I. P., Tripol'skaya T. A. (2004). Interpretacionnye aspekty lingvistiki: problemy i perspektivy = Interpretative aspects of linguistics: problems and prospects. Matxanova, I. P. (ed.), Problemy` interpretacionnoj lingvistiki: interpretatory` i tipy` interpretacii (pp. 6–19): The interuniversity collection of scientific papers. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.)
3. Dem`yankov, V. Z. (2019). Human cognitive linguistic capacity and ability. Romanova, T. V. (ed.), Teoretiko-metodologicheskie problemy` kognitivnoj lingvistiki i antropocentricheskaya paradigma nauchny`x issledovanij. (vol. XXXVII, pp. 54–57): The proceedings of the International congress on cognitive linguistics. Nizhny Novgorod: DECOM Publishing. (In Russ.)
4. Ivin, A. A. (1997). Slovar` po logike = Dictionary of Logic. Moscow: VLADOS. (In Russ.)
5. Pavi, P. (1991). Slovar` teatra = The dictionary of theater. Moscow: Progress publishers. (In Russ.)
6. Ivin, A. A. (2004). Filosofiya = Philosophy. In E`nciklopedicheskij slovar`. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
7. Kubryakova, E. S. (ed), Dem`yankov, V. Z., Pankracz, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). Kratkij slovar` kognitivny`h terminov = A concise dictionary of cognitive terms. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
8. Gorozhanov, A. I., Gusejnova, I. A. (2021). Prikladny`e aspekty` analiza i interpretacii tekstov (na materiale nemetskogo i russkogo yazy`kov) = Applied aspects of text analysis and interpretation (based on the material of German and Russian languages). Kazan`: Buk. (In Russ.)
9. Zyкова, I. V. (2022). Multimodal metaphor in cinematic art: contemporary vectors of study. Cognitive studies of language. Jazyk – social'naja kognicija – kommunikacija: materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. Moscow State Linguistic University. Iriskhanova, O. K. (ed.), Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 4(51), 223–229. (In Russ.)

10. Kiose, M. I. (2017). Salience as a cognitive factor of successful interpretation of indirect textual expressions. In Demyankov, V. Z. (ed.), Cognitive language studies (vol. XXIX, pp. 88–95). (In Russ.)
11. Stanislavskij, K. S. (2008). Rabota aktyora nad soboj = The actor's work on himself. O tehnikе aktyora. Moscow: Artist. Rezhissyor. Teatr. (In Russ.)
12. Markov, P. A. (Ed.). (1964). Teatral'naya e`nciklopediya = Theater Encyclopedia (vol. 3): in 6 vols. Moscow: Sovetskaya e`nciklopediya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсянникова Ассоль Алексеевна

старший преподаватель кафедры языков и культур стран СНГ и ближнего зарубежья
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovsyannikova Assol Alekseevna

Senior Lecturer at the Department of Languages and Cultures of CIS Countries and the Near Abroad
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.02.2023
18.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'37
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_94

Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие

Е. О. Опарина

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ellenoparina@gmail.com

Аннотация. Культурные коды (или коды культуры) являются одним из ключевых понятий лингвокультурологии. Они формируют таксономическую основу для классификации объекта и тем самым помогают систематизировать поле исследования. В центре внимания автора данной статьи – способность языковых культурных кодов к распространению на разные тематические области и дискурсы, т.е. диапазон их действия, а также способность к развитию. Ставится и решается также вопрос об их универсальности в сравнении с культурно-национальной спецификой.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурные коды, диапазон действия культурных кодов в языке, фразеология, паремиология, универсальность, культурно-национальная специфика

Для цитирования: Опарина Е. О. Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 94–99. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_94

Original article

Culture Codes in Language: Range of Functioning and Development

Elena O. Oparina

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ellenoparina@gmail.com

Abstract. Culture codes is one of key notions in linguocultural studies: they form the taxonomic basis for the classification of the object and thus help to systematize the research. Practically all world spheres can be conceptualized as the signs of culture in natural languages. In this article we focus on the ability of linguistic culture codes to embrace different thematic spheres and discourses and to develop. The aspect of their universality vs. culturally specific characteristics is also considered.

Keywords: linguoculturology, culture codes, range of functioning of culture codes in language, phraseology, paremiology, universality, cultural specifics

For citation: Oparina, E. O. (2023). Culture Codes in Language: Range of Functioning and Development. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 94–99. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_94

ВВЕДЕНИЕ

Культурные коды – инструмент таксономической репрезентации лингвокультурологических категорий, которые, по В.Н. Телия, составляют «тезаурус культуры» [Телия, 1999, с. 20]. Таксономия (термин происходит от греч. *taxis* «расположение по порядку» + *nomos* «закон») понимается как «теория классификации [...] и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих обычно иерархическое строение» [Крысин, 2007, с. 758]. Культурные коды занимают одну из центральных позиций в лингвокультурологии, так как в них отображен и систематизирован ее окультуренный субстрат. Термин «культурные коды», или «коды культуры», имеет в лингвокультурологии различные определения, которые отражают сложность указанного феномена.

С одной стороны, коды культуры выделяются на основании общности плана выражения – как вещный код, код обряда, вербальные знаки-символы. С другой стороны, они дифференцируются исследователями по признаку тематической общности элементов, которые соотносятся с идеографическими областями мироздания – материальным и нематериальным, которые обретают для человека культурный смысл и формируют тематические группы языковых единиц. При таком подходе в ряд кодов культуры включаются: телесный (в частности, соматический и антропоморфный), зооморфный (в частности, звериный и орнитологический), пространственный (в частности, природно-ландшафтный), временной, предметный, костюмный, гастрономический (пищевой), колоративный.

Исчерпывающего списка кодов нет, однако помимо перечисленных кодов, отражающих преимущественно предметный и природный миры, выделяются коды, которые относятся к системам знаний (ментефакты), а также коды, обозначающие виды деятельности людей (акциональные коды, например, спортивный, широко распространенный в современных языках). Ментефакты – хранители и источники культурной информации; они часто связаны с дискурсами. Среди таких кодов есть восходящие к древности: числовой (количественный), религиозный код (в частности, библейский и код христианства), код мифа (сюжеты, персонажи, мифологемы), есть более новые, часто возникающие в авторских текстах (например, код идеологем литературных направлений, в частности, код романтизма). Перечисленные коды-ментефакты носят универсальный характер или «стремятся» к выходу за границы одной культуры и лингвокультуры. Однако есть также коды-ментефакты, которые в большей степени связаны со спецификой какой-либо

лингвокультуры. Так, С. В. Иванова в качестве кода, воплощающего особенности американской культуры исследует активную речь (*commencement speech*), которая представляет собой напутствие, обращенное к выпускникам университетов перед вступлением в самостоятельную жизнь [Иванова, 2016].

Коды культуры находят воплощение не только в вербальных, но и в других семиотических знаках. Опираясь на окультуренные представления о сферах мироздания, они образуют поликодовую и мультимодальную систему координат, посредством которой культура концептуализирует и репрезентирует мир в материальных знаках – вербальных, визуальных, звуковых.

Мы понимаем культурные коды в естественном языке как структурированную совокупность вербальных элементов, соотносящихся с идеографическими областями мироздания и дифференцируемых на основе тематической общности.

В языке культурные коды – основа значений метафор, метонимий, слов с культурно маркированной семантикой языковых символов, эталонов, стереотипов. Цель данной статьи – изучить диапазон действия культурных кодов в языковых пластах – носителях культурных смыслов. К таким пластам мы относим, в первую очередь, фразеологизмы и паремии. Диапазон мы понимаем как способность распространяться на разные тематические сферы. Анализ языкового материала также приводит к выводу о динамичности культурных кодов.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Разнообразие культурных кодов свидетельствует о том, что практически все сферы мира могут превращаться в «источники окультуренного мироздания» [Словарь лингвокультурологических терминов, 2017, с. 42]. В фразеологии и паремиях, которые признаны исследователями средоточием культуры в языке, мы находим коды, относящиеся к самым разным сферам мироздания. С одной стороны, это названия небесных тел и атмосферных явлений – их предваряет космический код, связанный, по мифологическим и религиозным представлениям, с высшими силами, которые управляют жизнью людей. С другой стороны, символические культурные смыслы обретают в языке названия сугубо предметных реалий, таких как элементы костюма или домашнего обихода [ср. Абрамова, Архангельская, 2021; Ковшова, 2021]. К космическому коду принадлежат, например, метафорические уподобления: *Бог – солнце, знаменитый человек в искусстве и науке – звезда*; устойчивые словосочетания: *ветер перемен, витать в облаках*.

В. И. Абрамова и Ю. В. Архангельская констатируют широкое распространение космического кода, включая метеонимы в русских пословицах и поговорках и на основе словаря В. И. Даля определяют наиболее типичные направления символизации элементов этого кода: 1) воплощение божественной сущности: *Христос – солнце правды; Радуга – дорога к Богу*; 2) то, что не поддается противостоянию или контролю: *Переставом тучи / облака не поймаешь* (пример комбинирования в одном выражении элементов космического и предметно-бытового кодов); 3) психологические состояния, качества личности: *Ветер в голове; С луны свалился; По небу – облака, по челу – дума* [Абрамова, Архангельская, 2021].

Костюмный код, в противоположность космическому, является вещным. Однако он универсально значим для культуры, поэтому фразеологизмы и пословицы с названиями элементов костюма присутствуют в разных языках. М. Л. Ковшова подчеркивает, что превращение вещных сущностей в объекты культурной семиотизации обязательно связано с обретением ценностных идейно-духовных смыслов. Большое значение в окультуривании элементов одежды имеет оценочный социальный аспект. Например, А. А. Кальщикова, исследуя названия одежды во французском языке, отмечает, что роль костюма как признака социального статуса проявилась во французской средневековой культуре к XIII веку: одежда дифференцировала дворянство и простолюдинов, состоятельных горожан и бедноту [Кальщикова, 2021]. Получая ценностные смыслы разных модальностей (социальный, идейный и другие критерии), названия элементов костюма становятся языковыми символами и эталонами: выражение *шапка Мономаха* стало символом царской власти и ответственности в русском языке и культуре; фразеологизм *по Сеньке шапка* является для носителей русского языка типичным выражением негативной, но при этом справедливой оценки [Ковшова, 2021]. Приведенные выражения, основанные на предметном костюмном коде, принадлежат к разным регистрам языка: *шапка Мономаха* – к «высокому» стилю и к литературному дискурсу (пушкинское «*тяжела ты, шапка Мономаха*»), *по Сеньке шапка* – к разговорному, с оттенком просторечия, языку.

Культурную значимость получают наименования предметов одежды в английском языке. Фразеологизм *cap in hand* (букв. 'с шапкой в руке') означает «вести себя подчеркнуто уважительно или униженно, особенно прося что-л.»: *to go cap in hand to the government for money* «(идти) просить деньги у правительства» [Словарь современного английского языка, т. 1, 1992, с. 141]. Идиома

in one's birthday suit (букв. 'в костюме дня своего рождения'; ср. рус. *в чем мать родила*) [Словарь современного английского языка, т. 2, 1992, с. 1058] в шуточной форме отсылает к библейскому мифу об Адаме и Еве, т. е. становится средством разговорной интерпретации библейского мифа.

Спортивный код, в наше время получивший широкое распространение в языке, принадлежит к типу акциональных. Спорт и наблюдение за спортивными мероприятиями, в том числе с комментариями профессионалов, обрели широкую популярность, которая сказывается на развитии спортивного дискурса и спортивного кода. Ж. Финк отмечает две тенденции в развитии элементов спортивного кода, действующие в разных европейских языках. Во-первых, слова и обороты, восходящие к спортивному коду, распространяются на другие сферы и дискурсы; во-вторых, аналогичные по образным моделям обороты распространяются в разных языках [Финк, 2021].

Спортивное состязание – вид борьбы, поэтому многие элементы спортивного кода связаны с агонистическим кодом. Такая связь способствует развитию в спортивном дискурсе выражений, связанных с концептом героизма, характерным прежде всего для военной фразеологии. Например, в американском варианте английского языка широко применяется оборот *to leave it all / leave everything*, (букв. 'оставить всё', т. е. «отдать все силы»). В спорте это выражение обычно дополняется конкретным указанием на «поле боя», на котором происходило состязание: *to leave it all on the field / on the ice / on the court* «отдать все силы (борьбе) на поле / на льду / на корте». Из агонистического и спортивного кодов через масс-медиа фразеологизм распространяется далее на политический дискурс: *He's left everything on the field when it comes to the bill* (Он отдал все силы борьбе за этот законопроект) [там же, с. 310].

Метафоры, фразеологизмы и паремии, источником которых является спортивный код, распространяются также в общенародном языке. В Мидер, анализируя происхождение «спортивных» пословиц в английском языке, отмечает, что они возникли в разное время [Mieder, 2021]. Датировка паремий и фразеологизмов указывает на то, что спортивный код архаичен. Например, распространенная в современном языке пословица *The game is not worth the candle* восходит к XVI веку. В русском языке есть ее почти полный аналог: «Игра не стоит свеч». К середине XVI века относятся также пословицы: *He plays best (well) that wins* (Тот играет лучше всех (хорошо), кто выигрывает) и *Don't hit a man when he is down* (Не бей того, кто упал). В конце XVIII – начале XIX веков

зарегистрированы пословицы *Good play is fair play* (Хорошая игра – честная игра) и *The best defense is a good offense* (Лучшая защита – хорошая атака), в которой соединены военный и спортивный коды (ср. рус. *Лучшая защита – нападение*).

Концепты спортивного кода играют большую роль в англоязычной культуре, в которой многое построено на идее конкуренции, связанной с борьбой. Значимость концептов, принадлежащих к этому смысловому полю, влияет на распространение спортивных метафор и фразеологизмов в англосаксонской лингвокультуре. В числе ключевых концептов *challenge* (вызов) и *fair play* (честная игра), а также представление о важности командной игры, выраженное в пословице *One dream, one team* (Одна мечта – одна команда). Для данной паремии также можно установить время ее появления – оно значительно ближе к современному дню: 1994 год [Mieder, 2021]. Датировки свидетельствуют о долгом и активном развитии спортивного кода в англоязычной лингвокультуре.

Другой культурный код, имеющий длительную историю развития и широко присутствующий в языках, – зоонимный, связанный с животным миром. Его характерными чертами являются антропоморфная и зооморфная направленность. Приписывание животным человеческих качеств и, наоборот, уподобление людей животным восходит к древнему тотемному миропониманию. По архаичным мифам известны антропоморфные животные, например, Феникс, Жар-птица. Животные также выступают в роли атрибутов богов, как, например змея и сова – атрибуты Афины, главной олимпийской богини; во многих древних мифологиях, к ним относятся, например, мифология египтян или американских индейцев, языческие боги выступают как полулюди-полуживотные [Мифологический словарь, 1991].

Взаимное уподобление людей и животных с его архаическими корнями присутствует в разных лингвокультурах. При этом языковой зоонимный код (следуя Е. В. Терешко, мы также используем в качестве синонимичного термин зоокод [Терешко, 2022]) обнаруживает как универсальные черты миропонимания, свойственные носителям различных языков, так и культурно-специфические черты. Языковым пластом, наиболее концентрированно представляющим зоокод, как и многие другие культурные коды, является фразеология в широком понимании. Она включает в себя паремиологию и другие воспроизводимые единицы. Наиболее показательными для понимания роли зоонимного кода в языке и культуре, по мнению Е. В. Терешко, являются фразеологизмы в форме устойчивого сравнения, которые служат эталонами для фиксации и оценки тех или иных

качеств: *vechten al seen leeuw* «драться / сражаться как лев». Сравнение со львом выражает эталон храбрости и в русском языке. Часто фразеологизмы с эталонной семантикой повторяются в сказках: *...onschuldig al seen duif in het veld* (...невинен как голубка в поле) [там же, с. 81].

Изучение зоонимных фразеологических единиц в разных речевых жанрах позволило Е. В. Терешко сделать вывод о том, что в нидерландском языке они описывают множество тематических областей. Выделены следующие группы: человек; явления; предметы; внешние обстоятельства; труд и материальное вознаграждение; общественные отношения. Выделена также группа общих категорий, к которой отнесены абстрактные понятия времени, пространства, количества, скорости. Таким образом, зоонимный код действует в нидерландском языке в широком диапазоне, однако при этом проявляется специфика ценностей, характерных для данной лингвокультуры. Например, значительно количество фразеологизмов, относящихся к тематической группе «труд и материальное вознаграждение», что является показателем важности этих понятий для протестантской страны, где бедность вызывает негативное отношение: *van geld voorzien al seen pad van veren* – иметь столько денег, сколько перьев у жабы (о плохом материальном положении человека). Специфика нидерландской лингвокультуры проявляется также в активности зоонимов, обозначающих морских обитателей: названия рыб, устриц, мидий, креветок в сумме составляют, по выводам Е. В. Терешко, около 15 % от всех проанализированных единиц зоокода во фразеологии нидерландского языка. Данная особенность концептуализации отражает роль моря в жизни нидерландцев и, в более общем плане, важность природной среды для лингвокультуры [там же].

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями нидерландского языка, позволили установить определенные изменения языковых эталонов, воплощенных во фразеологии. Например, ответы респондентов показывают, что в современном языке возник эталон собаки как образца верности: *zo trouw al seen hond* (верный, как собака). Этот новый для нидерландского языка смысл сравнения не зафиксирован в более ранних словарях, которые отмечают эталон собаки как «усталой», «больной» [там же].

В завершение приведем пример, показывающий роль дискурса в креативном подходе к кодам культуры. Т. В. Ефимова приводит в пример профессиональное аргю французских врачей. В современное медицинское аргю входят элементы, восходящие к кодам-ментафактам: мифологии и известным литературным источникам. Например,

лексемой *l'atlas* (*Атлант*) называется первый позвонок, держащий остов тела (уподобляется Атланту, державшему небесный свод); *le bovarysme* (*синдром бовари*) используется в психиатрии для обозначения погони за иллюзиями у пациентов [Ефимова, 2019].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проанализировали действие ряда культурных кодов, а именно космического, костюмного, спортивного и зоонимного во фразеологии и паремиологии. Анализ проводился на теоретической основе работ отечественных лингвистов и преимущественно на материале русского языка. Для сопоставления привлекались данные других европейских языков – английского, нидерландского и французского. Исследование подтвердило, что практически все сферы мира могут служить

источниками окультуренного мировидения. Диапазон тематических областей, для которых наименования того или иного кода могут служить моделью осмысления, то есть, используя терминологию, разработанную при изучении метафоры, диапазон «областей-целей» также широк. Происходит пересечение культурных кодов, в процессе которого через переосмысление значений и фразеологизацию формируются культурные смыслы и развивается языковая семантика. Материал также показывает, что стереотипы и эталоны, будучи в целом достаточно устойчивыми в лингвокультурах, в то же время демонстрируют способность к развитию. Их развитие, как показал пример зоокода в нидерландском языке, в значительной степени связано с особенностями жизни и мировосприятия носителей языка. Однако оно также бывает обусловлено межкультурными контактами и особенностями дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Издательство Эксмо, 2007. (Библиотека словарей).
3. Иванова С. В. Актовая речь как культурный код // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 53: сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 152–160.
4. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. М.: Гнозис, 2017.
5. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Символика астронимов и метеонимов в русских фразеологизмах: репрезентация анимического лингвокультурного кода // Фразеология в фокусе когнитивистики / гл. ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А. П. Поликарпов. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. С. 44–59.
6. Ковшова М. Б. Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры // Фразеология в фокусе когнитивистики / гл. ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А. П. Поликарпов. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. С. 108–132.
7. Кальщикова А. А. Формирование категории французских наименований одежды (на материале женской одежды в средневековый период) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 87–97.
8. Словарь современного английского языка: специальное издание = Longman dictionary of contemporary English: в 2 т. М.: Русский язык, 1992. Т. 1: А–L; Т. 2: М–Z.
9. Финк Ж. О новейших спортивных неологизмах со значением самоотверженности // Славянская филология и паремиология: Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое: К 70-летию со дня рождения проф. В. И. Ковалю: сборник научных статей / отв. ред. Е. В. Нечипорчик. Гомель: Гомельский государственный университет, 2021. С. 309–315.
10. Mieder W. You win some, you lose some: Sports and games in modern Anglo-American proverbs // Фразеология в фокусе когнитивистики / гл. ред. В. Мидер; ответственный редактор и составитель А. П. Поликарпов. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. С. 256–281.
11. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский; члены редколлегии: С. С. Аверинцев, В. В. Иванов и др. М.: Советская энциклопедия, 1991.
12. Терешко Е. В. Образы животных в нидерландской фразеологии и культуре. М.: ЛЕНАНД, 2022.
13. Ефимова Т. В. Трудности перевода медицинских жаргонизмов: на материале французского языка // Языковая картина мира в зеркале перевода: сборник научных трудов / отв. ред. О. О. Борискина. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета, 2019. С. 102–109.

REFERENCES

1. Telija, V. N. (1999). Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury = Immediate tasks and methodological problems in the research of phraseological stock of language in the context of culture. In Telija, V. N. (ch. ed.), *Phraseology in the context of culture* (pp. 13–24). Moscow: Jazyki Russkoj kul'tury. (In Russ.)
2. Krysin, L. P. (2007). *Tolkovyj slovar' inozazychnykh slov* = Explanatory Dictionary of Loan Words. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
3. Ivanova, S. V. (2016). Commencement speech as a cultural code. In Krasnykh, V. V., Izotov, A. I. (eds.), *Jazyk, soznanie, kommunikacija* (issue 53, pp. 152–160): Collection of scientific articles, dedicated to the memory of V. N. Telija. Moscow: MACS Press. (In Russ.)
4. Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (comp.). (2017). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* = The Dictionary of linguoculturological terms. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
5. Abramova, V. I., Arkhangel'skaja, Ju. V. (2021). Simvolika astronomov i meteonimov v russkikh frazeologizmakh: Reprezentatsija animicheskogo lingvokul'turnogo koda = The symbolism of astronyms and metonyms in Russian phraseological units: the representation of animistic linguocultural code. In Mieder, W. (ch.ed.), Polikarpov, A. P. (comp.), *Frazeologija v fokuse kognitivistiki* (pp. 44–59). Moscow: Publ. House of the Academy of Natural Studies. (In Russ.)
6. Kovshova, M. L. (2021). Semantika golovnogo ubora v kul'ture i jazyke = The semantics of head-dress in culture and language. In Mieder, W. (ch.ed.), Polikarpov, A. P. (comp.), *Frazeologija v fokuse kognitivistiki* (pp. 108–132). Moscow: Publ. House of the Academy of Natural Studies. (In Russ.)
7. Kalshchikova, F. F. (2021). Formirovanie kategorii francuzskih naimenovanij odezhdy (na materiale zhenskoj odezhdy v srednevekovyj period) = Category Formation of French Clothes Names (based on women's clothing in the Medieval period). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 87–97. (In Russ.)
8. Longman dictionary of Contemporary English (1992): in 2 vols. Moscow: Russkij Jazyk. Vol. 1: A–L; Vol. 2: M–Z.
9. Fink, Zh. (2021). O novejshikh sportivnykh neologismakh so znacheniem samootverzhenosti = On latest sports neologisms with the meaning of "selflessness". In Nechiporchik, E. V. (ed.), *Slavyanskaya filologiya i paremiologiya* (pp. 309–315). Gomel': Gomel'skij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
10. Mieder, W. (2021). "You win some, you lose some": sports and games in modern anglo-american proverbs. In Mieder, W. (ch.ed.), Polikarpov, A. P. (comp.), *Frazeologija v fokuse kognitivistiki* (pp. 256–281). Moscow: Publ. House of the Academy of Natural Studies.
11. Meletinskij, Je. M., Averintsev, V. V., Ivanov, V. V. et al. (eds.). (1991). *Mifologicheskij slovar'* = Mythological Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)
12. Tereshko, Je. V. (2022). *Obrazy zhivotnykh v niderlandskoj frazeologii i kul'ture* = The images of animals in the Dutch phraseology and culture. Moscow: LENAND. (In Russ.)
13. Jefimova, T. V. (2019). Trudnosti perevoda meditsinskikh zhargonizmov: na materiale frantsuzskogo jazyka = Difficulties in translation of medical slang: on the basis of the French language. In Boriskina, O. O. (ch. ed.), *Jazykovaja kartina mira v zerkale perevoda* (pp. 102–109): collection of papers. Voronezh: Izdatel'skij dom Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Опарина Елена Олеговна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник отдела языкознания

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oparina Elena Olegovna

PhD (Philology)

Senior Researcher at the Department of Linguistics

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.02.2023
18.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'221.22
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект

А. А. Рябухина (Рашина)

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anastasiarashina@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается гендерный аспект речевого поведения коммуникантов при порождении иронического высказывания, а также особенности жестового поведения мужчин и женщин при иронии в устном спонтанном нарративе. В результате эмпирического анализа нарративов выявлены некоторые тенденции в жестикуляции мужчин и женщин при порождении иронического высказывания, в частности, отмечено количественное преобладание репрезентирующих жестов, а также частое использование иронии мужчинами в устном спонтанном нарративе.

Ключевые слова: ирония, гендер, жестовое поведение, устный нарратив

Для цитирования: Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 100–106. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

Original article

Gesture Behavior when Generating an Ironic Statement: Gender Aspect

Anastasia A. Ryabukhina (Rashina)

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anastasiarashina@gmail.com*

Abstract. The article discusses the gender aspect of speech behavior when generating an ironic statement, as well as features of the gestural behavior of men and women when pronouncing irony in an oral spontaneous narrative. As a result of the empirical analysis, some tendencies were revealed in the gestures of men and women when generating an ironic statement, in particular, there was a quantitative predominance in the use of representative gestures, as well as a more frequent use of irony by men in an oral spontaneous narrative.

Keywords: irony, gender, gestural behavior, oral narrative

For citation: Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behavior when generating an ironic statement: gender aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 100–106. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

ВВЕДЕНИЕ

Являясь многоуровневым лингвистическим и когнитивным феноменом, ирония представляет собой особый интерес для исследователей, поскольку содержит в себе двойственный смысл и неоднозначное восприятие. Несмотря на множество попыток дать полное определение иронии, единого ее понимания до сих пор не существует. Так, некоторые исследователи говорят о «зонтиковости» понятия, поскольку иронию описывают и как риторическое явление, и как особый инструмент усиления эмоциональности высказывания, и как отдельные идеи, получившие распространение на разных этапах развития мировой философской мысли [Заврумов, 2017].

Мы подходим к иронии с лингвистической точки зрения и, опираясь на работы различных исследователей, выделяем следующие подходы к изучению иронии: она может быть истолкована как стратегия вежливости и мягкой критики (Дж. Лич), как способ демонстрации превосходства над собеседником (П. Бурдые), как скрытая агрессия (Дж. Хайман). Несмотря на противоположность их взглядов, отмечается, что каждый из подходов описывает одно и то же явление с различных точек зрения [Захарова, 2020], с чем мы не можем не согласиться.

Иронию неразрывно связывают с иронической модальностью, включающей в себя одновременно два плана оценки: имплицитный и эксплицитный, отрицательный и положительный. Опираясь на данное положение, мы понимаем иронию как «метасуждение, модус которого, отрицающий или подвергающий сомнению пропозицию, то есть исходное суждение, заменен противоположным модусом, эксплицитно или имплицитно (по умолчанию) подтверждающим это суждение» [Козинцев, 2007, с. 172].

Несмотря на то, что некоторые исследователи рассматривают иронию на вербальном уровне (С. И. Походня, В. В. Виноградов, А. А. Потебня), мы считаем необходимым учитывать невербальный уровень (жесты, мимику, телодвижения, интонацию) при анализе данного явления.

В нашем исследовании считаем также необходимым обратиться к теории когнитивного диссонанса [Фестингер, 2000], в которой описывается состояние реципиента иронической коммуникации. Сначала реципиент испытывает некий дискомфорт, возникающий вследствие противоречия личных знаний о мире системе представлений о нем, заданном извне. Затем реципиент выбирает способ выхода из ситуации дискомфорта. При негативной оценке ситуации он избирает деструктивную

тактику поведения, при позитивной оценке он вступает в некое игровое взаимодействие с окружающими. Также отмечается, что существует особое ироническое пространство; оно возникает в результате когнитивного диссонанса. Успешность (или, напротив, фиаско) коммуникации обусловливается принятием или неприятием правил игры реципиентом иронии: «реципиент под воздействием иронического пространства становится создателем и ретранслятором иронического посыла» [Захарова, 2020, с. 103]. Однако отказ или непонимание со стороны реципиента иронии может привести к конфликту или даже нарушению коммуникации.

В настоящем исследовании рассматриваются не только особенности иронии, но и ее гендерный аспект. В существующих на данное время немногочисленных работах по гендерному аспекту иронии исследователи отмечают, что мужчины чаще женщин прибегают к иронии в дружеской коммуникации [Gibbs, Raymond, 2000], кроме того, подчеркивается, что женщины чаще мужчин склонны воспринимать иронию как агрессию и обижаться на нее [Jorgensen, 1996].

Отметим, что в отечественном языкознании гендерный аспект жестового поведения при порождении иронии мало изучен, имеющиеся работы рассматривают иронию на материале художественных текстов. В частности, исследуется гендерный аспект иронии в речевом поведении персонажей драматического дискурса [Леонович, Харьковская, 2016].

В зарубежной лингвистике вопросы, затрагиваемые нами в данной статье, рассматривались шире. В частности, проведено исследование жестового поведения при порождении спонтанной иронии [González-Fuente, Escandell-Vidal, Prieto, 2015], где отмечается роль аудиовизуальных сигналов, изучаются жесты, использованные говорящим во время и после иронического высказывания в спонтанной речи. Кроме того, исследователями подтверждается важность наличия «жестовых кодов», которые играют ключевую роль в распознавании иронии реципиентом.

Анализ научной литературы показал, что гендерный аспект жестового поведения при порождении иронии в устном спонтанном нарративе практически не был исследован. Таким образом, новизна предмета исследования обуславливает актуальность настоящей статьи.

На основании вышесказанного нами выдвинуты следующие гипотезы.

1. Мужчины чаще женщин иронизируют в устном нарративе.
2. Ироническое высказывание чаще всего сопровождается репрезентирующими жестами.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях проверки наших предположений нами осуществлен эмпирический анализ видеозаписей устных нарративов. Во время эксперимента участникам, которые были разделены на пары, был предложен ряд тем для обсуждения в свободной форме: отвлеченная тема для вовлечения пары в разговор (расскажите о любимом городе, стране или месте), далее участники могли на выбор рассказать о наиболее значимых для них событиях из прошлого (например, авария, сюрприз для близкого человека).

Все участники эксперимента относятся к одной социальной группе – являются студентами или недавними выпускниками образовательных организаций, находятся примерно в одной возрастной категории – 18–25 лет, их родным языком является русский. Участие в эксперименте было добровольным, каждый из участников подписал документ, разрешающий использовать полученные материалы в научных целях.

Во время диалога велась запись на видеокамеру, участники эксперимента располагались на белом фоне, камера находилась перед испытуемыми, которые сидели напротив друг друга, благодаря чему на видеозаписи отчетливо видны движения их рук и положение тела.

Для участия были приглашены молодые люди, находящиеся в приятельских отношениях, что позволило обеспечить благоприятную обстановку для беседы. В результате говорящие часто отходили от заданной тематики, желая поделиться своими мыслями или обсудить отвлеченную тему, таким образом возникли основания говорить об относительной спонтанности их диалога. Кроме того, наличие общих тем для беседы у испытуемых позволило им порождать иронические высказывания по теме.

Все видеозаписи были аннотированы в программе ELAN (НИИ психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды)).

Для анализа было отобрано шесть видеозаписей общей продолжительностью 180 минут 41 секунда (всего шесть пар).

Все случаи иронии были зафиксированы, отдельно отмечены жесты, для анализа которых мы использовали классификацию жестов К. Мюллер и А. Ченки [Müller, 1998; Cienki, 2013]:

- репрезентирующие;
- (само)адаптеры;
- прагматические;
- дейктические;
- биты.

Кроме того, мы разбили случаи использования иронии в высказывании в зависимости от жеста/движения тела, а именно: ирония; ирония + жест; ирония + движение тела; ирония + движение тела + жест; замена иронии жестом.

Отметим, что участникам эксперимента также был предложен полоролевой опросник С. Бем [Bem, 1974] для определения поведенческих стратегий индивида, которые, в свою очередь, подразделяются на следующие типы: маскулинный, гипермаскулинный, фемининный, гиперфемининный и андрогинный.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате анализа нами зафиксирован 70 случаев иронии, из которых 17 случаев использования иронии женщинами, 53 случая – мужчинами (см. табл. 1).

Таблица 1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИРОНИИ
ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ

ТИ	Ж	М
Ирония	7	12
Ирония + жест	4	18
Ирония + телодвижение	5	16
Ирония + телодвижение + жест	1	4
«Ироничный» жест без вербального компонента	0	3
Всего	17	53

Как следует из количественного анализа, мужчины заметно чаще женщин используют иронию в устном нарративе при описании событий прошлого. Примечательно, что чаще всего иронические высказывания были зафиксированы в парах мужчина + женщина (67 % случаев приходится именно на разнополые пары). Логично предположить, что ирония была связана с желанием мужчин продемонстрировать свое доминирование в коммуникации. Тем не менее нами не была обнаружена агрессия в иронических фрагментах записи, напротив, ирония носила преимущественно черты «дружеской подколки», за которой скрывалось стремление говорящего вывести реципиента из состояния когнитивного баланса. Таким образом, коммуникация между собеседниками становилась более живой и открытой, поскольку в большинстве случаев пара вступала в языковую игру.

Отметим, что «иронический» жест без вербального компонента не подразумевает использование жеста, который вне контекста сохранял бы свою коннотацию, мы можем говорить о его «ироничности» только в контексте конкретного ироничного высказывания, а также при наличии вербального компонента и определенной ситуации, в которой он был употреблен.

Распределение жестов также показало (см. табл. 2), что чаще всего говорящие использовали репрезентирующие жесты (12 случаев) при ироническом высказывании. Мы можем предположить, что это обусловлено функциями интенсификации и пародии данного типа жестов, поскольку в некоторых случаях мы наблюдали желание говорящего спародировать поведение или движения собеседника. Кроме того, репрезентирующие жесты в таких случаях производились говорящим размашисто, с желанием привлечь внимание собеседника.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО ЖЕСТОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ПРИ ИРОНИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Жест	Всего	Ж	М
Прагматический	9	1	8
Репрезентирующий	12	2	10
(Само)адаптеры	7	1	6
Дейктические	2	1	1
Всего	30	5	25

Рассмотрим наиболее интересные примеры. При описании жизни в Ирландии молодая девушка рассказывает про покупку таблеток от ангины.

Ж: ...купила себе самые лучшие в мире таблетки, они называются Тонзилотрен.

М: Купила себе самые лучшие в мире *таблетки*.

Ж: Ну они на самом деле просто прекрасные, они мне за день-два вылечили, выучили ангину.

М: *Выучили английскому*, классные таблетки.

Как следует из диалога, молодой человек иронизирует по поводу высказывания своей собеседницы. В первом случае ирония касается слова «таблетки», мы можем предположить, что говорящий словно имитирует «секретный» разговор о запрещенных веществах, маркировка иронии происходит при помощи телодвижения, т. е. при произнесении лексемы говорящий наклоняется

к собеседнице и понижает голос, будто говоря что-то секретное или тайное (см. рис. 1).

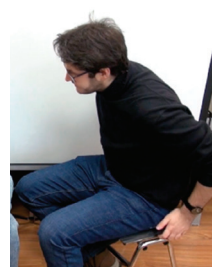

Рис. 1. Движение тела вперед при иронии:
Купила себе самые лучшие в мире таблетки

Во втором случае молодой человек иронизирует по поводу оговорки девушки: «*Выучили английскому*, классные таблетки». Мы предполагаем, опираясь в том числе на открытость позы молодого человека и закрытость позы девушки (на видеозаписи молодой мужчина сидит, широко расставив ноги, его собеседница, напротив, сидит, скрестив руки и ноги на протяжении практически всей беседы), что говорящий стремится показать свое главенство в разговоре, а также подчеркнуть свою мужественность. Кроме того, по результатам полоролевого опроса С. Бем в данной паре участники демонстрируют гипермаскулинный и гиперфемининный типы поведенческой стратегии, таким образом, мы можем предположить, что данная особенность могла проявиться и в ироничности говорящего, и в демонстрации «образа Я» в диалоге [Бернс, 1986].

Другим примером может служить диалог между девушкой и юношей, в котором молодая женщина описывает сон о похищении человека. Во время диалога слушающий иронизирует по поводу ситуации, поскольку для него данная история является гипотетической и, вероятно, не носит важного или серьезного характера:

Ж: Мою бывшую одногруппницу, ее похитил маньяк, вот.

М: *Обычная история.*

Рис. 2. Прагматический жест: *Обычная история*

В данном примере собеседник, используя прагматический жест (см. рис. 2), обесценивает значимость истории рассказчицы, иронизируя по поводу ее высказывания. Мы предполагаем, что привлечение внимания реципиента было необходимо говорящему, поскольку можно заметить некоторую гендерную конкуренцию между участниками диалога, в данном случае, ирония является способом «мягкой» критики, так как у реципиента не наблюдается желания обидеть или оскорбить собеседницу.

Примером того, как участники коммуникации вступают в языковую игру, используя иронию без невербальных компонентов, может служить следующий диалог, произошедший между двумя молодыми мужчинами:

М1: Подожди, а любимый город у тебя Москва?

М2: Конечно! Любимый город – это Москва.

М1: Замечательно, *прекрасный город, прекрасный город*.

М2: Я здесь родился, я здесь живу, на протяжении уже почти двадцати, двадцати одного года.

М1: *С ума сойти*.

В данной паре один из участников коммуникации (М1) является приезжим из провинции, а второй – коренным москвичом (М2). Предполагаем, что в данной беседе происходит бинарное противопоставление «местный-приезжий», «свой-чужой». Мы можем проследить данную особенность прежде всего в том, что при описании родного города говорящий М1 излагает обычные для него факты: «Я здесь родился, я здесь живу, на протяжении уже почти двадцати, двадцати одного года», меж тем для его собеседника данный факт как будто не является обычным, поэтому он иронизирует по поводу высказывания приятеля, говоря «С ума сойти».

Отметим, что практически во всех случаях попытка говорящего ввести второго в состояние психологического дискомфорта не приводила к разрушению коммуникации, а, наоборот, способствовала разрядке обстановки и налаживала связь между говорящими. Немаловажно, что все участники были так или иначе знакомы друг с другом и даже в некоторых случаях находились в дружеских отношениях.

Однако в отдельных случаях, по большей части в разнополых парах, мы можем видеть элементы «злой иронии»; гипотетически она обусловлена тем, что каждый из говорящих так или иначе опирается на систему гендерных стереотипов, связанных как с общими представлениями о мужчинах и женщинах, так и на систему личных предубеждений и мнений о втором участнике диалога. Кроме того, в таком взаимодействии мы также прослеживаем противопоставление «он-она», «мужчина-женщина».

Приведем пример такого взаимодействия. Девушка, рассказывая о прогулке по горячему песку, говорит:

Ж: Босиком не надо ходить.

На что молодой человек иронически реагирует:

М: *А... а как же мы догадались-то?* (репрезентирующий жест) Еще плавать, наверное, надо в шлепках.

Данной фразой он, предположительно, пытается показать, что ему странно было, что девушка не догадалась надеть шлепки раньше. Собеседник иронически изображает сердечный приступ, как бы говоря: «Я так удивлен, что ты смогла до этого додуматься» (см. рис. 3). В этот момент собеседница, пытаясь восстановить равновесие, принимает решение вступить в языковую игру:

Ж: Интеллект (репрезентирующий жест, приобретающий иронический оттенок в данной речевой ситуации) (см. рис. 4).

На что молодой человек отвечает невербально, то есть повторяет жест девушки (см. рис. 5). Тем самым он, с одной стороны, мягко критикует собеседницу, а с другой выражает свое удивление ее

Рис. 3. Репрезентирующий жест мужчины:
А... а как же мы догадались-то

Рис. 4. Репрезентирующий жест девушки:
Интеллект

Рис. 5. Повтор репрезентирующий жеста молодым человеком

догадливости. Таким образом, говорящий старается продемонстрировать свою более сильную позицию по отношению к девушке.

Таким образом, мы можем предположить, что ирония является важной частью коммуникации между молодыми людьми, способствующей налаживанию отношений между ними. Также мы можем заключить, что ирония в устном спонтанном нарративе является инструментом «мягкой критики» и одним из способов взаимного противопоставления, в том числе мужчины и женщины.

Кроме того, жесты в данном виде коммуникации способствуют выражению отношения говорящего к своему собеседнику и к ситуации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, полученные в результате анализа эмпирического материала, подтверждают выдвинутые предположения. В частности, количественный анализ показал, что в устном спонтанном нарративе мужчины чаще, чем женщины, используют иронию, вероятно, желая тем самым продемонстрировать свою доминирующую роль в коммуникации.

Кроме того, при порождении иронического высказывания в комплексе с жестом говорящие чаще всего использовали репрезентирующие жесты, что свидетельствует о функции интенсификации в ироническом контексте.

Нами также зафиксировано, что участники коммуникации, находящиеся в дружеских отношениях, становились единомышленниками, а ирония в данном случае служила вспомогательным механизмом налаживания коммуникации и сглаживания критики со стороны собеседника.

Дружеские отношения участников коммуникации позволили им при вхождении в состояние когнитивного диссонанса восстановить определенный баланс и вступить в языковую игру.

Однако данные выводы носят предварительный характер. Дальнейшее исследование гендерного аспекта иронии требует расширения материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2017.
2. Захарова М. В. Факторы формирования иронического контекста // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии / гл. ред. С. А. Васильев. М.: Книгодел, 2020. Вып. XIV. С. 103–118.
3. Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Речь, 2000.
5. Gibbs Jr., Raymond W. Irony in talk among friends // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15 (1–2). P. 5–27.
6. Jorgensen J. The functions of sarcastic irony in speech // *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 26 (5). P. 613–634.
7. Леонович Л. М., Харьковская А. А. Ирония как маркер гендерного речевого поведения персонажей современного англоязычного драматургического дискурса // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016. Вып. 1. С. 185–190.
8. González-Fuente S., Escandell-Vidal V., Prieto P. Gestural codas pave the way to the understanding of verbal irony // *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 90. P. 26–47.
9. Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
10. Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.
11. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 155–162.
12. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.

REFERENCES

1. Zavrumov, Z. A. (2017). Fenomen ironii v hudozhestvennom tekste: pragmasemanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = The phenomenon of irony in a literary text: Pragmasemantic and linguistic and cultural aspects: Abstract of Senior Doctorate in Philology. Makhachkala. (In Russ.).
2. Zaharova, M. V. (2020). Factors in the formation of an ironic context. In Vasil'ev, S. A. (ed.), *Rusistika i komparativistika* (issue XIV, pp. 103–118): collection of papers. Moscow: Knigodel. (In Russ.).
3. Kozincev, A. G. (2007). *Chelovek i smekh* = Human and laughter. St.Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
4. Festinger, L. (2000). A theory of cognitive dissonance. St.Petersburg: Rech. (In Russ.).
5. Gibbs, Jr., Raymond, W. (2000). Irony in talk among friends. *Metaphor and symbol*, 15(1–2), 5–27.
6. Jorgensen, J. (1996). The functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634.
7. Leonovich, L. M., Kharkovskaya, A. A. (2016). Irony as a marker of the personages' speech behavior in modern English drama discourse. *Vestnik of Samara State University. History, pedagogics, philology*, 1, 185–190. (In Russ.).
8. Santiago, G. F., Victoria, E. V., Pilar, P. (2015). Gestural codas pave the way to the understanding of verbal irony. *Journal of Pragmatics*, 90, 26–47.
9. Müller, C. (1998). *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag.
10. Cienki, A. (2013). Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. In Müller, C., Cienki, A., Ladewig, S., McNeill, D., Teßendorf, S. Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction (vol. 1, pp. 182–201). Berlin: Mouton de Gruyter.
11. Bem, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 42, 155–162.
12. Burns, R. (1986). *Self-concept development and education*. Moscow: Progress publishers. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябухина (Рашина) Анастасия Андреевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryabukhina (Rashina) Anastasia Andreevna

Postgraduate Student of the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	18.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	15.03.2023	
	27.03.2023	

Полимодальная эвфемизация в кинокомедии как когнитивно-дискурсивный феномен

Д. Н. Серозеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

avisliberan@gmail.com

Аннотация: В статье разрабатываются теоретические критерии изучения эвфемизации как полимодального и одновременно как когнитивно-дискурсивного феномена. На материале отечественных и зарубежных кинокомедий показано, что в реализации полимодальной эвфемизации участвуют когнитивные механизмы концептуальной интеграции и рассогласования; при этом комическое достигается через «приоритетные рассогласования» (термин С. Аттардо), которые могут быть представлены в разных модальностях и сопровождаться «фоновыми рассогласованиями».

Ключевые слова: полимодальность, кинодискурс, эвфемизация, рассогласование, теория концептуальной интеграции, комическое

Для цитирования: Серозеева Д. Н. Полимодальная эвфемизация в кинокомедии как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 107–114. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_107

Original article

Multimodal Euphemisation in Comedies as a Cognitive and Discourse Phenomenon

Diana N. Serozeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

avisliberan@gmail.com

Abstract. The article develops the research procedure of exploring euphemisation as a multimodal and cognitive-discourse phenomenon. Featuring a series of Russian and foreign comedies the study identifies the major cognitive mechanisms of its realization, which are conceptual integration and incongruity. The humorous effect is achieved via foregrounded incongruity shifts (the term introduced by S. Attardo) which appear in different semiotic modalities and are complemented by backgrounded incongruities.

Keywords: multimodality, cinematic discourse, euphemisation, incongruity, theory of conceptual blending, humor

For citation: Serozeeva, D. N. (2023). Multimodal Euphemisation in Comedies as a Cognitive and Discourse Phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 107–114. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_107

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, эвфемизация традиционно рассматривается как феномен языка / речи [Enright, 1985; Орлова, 2020]. Однако мы предполагаем, что данный феномен может реализовываться и в полимодальном формате, например, в динамическом кадре и в речи актеров кино. При этом эвфемизация часто порождает смех или сопровождается комическим эффектом – превращает «неловкую ситуацию в шутиливую» [Порохницкая, 2014]. Цель настоящей статьи – разработка процедуры полимодального анализа эвфемизации как полимодального и одновременно когнитивно-дискурсивного феномена, значимого при создании комического в кинодискурсе. Для достижения данной цели мы обращаемся к положениям 1) теории эвфемизации [Порохницкая, 2014; Орлова, 2020], 2) теории комического и теории рассогласования, разработанной С. Аттардо в рамках общей теории вербального юмора [Hempelmann, Attardo, 2011], 3) теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner, 2008], которая успешно применяется для анализа процессов согласования и рассогласования в дискурсе, в том числе полимодальном [Алексеев, 2021], 4) теории полимодального анализа художественного дискурса [Зыкова, 2021; Киосе, 2021]. Предположительно, триггерами рассогласования или концептуальными компонентами, участвующими в рассогласовании и «запускающими» комический эффект, могут быть средства любой из трех семиотических модальностей, языковой, модальности динамического изображения или звуковой.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ

Феномен эвфемизации получил широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе; он рассматривался в различных аспектах: структурно-семантическом, прагматическом и когнитивном. При этом исследуются семасиологические сдвиги значения, изменение формы слова, особенности заимствований [Burridge, 2012; Порохницкая, 2014; Орлова, 2020]. Сам термин «эвфемизм» впервые был использован в 1656 году Томасом Блаунтом в «Глоссографии» [Enright, 1985, с. 219], где он определялся как «хорошая или выгодная интерпретация плохого слова». С тех пор явление эвфемизации изучалось в работах отечественных и зарубежных авторов (см. обзор работ в [Орлова, 2020]). Согласно наиболее распространенному определению, под эвфемизмами понимают «эмоционально нейтральные слова или

выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными», а «эвфемизация заключается в использовании неоскорбительных или приятных слов или выражений вместо прямых или оскорбительных именований, что предполагает маскировку действительности» [цит. по: Орлова, 2020, с. 22]. При этом меньшее внимание уделяется семиотическим и дискурсивным основаниям данного феномена. Однако эвфемизация не ограничивается языком / речью и может проявляться в дискурсе в любой модальности, если на то будут прагматические причины, по которым участники коммуникации вынуждены избегать прямого выражения мысли. Таким образом, в настоящей работе эвфемизация рассматривается как явление полимодального дискурса, в реализации которого участвуют некоторые когнитивные механизмы.

Изучение когнитивных механизмов эвфемизации на уровне слова реализуется, в частности, в исследовании Л. В. Порохницкой [Порохницкая, 2014], в котором исследователь в качестве ключевого механизма эвфемизации рассматривает фокусирование. И хотя мы разделяем позицию автора, согласно которой фокусирование действительно определяет универсальность реализации эвфемизации в формировании семантики слова, в дискурсивной эвфемизации участвуют более сложные механизмы. Предположительно, эвфемизация в дискурсе может быть описана с помощью теории концептуальной интеграции, разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier, Turner, 2008], которая моделирует отношения ментальных пространств в дискурсе разного типа [Coulson, Oakley, 2000], в том числе в полимодальном дискурсе [Алексеев, 2021]. Для изучения эвфемизации как полимодального феномена значимо то, что в процессе интеграции участвует информация, получаемая из разных семиотических модальностей, например, речи персонажей, автора, звуковой модальности и изображения [Зыкова, 2021; Киосе, 2021].

В основе создания комического эффекта лежит механизм рассогласования, изложенный в работах С. Аттардо. Автор разрабатывает лингвистическую теорию юмора (General Theory of Verbal Humor) с опорой на когнитивную концепцию взаимодействия концептуальных пространств в дискурсе (сходную теорию концептуальной интеграции выдвигает Ж. Фоконье). Согласно С. Аттардо, комический эффект в дискурсе достигается за счет рассогласования скриптов (аналог вводных пространств в теории Ж. Фоконье) и способов разрешения рассогласования [Hempelmann, Attardo, 2011]. Авторы

отмечают, что «юмористические тексты часто имеют больше одного рассогласования», и в связи с этим предлагают различать уровни рассогласования: *полное фоновое рассогласование* (completely backgrounded incongruity), которое может быть опущено без потери комического, *фоновое рассогласование* (backgrounded incongruity), которое может быть опущено, но при этом эффект комического снизится, и *приоритетное рассогласование* (foregrounded), которое является объектом кульминационного момента в шутке и ее разрешения. Несмотря на то, что в качестве материала анализа авторы используют только совокупность феноменов языка, только "вторичную" реальность, полагаем, что сходные типы рассогласования обнаруживаются при анализе когнитивных оснований полимодальной эвфемизации. Изучение типов рассогласования при интеграции скриптов, представляющих вводные пространства, может эффективно применяться к любым модальностям (речь, звук, динамическое изображение), а концептуальные компоненты передаваемой ими информации выступают в качестве триггеров рассогласования в дискурсе.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ЭВФЕМИЗАЦИИ В КИНОДИСКУРСЕ

Материалом исследования, нацеленного на разработку процедуры полимодального когнитивного анализа эвфемизации в кинодискурсе, стали отечественные и зарубежные кинофильмы 1960–2010-х годов, в которых реализуется эффект комического. На данном этапе работы необходимо было установить способы реализации полимодальной эвфемизации в аспекте их вариативности, определяемой типом семиотической модальности триггера рассогласования. В ходе анализа установлено, что «запускающие» рассогласование триггеры могут находиться в любой из модальностей: речи, динамическом изображении или звуковой модальности. Далее рассматриваются примеры такого рассогласования. Опишем процедуру анализа и приведем модели концептуальной интеграции с участием различных модальностей в кинодискурсе.

Полимодальная эвфемизация с триггером в речевой модальности

Рассмотрим пример сцены из киноновеллы «Операция "Ы" и другие приключения Шурика» (реж. Л. И. Гайдай, 1965). Зрителю демонстрируют погоню Феда за Шуриком. Когда Шурик наступает

в разлитую битумную массу и его сапоги прилипают, Федя подбегает к нему и наносит удар (пинок) (см. рис. 1). Это действие он комментирует фразой: «Это только аванс».

Рис. 1. «Операция "Ы" и другие приключения Шурика»

Данная сцена реализуется в трех модальностях – речевой, звуковой и модальности динамического изображения. Содержание динамического изображения представлено такими концептуальными компонентами, как «обидчик», «жертва», «действие (удар, пинок)» (отмечены точками на схеме 1). Они формируют ментальное пространство НАСИЛИЕ (пространство 1). В речевой модальности триггер «аванс» активирует ассоциации с областью знания РАБОТА (ИЛИ РАБОЧИЕ ОТНОШЕНИЯ), что позволяет интегрировать оба пространства. Пунктирными линиями показаны связи между концептуальными элементами вводных пространств, а сплошными – проецируемые соответствия УДАР ЕСТЬ АВАНС, которые реализуются в речевой модальности и модальности динамического изображения. Смешанное пространство наследует структуру пространства 1 (изображено пунктиром), а из пространства 2 заимствуется новый концептуальный компонент «аванс» как «часть заработной платы, выдаваемая вперед в счет ежемесячного заработка»¹.

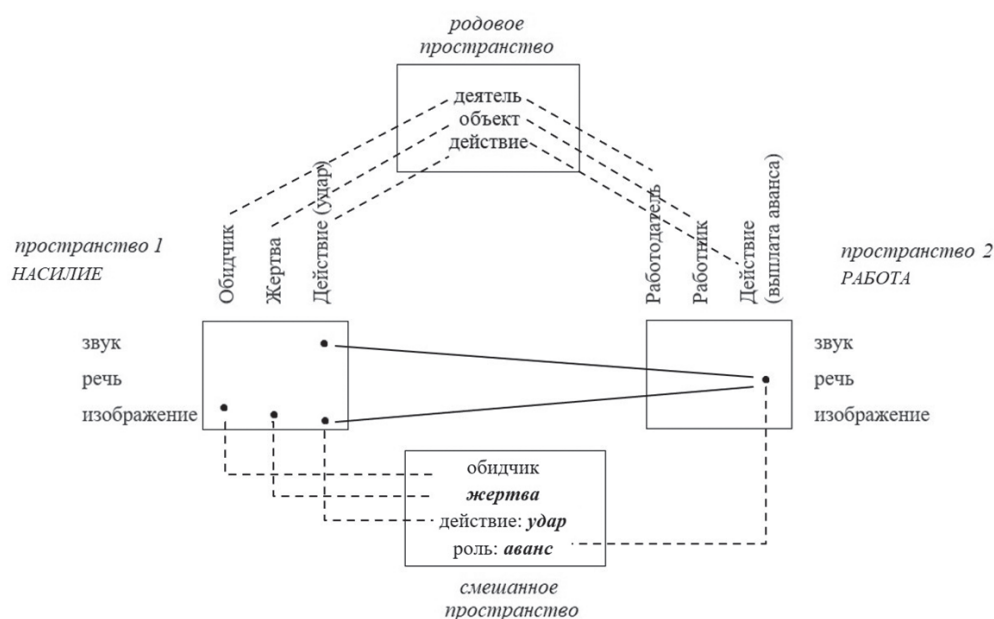
С одной стороны, триггер «аванс» выполняет эвфемистическую функцию. Развитие смешанного пространства, где в роли «аванса» представлено действие «удар», ведет к инференции о том, что за первым ударом следует продолжение. Таким образом, триггер «аванс» камуфлирует угрозу. С другой стороны, триггер создает приоритетное рассогласование скриптов НАКАЗАНИЕ / ПООЩРЕНИЕ

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

(компоненты смешанного пространства, отвечающие за рассогласование, выделены курсивом на схеме 1). Отметим и второе приоритетное рассогласование, без которого данная сцена утратила бы комичность: оппозиция ЕСТЕСТВЕННОЕ / НЕЕСТЕСТВЕННОЕ. Примечательно то, что компонент «действие (удар)» из пространства 1 реализуется также и в звуковой модальности. Пинок

сопровождается звуком удара по неодушевленному предмету и предположительно - звуком проведения по мокрому стеклу пальцем. Такая подмена звука также запускает процесс концептуальной интеграции, результатом которой становится рассогласование ЕСТЕСТВЕННОЕ / НЕЕСТЕСТВЕННОЕ и инференция о том, что подобный удар не может причинить Шурику вреда.

Схема 1

ПРОЦЕСС КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ УДАР (ПИНОК) ЕСТЬ АВАНС

Полимодальная эвфемизация с триггером в модальности динамического изображения

Рассмотрим пример из фильма «Ешь, молись, люби» («Eat, Pray, Love», реж. Р. Мерфи, 2010), в котором триггер находится в модальности динамического изображения. Сцена открывается кадром, который показывает страстный поцелуй молодой пары (рис. 2.1). Так формируется пространство 1 СЕКС (схема 3), которое складывается из следующих компонентов: «молодая пара», «действия

сексуального характера», «состояние (наслаждение)», «фигура». Кадр сменяется: главная героиня Лиз одна сидит за столиком на летней веранде итальянского ресторанчика и ждет свой заказ (рис. 2.2). Начинает формироваться пространство 2: «Лиз», «употребление пищи», «состояние (печаль)», «фигура». Примечательно то, что формирование пространства 2 происходит динамически – параллельно с чередованием кадров: Лиз пристально наблюдает за тем, как молодые парень и девушка, стоящие напротив нее, страстно целуются.

Рис. 2.1. Поцелуй

Рис. 2.2. Лиз одна

Затем происходит смена кадра: крупным планом показано, как молодой человек касается живота девушки (рис. 2.3), после чего камера переключается на Лиз (рис. 2.4), постепенно приближается, а затем крупным планом зрителю показывают блюдо пасты (рис. 2.5), которое официант поставил перед ней.

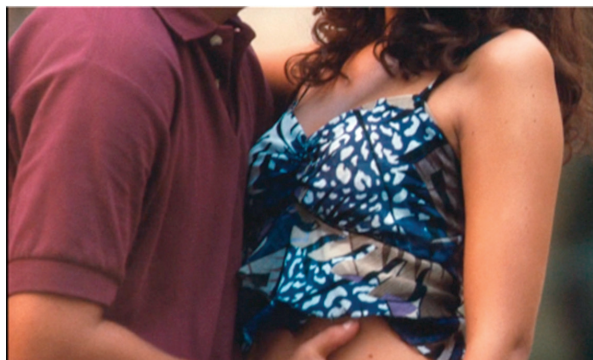

Рис. 2.3. Прикосновение

Рис. 2.4. Лиз в фокусе

Рис. 2.5. Крупный план

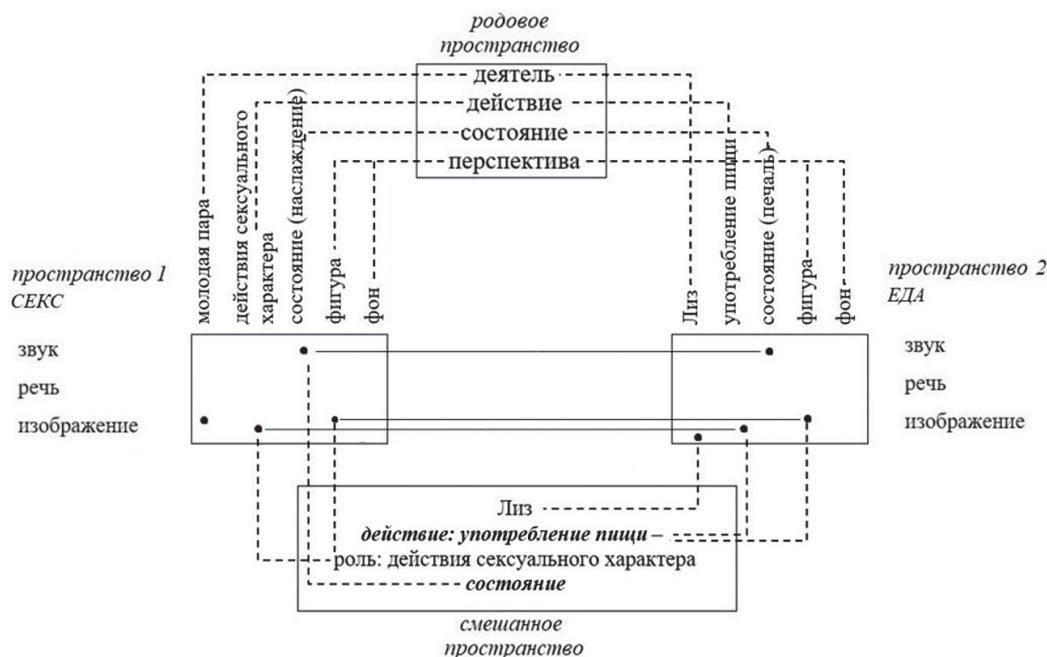
Зритель понимает, что становится свидетелем некоего таинства, действия, запретного в понимании Лиз. Переключение кадров становится триггером, который обеспечивает проекцию действия («употребление пищи») из пространства ЕДА

и роли («действия сексуального характера») на пространство СЕКС. Хотя участники сцены совершают действия (пара целуется – Лиз ест), не связанные между собой по сюжету, переключение камеры между молодой парой и Лиз приводит к формированию смешанного пространства. Вся ситуация представляется с точки зрения Лиз, она является субъектом перспективизации и «оценивает» действия молодой пары – объекта перспективизации. Такое распределение перспективы поддерживается и на уровне звуковой модальности (см. компоненты «состояние» в пространствах 1 и 2). Звучит фрагмент Арии Царицы ночи из оперы Амадея Моцарта «Волшебная флейта» (Die Zauberflöte, K.620 / Act 2 – «Der Hölle Rache kocht in meinem Herzen»). Переключение кадров с молодой пары на Лиз (рис. 2.1–2.4) сопровождается напряженной музыкой в минорном ключе и коррелирует с ее тягостным состоянием печали и одиночества. Однако в момент, когда перед Лиз ставят блюдо (рис. 2.5), минорная тема сменяется на мажорную и приобретает жизнеутверждающую окраску. Таким образом, звуковая модальность помогает осуществить развитие смешанного пространства, в котором стигматизированная для Лиз область СЕКС эвфемизируется (камуфлируется) через область с меньшей степенью стигматизации – ЕДА. В подтверждение приведем кадры (рис. 2.6), которые непосредственно следуют за кадром на рисунке 2.5. Пристальный взгляд Лиз сменяется на «бегающий», как будто она собирается совершить запретное, неодобряемое действие.

Рис. 2.6. «Бегающий» взгляд Лиз

В данном полимодальном комплексе реализуется приоритетное рассогласование, которое придает фрагменту комичность. Основу рассогласования формирует оппозиция скриптов ВОЗВЫШЕННОЕ / ОБЫДЕННОЕ. Первый представлен в звуковой модальности возвышенной музыкой, передающей изменения в состоянии героини (осуществляется проекция компонента «состояние (наслаждение)» из пространства СЕКС в смешанное пространство). ОБЫДЕННОЕ представлено действием «употребление пищи», которое наследуется смешанным пространством из пространства ЕДА.

ПРОЦЕСС КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ «СЕКС ЕСТЬ ЕДА»

Полимодальная эвфемизация с триггером в звуковой модальности

Рассмотрим сцену из кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию» (реж. Л. И. Гайдай, 1973). Зубной врач Антон Семёнович Шпак возвращается к пациенту после разговора с «загадочной дамой» (Милославским), поворачивается к зрителю спиной и произносит фразу «Ну-с, продолжим». В начале сцены фигура пациента видна полностью: он статичен как неодушевленный предмет (рис. 3.1). Когда врач возобновляет процедуру, он закрывает собой пациента (рис. 3.2–3.3), но в последующих кадрах камера приближается, и в фокус попадает трясущаяся от вибрации рука пациента (рис. 3.5). В момент, когда врач перестает работать бормашиной и перебирает инструменты, рука пациента застывает (стоп-кадр), а при продолжении процедуры движение руки возобновляется.

Рис. 3.1. Кадр 1

Рис. 3.2. Кадр 2

Рис. 3.3. Кадр 3

Рис. 3.4. Кадр 4

Рис. 3.5. Кадр 5

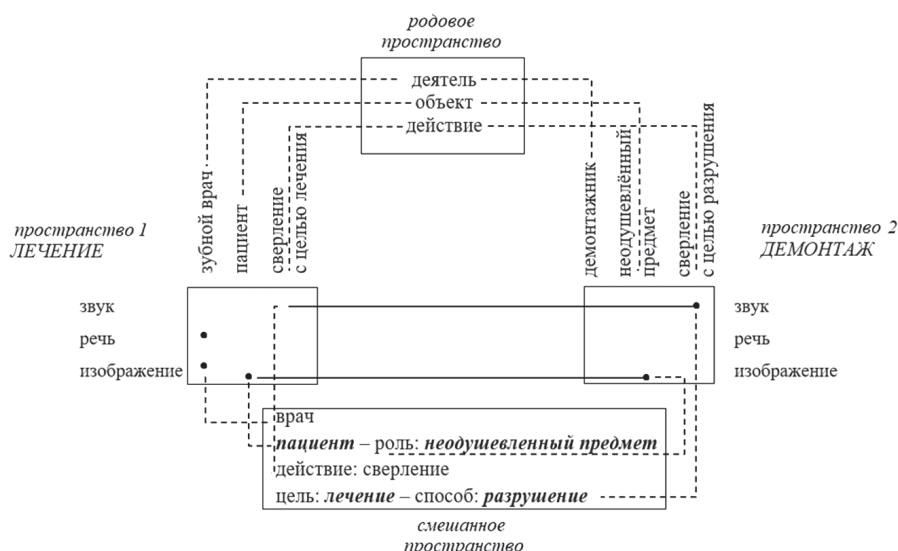
Из описания следует, что сцена реализуется в трех модальностях. Динамическое изображение формирует ментальное пространство ЛЕЧЕНИЕ с помощью компонентов «зубной врач», «пациент», «действие (сверление с целью лечения)» (схема 3). Триггер, реализующийся в звуковой модальности, активирует ментальное пространство ДЕМОНТАЖ (СТРОИТЕЛЬСТВО), так как звук бормашины напоминает звук отбойного молотка: звук находится в низком диапазоне и сопровождается сильной вибрацией, что нехарактерно для бормашины. Пространство 2 формируется

компонентами «демонстражник», «неодушевленный предмет», «действие (сверление с целью разрушения)». Происходит установление соответствия между компонентами «действие» в пространствах 1 и 2. Смешанное пространство наследует компонент «действие» (сверление с целью лечения) из пространства 1 и способ «разрушение» из пространства 2, результатом чего становится инференция о работе врача как «грубой и грязной».

Звуковой триггер является ключевым в создании приоритетного рассогласования: формируется оппозиция скриптов ВЫСОКИЙ ЗВУК / НИЗКИЙ ЗВУК (зритель ожидает более высокий по диапазону звук, характерный для бормашины). Рассогласование отражено в смешанном пространстве на схеме 3. При этом следует отметить ряд процессов, которые участвуют в создании комического в качестве фонового рассогласования. Во-первых, особенностью реализации

компонента «пациент» в динамическом изображении становится его статика. Пациент не реагирует на речевой стимул «Ну-с, продолжим»: фраза врача обращена к самому себе и является примером фиктивной коммуникации. Пациент бессловесен, бездвижен и поэтому вызывает ассоциации с неодушевленным предметом, что далее подкрепляется фокусировкой камеры на руке, которая двигается только в ответ на действия врача. Так возникает рассогласование, основанное на оппозиции скриптов ОДУШЕВЛЕННОЕ / НЕОДУШЕВЛЕННОЕ. Во-вторых, в модальности динамического изображения также проявляется эвфемизация: врач стоит спиной к зрителю и скрывает процесс лечения (зритель не видит ни полость рта пациента, ни сами врачебные манипуляции), затем наблюдаем переход камеры на руку пациента (на первый план выходит рассогласование ОДУШЕВЛЕННОЕ / НЕОДУШЕВЛЕННОЕ).

Схема 3

ПРОЦЕСС КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ «ЛЕЧЕНИЕ ЕСТЬ ДЕМОНТАЖ»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эвфемизация в дискурсе может быть рассмотрена как полимодальный феномен, когнитивными механизмами которого являются концептуальная интеграция и рассогласование, участвующее в создании комического эффекта. Выбранные для анализа сцены кинодискурса представляют собой сложные полимодальные комплексы с большим перечнем компонентов. Однако в каждом комплексе в любой из трех модальностей – речи, звуке или динамическом изображении – присутствует триггер, который запускает рассогласование. В подтверждение идей, высказанных С. Аттардо, мы обнаружили несколько типов рассогласования, участвующих в

реализации комического в кинодискурсе; причем основным типом рассогласования в подобных полимодальных комплексах будет выступать приоритетный тип. Проведенный анализ демонстрирует потенциал исследования полимодальной эвфемизации, а также самих полимодальных комплексов с позиции теории концептуальной интеграции и теории рассогласования. Установление различающейся роли семиотических модальностей в создании эффекта комического далее может быть проведено в ходе создания обширного корпуса примеров и их исследования на предмет соответствий между типом рассогласования и средствами его реализации в разных модальностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Enright D.J. Fair of speech: the uses of euphemism. New York: Oxford University Press, 1985.
2. Орлова О. С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
3. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
4. Hempelmann Ch. F., Attardo S. Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms // Humor. 2011. Vol. 24, № 2. P. 125–149.
5. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2008. Reprint edition.
6. Алексеенко Н. В. Маркеры фиктивной коммуникации в моно- и полимодальном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
7. Зыкова И. В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р-Валент, 2021. С. 100–189.
8. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.
9. Burridge K. Euphemism and language change: the sixth and seventh ages // Lexis. 2012. Vol. 7. P. 65–92.
10. Coulson S., Oakley T. Blending basics // Cognitive Linguistics. 2000. Vol. 11. № 3/4. P. 175–196.

REFERENCES

1. Enright, D.J. (1985). Fair of speech: the uses of euphemism. New York: Oxford University Press.
2. Orlova, O. S. (2020). Printsip nepryamoi nominatsii v zagadkakh i ehvfemizmax na temu rozhdeniya i smerti = The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Porokhnitskaya, L. V. (2014). Kontseptual'nye osnovaniya ehvfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov) = Conceptual foundations of euphemy in the language (a case study of English, German, French, Spanish and Italian languages): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Hempelmann, Ch. F., Attardo, S. (2011). Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms. Humor, 24(2), 125–149.
5. Fauconnier, G., Turner, M. (2008). The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books. Reprint edition.
6. Alekseenko, N. V. (2021). Markery fiktivnoi kommunikatsii v mono- i polimodal'nom diskurse = Markers of fictive interaction in mono- and multimodal discourse: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Zyкова, I. V. (2021). Lingvokreativnost' v kinodiskurse = Linguistic creativity in cinematic discourse. In Lingvokreativnost' v diskursah raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti (pp. 100–189). Moscow: R-Valent. (In Russ.)
8. Kiose, M. I. (2021.) Sekrety interpretatsii teksta i izobrazheniya. Konstruirovaniye i okulograficheskij jeksperiment = Secrets of interpretation of text and image. Construal and oculographic experiment. Moscow. (In Russ.)
9. Burridge, K. (2012). Euphemism and language change: the sixth and seventh ages. Lexis, 7, 65–92.
10. Coulson, S., Oakley, T. (2000). Blending basics. Cognitive Linguistics, 11(3/4), 175–196.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серозеева Диана Наилевна

старший преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serozeeva Diana Nailevna

Senior Lecturer at the Department of English, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.02.2023
26.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проблема перевода чэньюй с китайского языка на русский в свете теории лакун

Чжан Вэй

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

1548322072@qq.com

Аннотация. В данной статье ставится проблема выбора стратегии перевода и использования релевантных переводческих приемов для передачи смысла чэньюй, для адаптации фактов китайской культуры к русской ментальности. Для решения данной проблемы предлагается опираться на теорию лакун, предпринимается попытка обосновать использование переводческих приемов для передачи чэньюй на русский язык с учетом типов лакун, анализируются примеры их возможного перевода на русский язык.

Ключевые слова: теория лакун, стратегия перевода, переводческие приемы, чэньюй

Для цитирования: Чжан Вэй. Проблема перевода чэньюй с китайского на русский язык в свете теории лакун // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873), С. 115–121. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_115

Original article

The Problem of Translating Chengyu from Chinese into Russian in the Light of the Lacuna Theory

Zhang Wei

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

1548322072@qq.com

Abstract. The article is devoted to the problem of choosing a strategy for the translation and use of relevant translation techniques to convey the meaning of idioms, reflecting facts of Chinese culture, into Russian. To solve this problem, it is proposed to rely on the lacuna theory, an attempt is made to justify the use of translation techniques for transmitting idioms into Russian, taking into account types of lacunae. Examples of idioms possible translation into Russian are analyzed.

Keywords: lacuna theory, translation strategy, translation techniques, idioms

For citation: Zhang Wei (2023). The problem of translating Chengyu from Chinese into Russian in the light of the lacuna theory. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 5(873), 115–121. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_115

ВВЕДЕНИЕ

Межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры [Фрик, 2013], мостом же между ними можно назвать перевод, роль которого в распространении и взаимообогащении культур трудно переоценить. Неотъемлемым компонентом системы любого культурно маркированного языка являются фразеологизмы. Наличие ярко выраженной национальной специфики у означенных языковых единиц обуславливает постоянный высокий интерес к ним со стороны гуманитариев. Фразеологизмы представляют интерес в аспекте перевода и передачи на другом языке лингвокультурной и страноведческой информации. Не являются исключением и фразеологизмы китайского языка, отражающие богатую философию и культуру китайского народа. Большая часть из них унаследована от древних времен.

Фразеология китайского языка как отдельная научная дисциплина сформировалась не так давно. Примерно с 1960-х годов в работах китайских исследователей ведутся дискуссии о понимании фразеологических единиц, о критериях их выделения, о возможных подходах к их классификации. Обзору наиболее известных фразеологических концепций китайских лингвистов и российских ученых-китаистов посвящена монография П. П. Ветрова [Ветров, 2007], в которой автор обосновывает идею целесообразности рассмотрения китайских фразеологизмов в рамках концепции, предложенной академиком В. В. Виноградовым [Ветров, 2007]. Однако для выявления этнокультурной специфики китайских фразеологизмов и их адекватного перевода в большей степени подходит классификация, предложенная известным ученым Ма Гофань. Она выделяет в китайском языке 5 основных разрядов фразеологизмов: чэньюй (成语), яньюй (谚语), сехоуэй (歇后语), гуаньюньюй (惯用语) и суюй (俗语) [马国凡, 1978, с. 80]. Среди них в количественном отношении чэньюй занимают первое место (около 50000 единиц), хотя, как отмечает П. П. Ветров, разграничение названных разрядов может быть затруднено и «часто зависит от субъективной оценки самого исследователя» [Ветров, 2007, с. 45].

Под чэньюй (成语, букв. «готовое выражение») обычно понимают «устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Баранова, 1969, с. 9]. Само определение единиц названного разряда

отражает указание на то, что они содержат значимый национально-культурный компонент. Активное же использование чэньюй в речи подталкивает переводчиков к поиску наиболее релевантных приемов для восполнения лакунарных смыслов. Целью данной статьи является проведение комплексного анализа некоторых чэньюй. Он включает в себя описание семантики и лингвокультурологического содержания указанных единиц. Анализ чэньюй, в свою очередь, необходим для определения типа лакун, которые необходимо компенсировать при переводе на русский язык.

О ТЕОРИИ ЛАКУН

Теория лакун носит междисциплинарный характер: она разрабатывается в лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике, культурологии, лингвострановедении и др. В самом общем виде под лакуной понимают отсутствие неких соответствий в языковых системах. Однако более частные определения лакун могут различаться в зависимости от того, в рамках какой научной дисциплины и под каким углом зрения они рассматриваются. Так, с позиций лингвистического направления лакуны понимаются как «пробелы», «белые пятна на семантической карте языка» и могут подразделяться на абсолютные и относительные [Степанов, 2003, с. 120–121]. И те, и другие выявляются при сопоставлении норм двух языков. Однако если первые осознаются говорящим при невозможности найти в неродном языке словесный эквивалент понятию, выражаемому словом на родном языке, то вторые в большей степени связаны с процессом затрудненного выбора говорящим на эквивалентов на родном языке, поскольку они малоупотребительны [прив. по: Степанов, 2003].

В этнопсихолингвистических работах лакуны могут рассматриваться как «инструмент исследования понимания инокультурного текста» [Марковина, Сорокин, 2010, с.19]. Так, И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин видят возможности для выявления лакунарных единиц не столько на уровне лексики и грамматики, сколько на понятийном, эмотивном, аксиологическом уровнях. Цель означенных исследователей системно определить процесс восприятия инокультурного текста, при котором знаком, сигналом «эксплицитного присутствия <...> национально-специфических элементов культуры» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 35] будет служить все, что ощущается реципиентом как странное и непонятное. Ряд ученых рассматривает лакуну в когнитивном аспекте [Быкова, Пылаева, 2003]. Существуют и другие трактовки лакун, но все они так или иначе

оказываются связанными с решением проблемы их элиминирования в процессе межкультурного взаимодействия.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ЧЭНЬЮЙ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Китайская переводческая традиция имеет богатый набор приемов перевода лакунарных единиц. Среди них называют, например, транслитерацию, дословный перевод, свободный перевод, компенсацию и описательный перевод [胡谷明, 2011]. Однако указанные приемы должны использоваться избирательно. Так, китайский ученый Ян Шичжан в книге «Теория культурного перевода» указывает, что компенсировать необходимо только так называемые «первичные культурные факты», тогда как от «вторичных культурных фактов» можно отказаться и не переводить их. Правда, в этом случае на переводчика ложится большая ответственность по ранжированию «первичных» и «вторичных» культурных фактов. Помимо приемов, которые для передачи культурных смыслов предлагает использовать Ху Гумин, Ян Шичжан называет также добавление, опущение и объяснительный перевод [杨仕章, 2003].

Поскольку чэньюй восходят к древности, они заключают в себе особо значимую культурную информацию, которая при переводе должна быть так или иначе передана, т. е. если пользоваться терминологией Ян Шичжан, это как раз те единицы, смысл которых должен быть передан обязательно. На наш взгляд, наиболее эффективным из всех перечисленных приемов при работе с чэньюй будет объяснительный перевод. Данная разновидность перевода характеризуется тем, что переводчик включает истолкование слова (фрагмента текста) либо развернутое его объяснение непосредственно в текст перевода.

Данный прием предпочтителен в тех случаях, когда чэньюй характеризуются «туманностью», неясностью, неочевидностью смысла, рождающегося из намека или опирающегося на многочисленные ассоциативные связи, отсутствующие у носителя другой культуры, т. е. когда верная интерпретация чэньюй требует глубокого знания и понимания традиций и культуры Китая. В качестве примера рассмотрим несколько таких чэньюй; они имеют философскую окраску.

1. 厚德载物 (хоу дэ цзай у) – *добродетельный муж способен на великие свершения*¹. Выражение восходит к древнекитайской гадательной книге «И цзин» и отражает стремление древних

к самосовершенствованию человека, к гармонии. В этом чэньюй проявляются идеи дуалистической натурфилософской школы, рассматривавшей все явления с точки зрения космогонических сил «Инь» и «Ян»: «Ян» воплощает напряжение, активность, движение и пр., а «Инь» – расслабление, пассивность, покой и пр. Люди в Китае стремятся к равновесию между «Инь» и «Ян». Для носителей русского языка философские представления о необходимости равновесия «Инь» и «Ян» являются культурной лакуной, поэтому предпочтительнее объяснительный перевод. 德 (дэ) в этом чэньюй может трактоваться как «Инь», под которым подразумевается высокая мораль, однако точного эквивалента в русском языке для обозначения этого понятия нет. 物 (у) указывает на «Ян», имеются в виду явления и вещи внешнего мира. Суть: чем выше мораль человека, тем он успешнее во всем. Возможен также объяснительный комментарий, нацеленный на разъяснение глубинного смысла: нечестно заработанные деньги, превышающие меру вашей морали, нарушат равновесие между «Инь» и «Ян» и принесут только несчастья.

2. 物极必反 (у цзи би фань) – *всё, что достигает своего предела, неизбежно обращается вспять*². Этот чэньюй также восходит к древнекитайской гадательной книге «И цзин» и отражает видение носителем китайской культуры хода движения жизни в соответствии с древнекитайской философией. На наш взгляд, здесь также необходим объяснительный перевод, как и во всех других случаях, когда речь идет о китайской философии: чрезмерная радость влечет за собой печаль, но горести закончатся и наступят счастливые дни.

3. 涅槃重生 (не пань чун шэн) – *возродиться из пепла и достичь новых высот*³. Чэньюй восходит к буддийским представлениям о нирване 涅槃 (не пань) и 重生 (чун шэн) – возрождении, связанными с легендой о птице Фениксе, которая является посланником счастья в мире. Каждые пятьсот лет она будет собирать все несчастья и ненависть человечества, накапливающуюся в мире. Потом Феникс бросится в пылающий огонь и убьет себя самосожжением, чтобы пожертвовать жизнью ради счастья человечества. После того, как плоть перенесет невыносимые страдания, Феникс сможет возродиться. Метафорический смысл этой легенды в буддийских писаниях передается словом «нирвана», в которое вкладывается буддистское жизнепонимание, требующее истолкования в объяснительном переводе. Следует отметить, что в речи названный чэньюй может использоваться для выражения духовных переживаний человека, преодолевающего

¹ Большой китайско-русский словарь. 1983. URL: <http://bkrs.info/slove> (дата обращения: 30.11.2022).

² URL: <http://bkrs.info/slove> (дата обращения: 30.11.2022).

³ Там же.

себя ради великого дела. Например, так можно сказать о Гейне, которого морально не сломили ни паралич конечностей, ни слабое зрение: он продолжал писать, сохраняя твердые убеждения, результатом чего стали выдающиеся произведения. Представляется, что в некоторых случаях для передачи смысла чэньюй будет также эффективным прием использования вольного перевода, под которым понимают перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, нежели тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта. Условием для выбора названного приема может стать наличие у чэньюй, лежащего в его основе исторического факта или фактов, описанных в произведениях китайских авторов, а потому хорошо узнаваемых носителями языка.

4. 瓜田李下 (гуа тянь ли ся) – *навлекающий на себя подозрения*¹. Чэньюй восходит к стихотворению «Поведение благородного человека»: «На чужой бахче не поправляют обувь, под чужой сливой не поправляют шапку» (чтобы не заподозрили в краже плодов). 瓜田 (гуа тянь) – имеется в виду бахча, 李下 (ли ся) имеется в виду слива. В русской культуре нет аналогичных пословиц, поговорок. Вольный перевод делает этот чэньюй более ясным.

5. 名落孙山 (мин ло сунь шань) – *провалиться на экзаменах*². Чэньюй восходит к роману китайского писателя Ли Баоцзя «Наше чиновничество». 孙山 (Сунь Шань) – красноречивый человек, живший во времена династии Сун. Его история легла в основу данного чэньюй. Однажды Сунь Шань пошел с сыном земляка в столицу, чтобы сдать экзамен кэцзюй (государственный экзамен в императорском Китае). Когда список успешно сдавших экзамены был вывешен, имя Сунь Шань оказалось в нем на последнем месте. Сын же земляка принят не был. Сунь Шань вскоре вернулся домой. Это произошло раньше, чем вернулся сын земляка, поэтому его отец пришел спросить у Сунь Шаня, принят ли его сын. Сунь Шань сказал, что его имя находилось первым с конца списка успешно сдавших экзамены, а имя сына земляка шло следующим. Если применить дословный перевод, чэньюй не будет понятен. Кроме того, этот чэньюй содержит имманентную философию, понятную только представителям китайской культуры, поэтому лучший вариант для перевода – вольный перевод.

6. 徐娘半老 (сюй нян бань лао) – *привлекательная женщина средних лет*³. Чэньюй восходит к «Нань ши» (История южных династий). 徐娘 (Сюй Нянь) – императорская наложница во времена династии Сун. Сюй Нянь вошла в императорский дво-

рец, что является династическим браком. Но она не ладилась с мужем. Хотя ее муж стал императором и имел практически неограниченную власть, он всё равно неохотно присвоил ей титул императрицы. Позже Сюй Нянь вступила в тайные отношения с молодым придворным, пробудившим в ней огненную страсть, которая сильно потрясла юношу. Образа Сюй Нянь нет в русской культуре, поэтому при переводе данного чэньюй целесообразно обратиться к вольному переводу, чтобы помочь носителям русского языка понять смысл.

В некоторых случаях переводчику лучше прибегнуть к буквальному переводу, под которым понимается перевод, осуществляемый пословно, но не нарушающий норм языка, на который он осуществляется, и не искажающий содержание оригинала. С учетом различий в типах лакун названный прием целесообразно использовать тогда, когда чэньюй содержат специфические образы культуры Китая или включают единицы, называющие факты его истории, чтобы сделать чэньюй более образным. Приведем некоторые примеры.

1. 逼上梁山 (би шан лян шань) – *вынудить взойти на гору Ляншань*⁴. Чэньюй восходит к роману «Речные заводи», рассказывающему о том, как Линь Чун был вынужден уйти в горы и присоединиться к повстанцам. 逼 (би) – вынудить, 上梁山 (взойти на гору Ляншань). В русской литературе нет такого сюжета, но описание ситуации в буквальном переводе позволяет образно, символически, лаконично воспроизвести сюжет романа. Между тем, вероятно, в таких случаях необходимо снабдить перевод комментарием.

2. 助纣为虐 (чжу чжоу вэй нюэ) – *помогать Чжоу совершать жестокости*⁵. Чэньюй восходит к книге «Ши цзи». 助纣 (чжу чжоу) – 'помогать Чжоу', 为虐 (вэй нюэ) – 'совершать жестокости'. Чжоу – последний правитель династии Шан; он предавался пьянству и разврату, расточал людские и материальные ресурсы, поэтому его называли тираном. Образ Чжоу олицетворяет собой дурного человека, однако в русском языковом сознании человека с аналогичными качествами будут называть иначе, поэтому можно сказать, что данный чэньюй относится к лакунам культурного фона для русской аудитории. При переводе применяется буквальный перевод, чтобы высветить образ Чжоу.

3. 青梅竹马 (цин мэй чжу ма) – *зеленые сливы и бамбуковые лошадки*⁶. Чэньюй восходит к «Чанганьским мотивам» писателя Ли Бо. 青梅 (цин мэй) – 'зеленые сливы', 竹马 (чжу ма) – 'бамбуковые лошадки' – это древнекитайские детские игры

¹ URL: <http://bkrs.info/slove> (дата обращения: 30.11.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

(дети берут бамбуковую жердь, когда изображают наездников). Данный чэньюй употребляют, когда имеют в виду влюбленных, которые дружили с детства. Для носителя русского языкового сознания *зеленые сливы* и *бамбуковые лошадки* представляют лакуну культурного фона. Буквальный перевод делает этот чэньюй очень образным, живым.

4. 望子成龙 (ван цзы чэн лун) – *надеяться, что сын станет драконом*¹. Чэньюй восходит к роману «Биографии героев и героинь». 望 (ван) – 'надеяться', 子成龙 (цзы чэн лун) – 'сын станет драконом'. Образ дракона имеет два символических значения в традиционной культуре Китая. Первый символ – власть и сила, второй символ – счастье и успех. Этот чэньюй связан со вторым символом. Его значение – надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни. Но в русской культуре образ дракона не имеет такого символического значения. Буквальный перевод помогает воссоздать культурную атмосферу Китая.

Целесообразность использования приема лексических добавлений может определяться необходимостью передачи имплицитных (подразумеваемых, оставшихся невыраженными) семантических компонентов оригинала, для чего переводчик включает в перевод лексические единицы, отсутствующие в нем. Обращение к названному приему требует от переводчика тонкого понимания различий в системах ассоциативных связей носителей русского и китайского языков, а также в особенностях их когнитивного мышления. Приведем некоторые примеры.

1. 乐不思蜀 (лэ бу сы шу) – *за весельем не вспоминать о Шу*². Чэньюй восходит к «Записям о Трех царствах», в которых, в частности, рассказывается история последнего царя дома Хань: предавшись удовольствиям в Лояне, он забыл о своем царстве Шу. Носителям русского языка, безусловно, неизвестен данный сюжет, однако он очень хорошо показывает логику житейских воззрений носителей китайского языка: 乐 (лэ) – 'веселье' и 不思蜀 (бу сы шу) – 'не вспоминать о Шу' оказываются логически взаимосвязанными. Для указания на характер данной связи и требуется добавление тех или иных лексических средств.

2. 出水芙蓉 (чу шуй фу жун) – *только что поднявшийся из воды лотос*³. Чэньюй восходит к «Ши пинь» (один из наиболее значительных трактатов эпохи Шести династий и всей литературной критики Китая). 出水 (чу шуй) – 'поднявшийся из воды'. 芙蓉 (фу жун) – 'лотос' – цветок, родом из Китая, обладает благородством пиона, часто исполь-

зуется для описания красоты женщины. Скрытый смысл этого чэньюй основан на возможности различного сопоставления свежей и необычной поэзии, очаровательной женщины с прекрасным цветом. Все эти представления ассоциативно связаны с пробуждением природы, поэтому при переводе данный смысл передается сочетанием 'только что', которого нет в исходном тексте чэньюй, т. к. смысл и так понятен носителю китайского языка.

3. 萍水相逢 (пин шуй сянь фэн) – *встретиться как ряски на воде*⁴. Чэньюй восходит к «Терему царя Тэнван». 相逢 (сянь фэн) – 'встретиться'. 萍水 – «ряски на воде». Ряска – это зеленое или коричневое растение, плавающее в летнем пруду. Поскольку у ряски нет корня и она свободно может быть перемещена течением реки, то образ этого растения часто используется в китайском языке для передачи смысла «скитание», «скитаться». То есть в этом чэньюй проявляются особенности различного мышления носителей китайского языка.

Иногда предпочтительным для чэньюй оказывается прием опущения, т. е. отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов оригинала, значения которых оказываются нерелевантными единицам языка перевода или легко восстанавливаются по контексту. Данный прием востребован, когда культурно-историческое содержание восстанавливается только на глубоком уровне. Приведем некоторые примеры.

1. 争风吃醋 (чжэн фэн чи цу) – *бороться за внимание со стороны мужчины или женщины*⁵. Чэньюй восходит к «Слову бессмертному, мир пробуждающему» (сборник Фэн Мэнлуна). 争风 (чжэн фэн) – «бороться за женщину», 吃醋 (чи цу) – «пить уксус». Носителю русского языкового сознания трудно будет понять, как связаны между собой борьба за женщину и уксус, так как он не знаком с понятием 吃醋 (чи цу), это лакуна культурного фона. Данное понятие формируется в эпоху династии Тан. В то время Ли Шиминь, император Тайцзун, готов был дать в наложницы историографу Фан Сюаньлину несколько женщин, но тот отказался принять их. Ли Шиминь знал, что его жена никогда не допустит того, чтобы в доме появились другие женщины: ей легче было принять уксус, чем впустить в дом этих женщин. Однако весьма обширный историко-культурный комментарий не проливает свет на особенности употребления данной единицы в современном китайском языке, поэтому переводчик может использовать прием опущения, чтобы не комментировать культурную лакуну.

¹ URL: <http://bkrs.info/slove> (дата обращения: 30.11.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

2. 负荆请罪 (фу цзин цин цзуй) – *принести извинения*¹. Чэньюй восходит к первому по времени созданию комплексному труду по истории Древнего Китая «Ши цзи», который охватывает период от древности до династии Западная Хань. 负荆 (фу цзин) – дословно «нести на спине терновник»: терновник представлял собой орудие пытки, им в древности хлестали преступника. Поэтому у 负荆 существует скрытый смысл – *запросить наказание*, безусловно, неизвестный носителю русского языка, т. е. это также культурная лакуна. В то же время вторая часть – 请罪 (цин цзуй) также имеет значение «запросить наказание». В некоторой степени смыс-

лы между 负荆 (фу цзин) и 请罪 (цин цзуй) сходны, поэтому использование приема опущения, чтобы избежать повтора, будет здесь целесообразным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при выборе стратегии перевода китайских чэньюй целесообразно учитывать тип лакун, которые необходимо компенсировать, чтобы донести до русскоязычного читателя особенности культуры, традиций, мировоззрения китайского народа. В зависимости от типа лакун переводчики могут использовать объяснительный перевод, вольный перевод, буквальный перевод, прием лексических добавлений, прием опущения или их комбинации.

¹ URL: <http://bkrs.info/slove> (дата обращения: 30.11.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фрик Т. Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. Томск: Томский политехнический университет, 2013.
2. Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М.: Восточная книга, 2007.
3. 马国凡. 成语[M]. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社 = Ma Guofan. Идиомы. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1978.
4. Баранова З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: [б. и.], 1969.
5. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Марковина И. Б., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие. М.: Издательская группа ГЭОТАР-Медиа, 2010.
7. Быкова Г. В., Пылаева О. Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов / под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 20–27.
8. 胡谷明. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略[J]. 中国俄语教学 = Ху Гумин. Стратегии передачи безэквивалентной лексики с национально-культурным компонентом при китайско-русском переводе // Преподавание русского языка в Китае. 2011. № 41. С. 18–20.
9. 杨仕章. 文化翻译策略[M]. 北京: 军事谊文出版社 = Ян Шичжан. Стратегия культурного перевода. Пекин: Военное издательство Ивэнь, 2003.

REFERENCES

1. Frick, T. B. (2013). Osnovy teorii mezhkul'turnoj kommunikacii: uchebnoe posobie = Fundamentals of the theory of intercultural communication: a textbook. Tomsk: Tomskij politekhnicheskij universitet. (In Russ.)
2. Vetrov, P. P. (2007). Frazeologija sovremennogo kitajskogo jazyka: Sintaksis i stilistika = Phraseology of the modern Chinese language: Syntax and stylistics. Moscow: Vostochnaja kniga. (In Russ.)
3. 马国凡. 成语 [M]. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社 = Ma, Guofan (1978). Idioms. Hohhot: Inner Mongolia People's Press.
4. Baranova, Z. I. (1969). Chjen#juj kak razrjad frazeologizmov kitajskogo jazyka = Chengyu as a category of phraseological units of the Chinese language: abstract diss. for the degree of Candidate of Philology. USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. Moscow: [without a publisher]. (In Russ.)
5. Stepanov, Yu. S. (2003). Francuzskaja stilistika (v sravnenii s russkoj) = French stylistics (in comparison with Russian). 3rd ed., stereotyped. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

6. Markovina, I. B., Sorokin, Yu. A. (2010). Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiju: uchebnoe posobie = Culture and text. Introduction to Lacunology. Moscow: Publishing group GEOTAR-Media. (In Russ)
7. Bykova, G. V. (2003). Slovar' «nesushhestvujushhih slov»: fantastika ili real'nost'? = Dictionary of "non-existent words": fiction or reality? / G. V. Bykova, O. B. Pylaeva. In Sorokin, Yu. A., Bykova, G. V. (eds.), Lakuny v rechi i yazyke (pp. 20–27): collection of papers. Blagoveshchensk: Publishing House of BSPU. (In Russ)
8. 胡谷明. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略[J]. 中国俄语教学 = Hu, Guming (2011). Translation strategy of Chinese and Russian translation of Chinese vacant vocabulary. Russian teaching in China, 41, 18–20.
9. 杨仕章. 文化翻译策略[M]. 北京: 军事谊文出版社 = Yang, Shizhang (2003). Cultural translation theory. Beijing: Military Friendship Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Вэй

аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Wei

PhD student at the Russian Literature of the 20th–21st centuries Department
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.02.2023
18.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_122

Полимодалная метафора в видеорекламе: способы трансляции национально-культурной информации

Чжан Лиюань

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
zlysybil922@gmail.com*

Аннотация. Полимодалная концептуальная метафора, реализующаяся на языковом, визуальном и звуковом уровнях, рассмотрена в работе как средство передачи национально-культурной информации. На материале видеорекламы автомобилей установлены способы ее трансляции: использование национально-специфических сфер-источников метафорических моделей и метафорических проекций, а также использование национально-специфических моделей и проекций.

Ключевые слова: концептуальная метафора, полимодалная метафора, метафорическая модель, метафорическая проекция, рекламный видеоролик

Для цитирования: Чжан Лиюань. Полимодалная метафора в видеорекламе: способы трансляции национально-культурной информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873). С. 122–129. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_122

Original article

Multimodal Metaphor in Video Advertising: National Cultural Cues Transfer Modes

Zhang Liyuan

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
zlysybil922@gmail.com*

Abstract. In the study, the author explores multimodal conceptual metaphor which can be found at linguistic, visual and sound levels, as a means of national and cultural cues transfer. Based on the video corpus of car advertisements, the author identifies the national cultural cues transfer modes, which are the use of culturally specific source domains in metaphors and their mapping models and also the use of culturally specific metaphor types.

Keywords: conceptual metaphor, multimodal metaphor, metaphor type, metaphor mapping model, video advertisement

For citation: Zhang Liyuan. (2023). Multimodal metaphor in video advertising: National cultural cues transfer modes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 122–129. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_122

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы концептуальная метафора как самостоятельный метод анализа [Lakoff, Johnson, 1980; Grady, 2007] начинает использоваться для исследования полимодального дискурса [Forceville, Urios-Aparisi, 2009], трансформируясь в метод полимодальной метафоры. При этом данный метод применяется для изучения различных семиотических и коммуникативных модальностей [Голубкова, Таймур, 2020; Киосе, 2021]. Как известно, полимодальная концептуальная метафора структурирует наш опыт и может транслировать культурные установки и ценности в семиотических моделях и проекциях. Однако нерешенным остается вопрос о способах трансляции национально-культурной информации посредством полимодальной метафоры.

В настоящей работе данная проблема решается с опорой на положения теории критического анализа дискурса Н. Фэркло [Fairclough, 1993; Fairclough, 1995] и на положения теории полимодальной и концептуальной метафоры Ч. Форсевиля [Forceville, Urios-Aparisi, 2009] и Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson, 1980]. Полимодальная метафора рассматривается как дискурсивная практика, транслирующая национально-культурную информацию в рекламном дискурсе на трех уровнях: языковом, визуальном и звуковом. На материале китайских и русскоязычных видеороликов, рекламирующих автомобили, выявляются способы трансляции национально-специфических установок в метафорических моделях и их проекциях. Гипотеза исследования заключается в том, что основным способом такой трансляции является использование национально-специфических сфер-источников как самих метафорических моделей, так и их проекций. Данная гипотеза верифицируется в работе.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Дж. Лакофф и М. Джонсон еще в 1980-е годы разработали двухпространственную модель концептуальной метафоры с включенными сферой-источником и сферой-целью (мишенью) [Lakoff, Johnson, 1980]. В ходе анализа языковых образцов исследователи отмечают, что сближение сферы-источника и сферы-цели происходит за счет переноса концептуальных элементов «вложенных» в метафорическую модель метафорических проекций. Например, реализация метафорической модели ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ КОРАБЛЬ происходит с помощью сближения «вложенных» сфер-источников и целей отдельных метафорических проекций, например,

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА ЕСТЬ КУРС КОРАБЛЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЕСТЬ МОРЕ, ПЕРЕСЕКАЕМОЕ КОРАБЛЕМ, ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА ЕСТЬ ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ КОРАБЛЯ и др. [Grady, 2007]. Концептуальная метафора также используется для анализа полимодальных образцов. По мнению Ч. Форсевиля, полимодальная метафора может быть реализована через все семиотические модальности, которые задействованы при передаче информации некоторым типом источника [Forceville, 2009; Forceville, Urios-Aparisi, 2009]. Например, книга без иллюстраций транслирует информацию только через модальность «письменная речь»; радио передает сообщение с помощью модальностей «устная речь», «звук» и «музыка»; рекламное объявление представляет информацию через модальности «письменная речь» и «изображение» и т. п.

В последующие годы концептуальная метафора начинает рассматриваться как особая дискурсивная практика [Баранов, 2004]; при этом исследователей интересует преимущественно ее дискурс-структурирующая роль. Мы, однако, полагаем, что полимодальная концептуальная метафора может быть применена как инструмент анализа способов трансляции национально-культурной информации. При разработке процедуры анализа мы опираемся, прежде всего, на положения теории критического анализа дискурса Н. Фэркло, в которой разграничиваются три уровня анализа дискурса, а именно 1) структурно-семантические характеристики коммуникативной или семиотической системы (у Фэркло – текста), 2) дискурсивная практика и 3) социальная, социокультурная практика [Fairclough, 1993; Fairclough, 1995]. Хотя Н. Фэркло и не рассматривает концептуальную метафору как дискурсивную практику, но с опорой на исследования А. Н. Баранова [Баранов, 2004] мы считаем возможным такой подход к концептуальной метафоре. В данном случае в качестве структурно-семантических характеристик будут выступать характеристики семиотических модальностей, в качестве дискурсивной практики – полимодальная концептуальная метафора (метафорические модели и их проекции), а в качестве социальной практики – типы транслируемой информации. Материалом анализа в данной работе являются видеоролики, рекламирующие автомобили продолжительностью от 23 сек. до 2 мин. 05 сек. Для анализа отобрано 20 роликов; из них 2 ролика представляют исконный российский бренд автомобиля, 2 – исконный китайский, 8 – бренды других стран, ориентированные на китайский рынок, 8 – бренды других стран, ориентированные на российский рынок.

В ходе анализа мы обратились к структурно-семантическим характеристикам трех модальностей: языка, динамического изображения и музыкального и звукового сопровождения. Как отмечают исследователи, в рекламном дискурсе метафора может быть реализована не только непрямыми номинациями, но и иными лексическими, фонологическими и синтаксическими средствами [Чжоу Шан, 2014; Ван Юйчжи, 2021]. К изобразительным средствам реализации метафор в рекламном дискурсе исследователи относят сами представленные объекты, особенности их расположения и передвижения в пространстве [Kress, van Leeuwen, 2001; Lim Fei, 2007]. При анализе музыкального сопровождения в настоящей работе мы не ограничиваемся установлением музыкальных источников рекламы, но привлекаем и звуки, производимые самими объектами или с их участием.

Мы предположили, что транслируемые национально-культурные установки и ценности в рекламе могут быть двух основных типов: национально-специфические и «универсальные», или те, которые являются значимыми для носителей обеих культур, культуры-донора, представляющей рекламный бренд, и культуры-реципиента [Цай Чунь, 2018; Кань Янь, 2019]. При определении типа ин-

способов их реализации; 4) определение типа транслируемой информации; 5) выявление способа трансляции данной информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Для разметки рекламных роликов использовалась программа ELAN, позволяющая аннотировать динамические изображения. В ходе аннотирования был транскрибирован языковой ряд, также проведена разметка метафорических моделей, проекций и сфер-источников в каждой из трех модальностей, определен тип области знания и тип транслируемой информации (используются кодовые обозначения) (см. Рис. 1).

В ходе анализа обнаружено, что в большинстве видеороликов реализуется **одна основная метафорическая модель**, например, АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ НОВЫЕ, БЕЗГРАНИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ОТКРЫТИЕ МИРА, где сфера-источник может соотноситься с различными областями знания, здесь это БЕЗГРАНИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОТКРЫТИЕ МИРА. Так, в рекламе немецкого производства, ориентированной на китайского покупателя и представляющей новую

The screenshot displays the ELAN software interface. On the left, a video player shows a blue Hyundai Solaris car. The main area contains a timeline with various annotation tracks. The top track, '1-языковой ряд', lists 10 segments of dialogue with their start and end times. Below it, other tracks show '2-языковой ряд' (Russian transcription), '3-языковой ряд-проекция' (projective annotations), '4-визуальный ряд' (visual annotations), and '5-визуальный ряд' (another visual annotation track). The timeline is marked with timecodes from 00:00 to 00:10:00.

序号	标注	开始时间	结束时间	时长
1	спасибо большое, отличная публика	00:00:00.040	00:00:01.870	00:00:01.830
2	все мои шутки в жизни	00:00:03.320	00:00:04.340	00:00:01.020
3	и знакомых всем ситуации	00:00:05.300	00:00:06.470	00:00:01.170
4	вот, например пробки	00:00:07.580	00:00:08.510	00:00:00.930
5	ненавижу	00:00:08.680	00:00:09.270	00:00:00.590
6	постоянно опаздываю на свои шоу	00:00:09.870	00:00:11.710	00:00:01.840
7	доезжай до?	00:00:12.630	00:00:13.640	00:00:01.010
8	потому что solaris знает	00:00:13.690	00:00:15.070	00:00:01.380
9	яндекс-в яндекс. Авто входит Яндекс. Навигатор с голосовым помощником Алисы	00:00:15.100	00:00:15.690	00:00:00.590
10	как быстрее	00:00:15.740	00:00:16.500	00:00:00.760

Рис. 1. Пример разметки рекламного ролика в программе ELAN

формации мы руководствовались ее значимостью в социокультурном контексте страны. Соответственно, процедура анализа включает следующие этапы: 1) отбор и разметка рекламных роликов, представлявших 3 типа бренда (исконный китайский бренд, исконный российский бренд и бренд других стран, ориентированный на китайский или российский рынок); 2) определение метафорической модели ролика; 3) установление метафорических проекций, сфер-источников и семиотических

модель Mercedes-Benz, задействована метафорическая модель АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТРЕНД, которая реализуется метафорической проекцией на визуальную сферу: «поездка на автомобиле есть динамичная жизнь». Зритель фиксирует быструю смену наблюдаемых объектов и событий – барабанной установки из пластиковых ведер, баскетбольной площадки, уличных торговцев, уличных танцев. В звуковом ряду с помощью характерного рева двигателя автомобиля реализуется проекция «звук

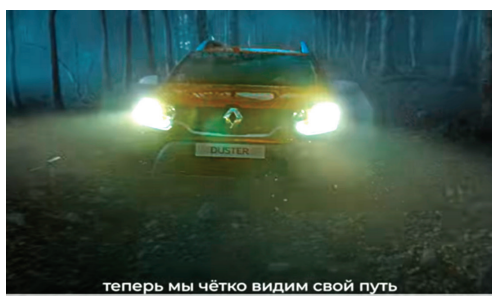
двигателя есть энергия»; также с помощью звуков хип-хоп музыки, сопровождающей поездку на автомобиле, вводится проекция «вождение автомобиля есть стиль жизни молодежи». Данный рекламный ролик является примером трансляции информации, которая обнаруживается и в культуре страны производителя бренда (Германия), и в культуре страны, на которую бренд ориентирован (Китай).

В другом видеоролике 真英雄, 样样精通、实力超群? (Настоящий всемогущий герой обладает недюжинной силой?)¹, рекламирующем национальный бренд автомобиля Китая CHERY, реализуется метафорическая модель АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ КУНГ-ФУ ПАНДА. В языковом ряду обнаруживаем метафорическую проекцию «дизайн и технологии автомобиля есть приемы кунг-фу панды» в языковой метафоре 看功夫熊猫出招 (посмотрите на мощь кунг-фу панды). В визуальном и звуковом рядах присутствует та же проекция. Как можно заметить, сфера-источник метафоры представляет национально-специфическую область знания и транслирует ценности китайской культуры.

Однако в отдельных случаях можно обнаружить **две основные метафорические модели**, интегрирующиеся в одну «макрометафорическую» модель, введение которой способствует усилению прагматического эффекта рекламного дискурса. Так, в рекламе французского автомобильного бренда «Renault», демонстрирующей новую серию

автомобилей (языковой ряд: *НОВЫЙ Renault Duster. Все по-взрослому*) и ориентированной на российский рынок, реализуются две метафорические модели. Первая метафорическая модель НАЛИЧИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ подкрепляется рядом метафорических проекций в языковом и визуальном рядах. В языковом ряду обнаруживаются метафорические проекции «вождение автомобиля есть новый путь в жизни» в *теперь мы четко видим свой путь* и в *история продолжается*, «салон автомобиля есть комфортное место пребывания» в *сейчас все, что нужно, у нас всегда под рукой*, «автомобиль есть средство преодоления препятствий в жизни» в *мы можем преодолеть все*, «автомобиль есть средство достижения новых целей в жизни» в *теперь мы знаем более умные решения*, «наличие автомобиля есть показатель зрелости человека в жизни» в *все по-взрослому*, «вождение автомобиля есть поиск приключений» в *дух приключений по-прежнему в нас*. В визуальном ряду также обнаруживается ряд проекций, реализующих эту же метафорическую модель, среди них – «автомобильное оборудование есть гарантия безопасности человека» в изображении автомобиля в лесу ночью с включенными фарами (см. рис. 2а), «вождение автомобиля есть удовольствие в жизни» в изображении радостных лиц людей (см. рис. 2б), «автомобиль есть средство преодоления препятствий в жизни» в демонстрации автомобиля, преодолевающего горные реки, подъемы и спуски (см. рис. 2в), «автомобиль есть средство достижения

¹ Зд. и далее перевод наш. – Ч. Л.

2а

2б

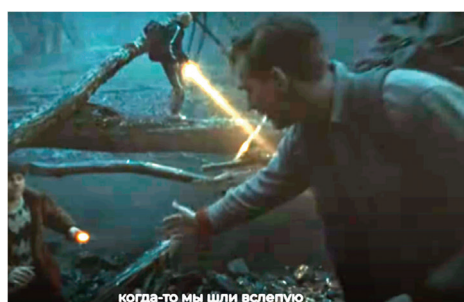

2в

2г

Рис. 2. Демонстрация модели НАЛИЧИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

3а

3б

3в

3д

Рис. 3. Демонстрация модели ОТСУТСТВИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ

новых целей в жизни» в демонстрации автомобиля на вершине горы (см. рис. 2г).

В звуковом ряду та же метафорическая модель реализуется в проекции «вождение автомобиля есть поиск приключений», так как рекламный ролик сопровождается исполнением песни о поиске приключений «Fly away» (записана в 1998 году американским певцом Ленни Кравицем). Вместе с тем в рекламе «работает» и вторая метафорическая модель ОТСУТСТВИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ, которая определяется как дополняющая, усиливающая первую метафорическую модель (Рис. 2). Так, в языковом ряду обнаруживаем метафорические проекции «необходимость идти пешком есть опасность для жизни» в *когда-то мы шли вслепую*, «отсутствие автомобильного оборудования есть опасность для жизни» в *когда-то мы могли надеяться только на случай*, «передвижение пешком есть встреча с препятствиями в жизни» в *раньше мы преодолевали себя*, «путешествие пешком есть отсутствие цели» в *если раньше мы шли напролом*. Значимо то, что в визуальном ряду эти же проекции дублируются, см. Рис. 3а, б, в, г.

Сближение и контраст двух метафорических моделей проявляется в языковом ряду в использовании пар антонимических выражений (антитезы), описывающих время (*теперь, сейчас и раньше, прежде*), например, в *когда-то мы шли вслепую – теперь мы четко видим свой путь*, действия персонажей (*шли,*

могли, преодолевали и видим, можем, знаем, продолжается и т. д.). В визуальном ряду также наблюдаем контраст в изображении выражений лиц, условий жизни. Однако в звуковом ряду используется только проекция первой метафорической модели. Также отметим, что не все метафорические проекции модели НАЛИЧИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ дублируются в речевом и визуальном ряду, в отличие от модели ОТСУТСТВИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ. На основании полученных данных можно утверждать, что в данном видеоролике две метафорические модели формируют одну «макрометафорическую» модель ПРИОБРЕТЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ (т. е. переход от состояния «отсутствие автомобиля» к состоянию «наличие автомобиля») ЕСТЬ УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ (т. е. переход от тяжелой жизни к новому образу жизни). Именно эта «макрометафорическая» модель и нацелена на стимулирование покупки автомобиля потребителем (зрителем). Такой вариант совмещения двух метафорических моделей в одном видеоролике можно назвать реализацией **комплементарных моделей**. Обращаем внимание на то, что в данном примере транслируется «универсальная» национально-культурная информация. Сферы-источники обеих метафорических моделей и их проекций соотносятся с областями знаний, которые могут присутствовать в культуре как страны-производителя бренда, так и страны, на которую ориентирован

бренд. Однако в нашем материале встретились и примеры трансляции национально-культурной информации с помощью комплементарных метафорических моделей и проекций (см. примеры ниже).

Второй обнаруженный вариант реализации двух метафорических моделей в одном видеоролике наблюдается в ситуации, когда вторая метафорическая модель как бы расширяет первую. Рассмотрим пример рекламы немецкого бренда BMW, ориентированной на китайский рынок. Основная метафорическая модель АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТИГР транслирует китайские национально-культурные ценности. По китайскому лунному календарю тигр – один из знаков зодиака. Данный рекламный ролик был выпущен в 2022 году (в год тигра). В переводе на китайский язык название самого бренда Bavarian Motor Works – 宝马 (чудесный конь). Развивая эту языковую метафору, создатель рекламы в языковом ряду использует метафорическую проекцию «автомобиль BMW ‘чудесный конь’ есть тигр» посредством повтора иероглифа 马 (конь) и 虎 (тигр) и употребления фразеологизма 马马虎虎 (невнимательный). Также наблюдается использование омонимов 吗-YI-A-呼 (транскрипция: [ма и я ху]), обнаруживается прецедентный текст из популярной песни 不怕不怕 (транскрипция: [ма и я ху]) в субтитрах и в звуковом ряду (мелодия песни 不怕不怕). Использование перечисленных языковых и визуальных приемов позволяет создать у зрителя ассоциации автомобиля с тигром. Одновременно, в визуальном ряду метафорическая модель реализуется в проекциях «колеса автомобиля есть ноги тигра» (рис. 4а), «двигатель автомобиля есть мощь тигра» (рис. 4б).

Однако в ходе анализа обнаруживаем, что реализация модели АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТИГР наступает с участием еще одной модели ТИГР ЕСТЬ УДАЧА. Вторая модель проявляется в визуальном ряду в виде метафорической проекции «тигр есть символ счастливого нового года»: наблюдаем новогодний красный конверт с изображением тигра, также видим слот-машину «машина тигра 老虎机», которая выдает множество красных конвертов

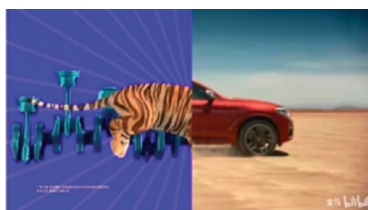
(рис. 4в). В языковом ряду используется ряд «слов на счастье» 吉祥话 (транскрипция: [цзинь сян хуа]; перевод: слова на счастье, доброе слово на удачу). Таким образом, формируется цепочка метафорических моделей АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТИГР и ТИГР ЕСТЬ УДАЧА, где вторая модель как бы сопряжена с первой, но так же, как и в случае с комплементарными моделями, дополняет и расширяет ее, транслируя «макрометафорическую» модель АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ УДАЧА. Такой вариант совмещения двух метафорических моделей в одном видеоролике можно назвать реализацией **вложенных моделей**. Отметим, что в этом варианте реклама транслирует специфические национально-культурные ценности Китая. Сферы-источники обеих метафорических моделей, как и сферы-источники их проекций, соотносятся с областями знаний, которые не присутствуют в культуре страны-производителя бренда (Германия), однако они значимы для культуры страны, на которую ориентирован бренд.

В ходе анализа рекламных роликов, ориентированных на российского и китайского потребителя, мы обнаружили ряд метафорических моделей, в которых сферы-источники и сферы-цели носят «универсальный» характер, это модели АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ НОВЫЕ, БЕЗГРАНИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ОТКРЫТИЕ МИРА, НАЛИЧИЕ АВТОМОБИЛЯ ЕСТЬ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ и др. Иллюстрациями моделей с национально-специфическими сферами-источниками могут служить АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ КУНГ-ФУ ПАНДА и АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТИГР, которые ориентированы на китайского потребителя. Также обнаружены примеры реализации национально-специфических сфер-источников в метафорических проекциях. Например, при реализации метафорической модели СКАЗКА ЕСТЬ БЫЛЬ в рекламе, ориентированной на российского зрителя, использована проекция «Дед Мороз есть тот, кто помогает осуществить мечты (иметь автомобиль)».

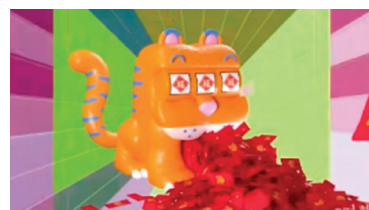
Во всех описанных выше случаях трансляция национально-культурных ценностей осуществляется посредством того, что **сфера-источник метафорической модели или метафорической проекции**

а

б

в

Рис. 4. Метафорические модели АВТОМОБИЛЬ ЕСТЬ ТИГР (а и б) и ТИГР ЕСТЬ УДАЧА (в)

является национально-специфической или носит особое национально-культурное значение, соотносясь с тем или иным прецедентным феноменом в культуре страны. Однако была обнаружена еще одна возможность реализации национально-культурных смыслов посредством сближения сфер-источника и цели, при этом сфера-источник не является национально-специфической. Так, в рекламном ролике немецкого бренда Audi, ориентированном на китайский рынок, обнаруживается метафорическая модель с «универсальной» сферой-источником МЕЧТА ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ РЕАЛЬНОСТЬ, одной из проекций данной модели является «одна мечта каждого (любого) человека есть одно сбывающееся желание». При реализации данной проекции используется вложенная метафорическая проекция (аналогичная вложенной метафорической модели) «камень есть каждый обычный человек». В рекламе демонстрируется, что каждый обычный человек подобен камню, при этом он может изменить мир и реализовать свою мечту. В языковом ряду метафора поддерживается констатацией того, что каждый человек подобен маленькому неприметному камню. Визуально проекция создается с участием людей различных профессий, держащих в руке маленький камень и осуществляющих свою мечту. В звуковом ряду обнаруживается проекция «океанические волны, бьющиеся о камни, есть трудности, которые нужно преодолеть». Образ камня в китайской культуре имеет значение стойкости, вечности, это макет вселенной. Поэтому хотя сама область знания КАМЕНЬ не является культурно-специфической, ее содержание в культуре демонстрирует особые культурные смыслы, которые и транслируются в данном видеоролике. Появление в нашем корпусе таких примеров заставляет нас уточнить сформулированную гипотезу, так как мы обнаруживаем, что трансляция национально-культурной информации может происходить не только за счет введения специфических областей знания в качестве сфер-источников, но и посредством интеграции в рамках одной **национально-специфической метафорической модели** «универсальных» сфер знания.

Таким образом, выявленные способы трансляции национально-культурной информации посредством полимодальной метафоры можно системно представить следующим образом:

- 1) использование национально-специфической области знания в качестве сферы-источника основной метафорической модели, метафорической проекции, комплементарной метафорической модели, вложенной метафорической модели;
- 2) использование национально-специфической метафорической модели или проекции, не задействующей специфические национально-культурные области знания в качестве сферы-источника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании с опорой на концепции Н. Фэркло, Ч. Форсевиля и Дж. Лакоффа анализируется роль полимодальной концептуальной метафоры в трансляции национально-культурной информации в рекламном дискурсе на уровнях языка, изображения и музыкально-звукового сопровождения. Гипотеза исследования, которая заключается в том, что трансляция национально-культурной информации в полимодальной метафоре может происходить за счет национально-специфических сфер-источников метафорических моделей и их проекций, была в ходе исследования уточнена. Установлено, что вторым вариантом трансляции такой информации может быть национально-специфический характер самого метафорического сближения «универсальных» областей знания, т. е. сама метафорическая модель является национально-специфической.

Также в ходе исследования было обнаружено, что помимо варианта существования основной метафорической модели в ролике может быть и вариант введения двух моделей. При этом он реализуется двумя способами, путем введения комплементарной и вложенной метафорических моделей, которые интегрируются в основную модель и помогают создавать новые прагматические интенции в рекламе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press, 1980.
2. Grady J. Metaphor // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 188–212.
3. Forceville Ch. J., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009.
4. Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // *Когнитивные исследования языка*. Вып. 41, 2020. С. 385–389.
5. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.
6. Fairclough N. *Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities* // *Discourse Soc.* Vol. 4, 1993. P. 122–169.

7. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. New York: Longman, 1995.
8. Forceville C. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // Multimodal metaphor. Vol. 2, 2009. P. 19–35.
9. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 63, №1, 2004. С. 33–43.
10. Чжоу Шан. Анализ социальной рекламы как креолизованного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Пекин, 2014.
11. Ван Юйчжи. Национально-ориентированная автомобильная реклама в Китае // Litera. Vol. 12, 2021. С. 64–72.
12. Kress G., Leeuwen, van T. Multimodal Discourse. The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001.
13. Lim Fei V. The visual semantics stratum: making meaning in sequential images // New Directions in the Analysis of Multimodal Discourse / T. D. Royce, W. L. Bowcher (eds.). Lawrence Erlbaum, Mahwah, 2007. P. 195–213.
14. Цай Чунь. Социально-культурное исследование изменения автомобильного рекламного текста. Чанша: Хунанский аграрный университет, 2018.
15. Кань Янь. Сравнительный анализ космического рекламного текста Китая и США с точки зрения культурных ценностей. Циндао: Циндаоский политехнический университет, 2019.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: Chicago University Press.
2. Grady, J. (2007). Metaphor. In Geeraerts, D., Cuyckens, H. (eds.), The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 188–212). Oxford: Oxford University Press.
3. Forceville, Ch. J., Urios-Aparisi, E. (2009). Multimodal Metaphor. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
4. Golubkova, E. E., Taimur, M. P. (2020). Cognitive specificities of mixed multimodal metaphors: the recipe for cooking. Cognitive studies of language, 41, 385–389.
5. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretacji teksta i izobrazhenija. Konstruowanie i okulograficzny eksperyment = Secrets of interpretation of the text and image. Design and oculographic experiment. Moscow: R-Valent.
6. Fairclough, N. (1993). Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The Universities. Discourse Soc., 4, 122–169.
7. Fairclough, N. (1995). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. New York: Longman.
8. Forceville, C. (2009). Non-verbal and multimodal metaphor. In A Cognitivist Framework: Agendas for Research. Multimodal Metaphor, 2, 19–35.
9. Baranov, A. N. (2004). Metaphoric models as discursive practices. The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 63(1), 33–43.
10. Zhou Shan. (2014). Analiz social'noj reklamy kak kreolizovannogo diskursa = Analysis of social advertising as a created discourse: PhD in Philology. Beijing.
11. Wang Yuzhi. (2021). National-oriented automobile advertising in China. Litera, 12, 64–72.
12. Kress, G., Leeuwen, van T. (2001). Multimodal discourse. The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold.
13. Lim Fei V. (2007). The Visual Semantics Stratum: Making Meaning. In Royce, T. D., Bowcher, W. L. Sequential images. New Direction in the Analysis of Multimodal Discourse (pp. 195–213). Lawrence Erlbaum, Mahwah.
14. Tsai Chun. (2018). Social'no-kul'turnoe issledovanie izmenenija avtomobil'nogo reklamnogo teksta = Socio-cultural study of changes in the automotive advertising text. Changsha: Hunan Agricultural University.
15. Kan Yan. (2019). Sravnitel'nyj analiz kosmicheskogo reklamnogo teksta Kitaja i SShA s točki zrenija kul'turnyh cennostej = Comparative analysis of the cosmic advertising text of China and USA in terms of cultural values. Qingdao: Qingdao university Science/Tehnology.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Лиюань

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Liyuan

PhD Student at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.02.2023
26.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_130

Системно-функциональные характеристики новостной информации в китайских и российских интернет-порталах

Юань Минцин

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
1257736939@qq.com*

Аннотация. В работе выявляются системно-функциональные характеристики новостной информации в китайских и российских новостных веб-порталах с опорой на три метафункции дискурса (понятийная, межличностная и композиционная); при этом учитываются возможности языковой и визуальной модальностей. Контрастивный анализ системно-функциональных характеристик новостных статей с изображениями позволил выявить различия в полимодальных контекстах веб-порталов, обусловленные выбором сфер знаний, масштабом новости, характером адресации, способом передачи информации.

Ключевые слова: полимодальный критический дискурс-анализ, метафункция дискурса, новостной портал, изображение, системно-функциональные характеристики

Для цитирования: Юань Минцин. Системно-функциональные характеристики новостной информации в китайских и российских интернет-порталах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 130–138. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_130

Original article

Systemic-Functional Characteristics of News Information in Chinese and Russian Web-Portals

Yuan Mingqing

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
1257736939@qq.com*

Abstract. The paper explores systemic-functional characteristics of news information in Chinese and Russian web portals based on three discourse metafunctions (conceptual, interpersonal and compositional); both linguistic and visual (pictorial) modalities are considered. Contrastive analysis of systemic-functional characteristics of news articles with images helped identify the differences in multimodal context of web portals which appear in knowledge domains, news scale, news orientation, and information transfer type.

Keywords: multimodal critical discourse analysis, discourse metafunction, news portal, pictures, systemic-functional characteristics

For citation: Yuan Mingqing. (2023). Systemic-functional characteristics of news information in Chinese and Russian web-portals. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 130–138. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_130

ВВЕДЕНИЕ

С усилением открытости критического дискурс-анализа (CDA) к неязыковым модальностям и с возрастающей обращенностью полимодального дискурс-анализа (MDA) к интенциональности дискурса, в последнее десятилетие наблюдается интеграция CDA и MDA, в результате чего сформировалось новое направление дискурс-анализа – полимодальный критический дискурс-анализ (MCDA) [Machin, 2013; Djonov, Zhao, 2014]. В MCDA объект исследования включает не только языковую модальность, но и иные семиотические модальности, такие как изображение, звук и цветовую передачу информации; при этом предмет исследования не ограничивается способами передачи информации в разных модальностях, а расширяется до роли наддискурсивных факторов (таких как власть, идеология, культура и т. д.) в трансляции этой информации в новом контексте или при ее реконтекстуализации [Linell, 1998; Wu, Huang, Zheng, 2016].

В связи с тем, что новостной дискурс способен формировать информационную картину мира и оказывать воздействие на индивидуальное восприятие и общественное мнение [Добросклонская, 2016], существование особенностей реконтекстуализации информации будет, в первую очередь, обусловлено наддискурсивным культурно-идеологическим фактором.

Целью настоящей работы является установление влияния данного фактора на выбор системно-функциональных характеристик информации в китайских и российских интернет-порталах. Гипотеза исследования заключается в том, что культурно-идеологический фактор определяет выбор не только системно-функциональных характеристик информации, но и семиотической модальности их трансляции, языковой или визуальной.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из основных объектов исследования MCDA является реконтекстуализация, или перемещение элементов дискурса из одного контекста в другой контекст [Linell, 1998; Wu, Huang, Zheng, 2016]. Реконтекстуализация происходит с участием различных модальностей, например, языковой и визуально-изобразительной; ее реализация определяется такими наддискурсивными факторами, как идеология и власть [赵芑., 2021]. При этом на первый план выходит анализ самого контекста, в котором «оказывается» информация. Согласно

указанным установкам в настоящей работе под контекстом понимаются способы организации информации в источнике определенного типа (в нашем случае – в новостном веб-портале). В ходе анализа полимодального контекста применяется метод системно-функционального анализа [Zhang, O'Halloran, 2012], который позволяет установить особенности реконтекстуализации новостной информации с опорой на три метафункции языкового материала, указанные М. Халлидеем [Halliday, 1985]. В ходе анализа полимодального контекста применяется метод системно-функционального анализа [Zhang, O'Halloran, 2012], который позволяет установить особенности реконтекстуализации новостной информации с опорой на три метафункции, предложенные М. Халлидеем применительно к языковому материалу [Halliday, 1985] и далее получившие развитие применительно к анализу полимодального материала [O'Toole, 1994; Kress, Leeuwen, 1996; O'Halloran, 2004]. Для настоящей работы, обращаемой к изучению полимодального новостного дискурса веб-порталов, значимо, что три метафункции, понятийная (описывающая организацию областей знания), межличностная (устанавливающая способы структурирования социальных отношений) и композиционная (демонстрирующая способы передачи информации), могут быть использованы при анализе языковой и визуальной модальностей.

Материалом данной работы служат пять китайских официальных новостных веб-порталов: gmw.cn, People's Daily Online, Xinhuanet.cn, China.com.cn, Chinanews.com.cn, а также пять российских аналогичных новостных веб-порталов: АиФ, Ведомости, Известия, Коммерсант, Российская газета. За период с января по декабрь 2022 года методом случайной выборки из них был сформирован корпус из 296 китайских и 328 российских новостных статей, сохраняющихся в форматах JPG и webarchive. Они имеют структуру «заголовок (иногда и лид) + изображение + гиперссылка». В ходе анализа влияния культурно-идеологического фактора на выбор системно-функциональных характеристик информации использовалась следующая процедура:

- 1) уточнение состава функционально-семиотических характеристик в тексте и изображении;
- 2) аннотирование текста и изображения: поиск и установление частотности функционально-семиотических характеристик;
- 3) определение сходств и различий в реализации функционально-семиотических характеристик в тексте и изображении в китайских и российских новостных веб-порталах.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

На первом этапе в ходе анализа 624 статей был уточнен состав функционально-семиотических характеристик в тексте и изображении.

Так, понятийная метафункция может быть описана с опорой на две характеристики: 1) масштаб новостной информации и 2) тип сферы знания. По масштабу информации новости в портале могут быть рассмотрены как содержащие информацию о своей стране, о чужой (другой) стране, о своей и чужой (другой) странах, а также информацию, в которой отсутствует указание на «принадлежность» к некоторой стране. При определении масштаба информации мы руководствуемся языковыми и визуальными маркерами в составе новости. Например, названия стран, регионов, международных или региональных организаций, имена известных людей и слова с семантикой, отражающей социальную, национальную и культурную специфику в языковой модальности новостей могут быть использованы для определения масштаба новостной информации. В некоторых новостях помимо использования названий стран и регионов обнаруживаются дейктические (индексальные) маркеры, такие как *наша страна*, *отечество*, *внутри страны*. Отметим, что иногда встречается и комбинация «название страны + название региона». По сравнению с вариантом, в котором упоминается только «название региона» (см. рис. 1а *И тибетский Новый год*, и *Лунный Новый год прекрасны*), новости, в которых используется «название страны + название региона» (см. рис. 1б *Люди празднуют тибетский Новый год в китайском Тибете*), нацелены на большую аудиторию. Они транслируются для того, чтобы подчеркнуть суверенитет страны. В качестве визуальных маркеров для

определения масштаба новостной информации изображений служат различные иконические, индексальные и символические знаки, такие как флаги и символика стран, регионов, международных и региональных организаций (см. рис. 1в–е), фотографии известных людей (см. рис. 1ж), а также социальные, национальные и культурные символы, например, известные сооружения, символы валюты, традиционная одежда и т. д.

Инвентарь типов сфер знаний в новостной информации был разработан с учетом классификации новостей в навигации китайских и российских веб-порталов. Всего выделено 24 типа: законодательство и судебная власть, политика, партийные дела, финансы, экономика, производство, строительство, оборона и армия, природа и экология, транспорт, общество, образование, наука и технология, культура и история, медиа и развлечения, спорт, повседневная жизнь, личность и люди, мнение, статистика, спецпроекты, документы, маскированная реклама, неопределяемая сфера.

Рассмотрим некоторые примеры на рисунке 1. Изображение в новости на рисунке 1в не позволяет установить «принадлежность» к некоторой стране, возможно определить только сферу знания (природа и экология). Однако слово «惊蛰» (*пробуждение насекомых* – один из 24 китайских традиционных солярных терминов) в тексте демонстрирует культурно-специфическую семантику. В новости на рисунке 1г ни изображение, ни текст не имеют маркеров, по которым можно было бы определить принадлежность страны, но информация о сфере знаний новости передается средствами обеих модальностей. В визуальном компоненте новости на рисунке 1д показаны президент Франции Э. Макрон, государственный флаг Франции и флаг региональной организации Европейского Союза; в тексте

Рис. 1. Иллюстрации к анализу понятийной метафункции

Рис. 2. Иллюстрации к анализу межличностной метафункции

упоминаются название страны и имя ее президента. В визуальном компоненте новости на рисунке 1е изображен флаг Украины, в текстовой части обнаруживаем наименования *Украина* и *американцы*. Таким образом, информация о стране в новостях на рисунках 1д и 1е реализована языковым и визуальным компонентами одновременно, но сферы знаний этих новостей в основном определяются языковой модальностью. Новости на рисунках 1ж и 1з демонстрируют информацию о своей и чужой стране. В тексте новости на рисунке 1ж встречаем имя известного украинского банкира и наименование страны *Россия*, на изображении присутствуют флаги России и Украины. В 1з текст вместе с изображением освещает информацию о стране и тему новости; при этом текст новости (*флаг получен из Пекина, встретимся в Италии в 2026 году*)¹ содержит информацию о масштабе новости, а передача информации о сфере знаний в основном осуществляется посредством визуальной модальности.

Межличностная функция может быть описана с помощью двух характеристик: 1) типа адресации и 2) способа передачи информации. По типу адресации новостные статьи могут быть разделены на массовые и специализированные. В качестве языковых маркеров специализированной адресации выступают наименования, термины и переключения языкового кода, для понимания которых читатели должны обладать знаниями в соответствующей области. В собранном корпусе переключение

языковых кодов в китайских и российских новостных статьях осуществляется только с родного языка на английский. Переключение языкового кода в специализированной новости может быть полным или частичным. В китайских новостных веб-порталах чаще используется полное переключение, нежели в российских, т.е. присутствует полный перевод всей новостной статьи на английский язык. Кроме того, специализированная адресация также проявляется в визуальных маркерах, например, в изображениях людей или объектов, известных только узкой аудитории.

Способ передачи информации подразумевает присутствие ее интерактивной или неинтерактивной формы в тексте и в изображении. Так, наличие некоторых языковых маркеров, в том числе вопросительных предложений, побудительных предложений (см. рис. 2г), риторических вопросов, обращений, модальных слов и эмоциональных оценочных слов (см. рис. 2д *Граждане Бангладеш сушат перец чили оживленно*), а также включение потенциального читателя в состав тех заинтересованных участников события, о котором идет речь в статье (см. рис. 2е *«Король пластиковых отходов» США снимает с себя обвинения, подвергая опасности мир*), имитирует коммуникацию с читателями. Визуальные маркеры интерактивной адресации новостей можно подразделить на два типа. Маркеры первого типа – взгляд, мимика и жесты участников изображений, которые нацелены на стимулирование эмоциональной вовлеченности читателя [Kress & van Leeuwen, 1996] (см. рис. 2з). Второй тип – фиктивное интерактивное

¹ Зд. и далее перевод наш. – Ю. М.

общение между новостными веб-порталами и читателями с помощью технических средств, таких как возможность автоматического увеличения изображения (см. рис. 2е, 2з), использование движущихся изображений в формате JPG (см. рис. 2й, 2к, 2л) и добавление знака воспроизведения видео с гиперссылкой. Причем установка на фиктивную интерактивность характерна именно для онлайн формата новостных порталов (в противоположность традиционному бумажному формату газет).

Рассмотрим подробнее новости, приведенные на рисунке 2. Переключение языкового кода с использованием имени собственного *X5 Group* в текстовом компоненте на рисунке 2а придает данной новости специализированный характер. В новости на рисунке 2б используется относительно редкое название «雪游龙» (*снежный плавающий дракон*) для обозначения Национального центра снегоходов и санного спорта. При этом в данной новостной статье также присутствует личное местоимение первого лица *ты* в языковой модальности в составе изображения, реализующее функцию непрямого обращения к читателю. В визуальном компоненте на рисунке 2в хотя и показаны известные

только узкой аудитории компоненты спутников, но в тексте при этом используются вопросительное предложение и модальное слово *нужно*, что повышает интерактивность новости, придавая ей, таким образом, массовый характер.

Композиционная метафункция может быть описана с помощью анализа особенностей взаимодействия компонентов языковой и визуальной модальностей при реализации ими понятийной и межличностной метафункций. Таким образом, анализ композиционной метафункции проводится при установлении особенностей трансляции информации средствами обеих модальностей.

На втором этапе анализа проведено аннотирование текста и изображения в 296 новостных статьях с изображениями на 10 порталах китайских новостных сайтов и в 328 новостных статьях с изображениями на 10 порталах российских новостных сайтов в программе Microsoft EXCEL. В ходе последующего анализа новостных статей установлена частотность указанных выше функционально-семиотических характеристик средствами обеих модальностей. Приведем результаты анализа в таблице 1 и на рисунках 3а и 3б.

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НОВОСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

			китайские	русские
Языковая модальность	Масштаб информации	о своей стране	202 (68,2 %)	165 (50,3 %)
		о чужой стране	20 (6,7 %)	33 (10%)
		о своей и чужой стране	2 (0,6 %)	66 (20.1%)
		отсутствует указание	72 (24,3 %)	64 (19,5 %)
	Характер адресации	массовая	181 (61,1 %)	183 (55,7 %)
		специализированная	115 (28,8 %)	145 (44,2 %)
	Способ передачи информации	неинтерактивный	192 (64,8 %)	214 (65,2 %)
		интерактивный	104 (35,1 %)	114 (34,7 %)
Визуальная модальность	Масштаб информации	о своей стране	80 (27,0 %)	51 (15,5 %)
		о чужой стране	7 (2,3 %)	20 (6,0 %)
		о своей и чужой стране	2 (0,6 %)	10 (3,0 %)
		отсутствует указание	207 (69,9 %)	247 (75,3 %)
	Характер адресации	массовая	203 (68,5%)	214 (65,2 %)
		специализированная	93 (31,4 %)	114 (34,7%)
	Способ передачи информации	неинтерактивный	144 (49,6 %)	315 (96,0 %)
		интерактивный	152 (51,3 %)	13 (3,9 %)

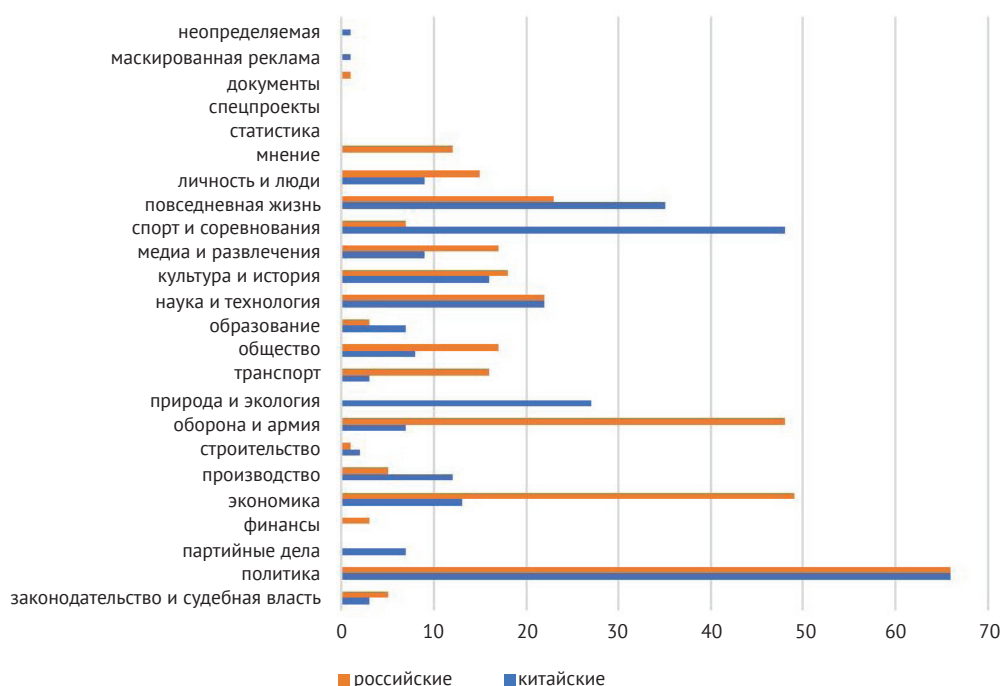

Рис. 3а. Частотность сфер знания в языковой модальности

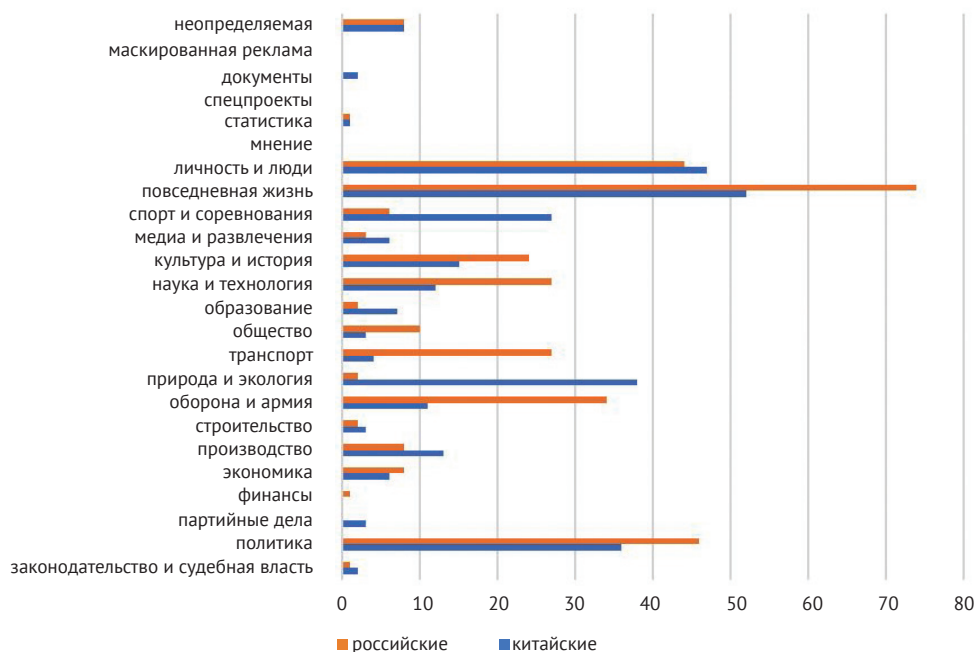

Рис. 3б. Частотность сфер знания в визуальной модальности

В таблице 1 показана частотность таких системно-функциональных характеристик новостной информации, как масштаб информации, характер адресации и способ передачи информации средствами обеих модальностей. Частотность сфер знания новостной информации представлена на рис. 3а и 3б.

На третьем этапе анализа устанавливаются сходства и различия в реализации функционально-семиотических характеристик в тексте и изображении в китайских и российских новостных веб-порталах.

Вначале приведем основные выводы о реализации данных характеристик с помощью языковой

модальности. Как следует из таблицы 1, по масштабу информации и в китайских, и в российских порталах преобладают новости о своей стране. Однако если количество китайских новостных статей о своей стране составляет 68,2%, доля статей о своей стране в российских изданиях значительно ниже. В отличие от китайских российские новостные порталы уделяют преимущественное внимание не-национальным новостям, а также новостным статьям о своей и чужой стране (составили 20,1% от общего объема анализа).

Из рис. 3а и 3б следует, что политика, наука и технология, повседневная жизнь являются важными сферами знаний веб-порталов обеих стран. Однако китайские новостные порталы больше внимания уделяют спорту и соревнованиям, природе и экологии, производству, а российские новостные сайты – экономике, обороне и армии, транспорту. Предположительно, это обусловлено идеологическими установками и текущей политической ситуацией в России, с одной стороны, и в Китае – с другой.

В отношении характеристик адресации можно утверждать, что новостные статьи в китайских и российских порталах ориентированы преимущественно на массовую аудиторию. Однако специализированные новости на российских новостных сайтах представлены в большей степени, нежели на китайских (на 15,4% выше). Означенное статистическое различие российских и китайских новостных сайтов может быть связано с отмечавшейся ранее установкой на широкий охват читателей в китайских веб-порталах. Возможно также, в силу текущей политической ситуации в России российские читатели в целом лучше «ориентируются» в таких сферах, как политика и оборона и армия, о которых часто приводится специализированная информация.

По способу передачи информации количество интерактивных и неинтерактивных новостей в китайских и российских порталах различаются незначительно. Тем не менее по некоторым параметрам китайские и российские порталы отчетливо разнятся. Так, в китайских новостных порталах количество интерактивных новостей, содержащих эмоциональные оценочные слова, составляет 12,16% от общего числа проанализированных новостей; на количество интерактивных новостей, содержащих обращения, приходится 6,76% от общего числа; количество интерактивных новостей с риторическими вопросами составляет 8,78% от общего числа; количество новостей, включающих повелительные предложения, составляет 7,43%. В то же время в российских новостных порталах количество статей, использующих вопросительные предложения, составляет 23,78% от общего числа

публикаций; количество новостных статей с эмоциональными оценочными словами составляет 12,5% от общего числа, а остальные интерактивные средства встречаются намного реже. Полученные данные позволяют говорить о различиях в языковых средствах организации интерактивной информации.

Были системно проанализированы и особенности реализации системно-функциональных характеристик в визуальной модальности.

Сравнительный анализ российских и китайских СМИ показывает, что в российских статьях доля изображений с информацией о чужой стране выше, нежели в китайских. При этом доля изображений, демонстрирующих информацию о своей стране, составляет лишь 15%, что намного ниже китайских показателей частотности упоминания или показа КНР (27%). Кроме того, мы отметили, что доля изображений, у которых отсутствуют визуальные маркеры масштаба информации, в российских порталах выше, нежели в китайских. Как мы указали ранее, для языковой модальности такое отсутствие не характерно.

В отношении сфер знаний было отмечено, что и в китайских, и в российских веб-порталах частотны сцены из повседневной жизни. Показательно также то, что доля изображений, соотносимых со сферами политики, личности и людей, в китайских и российских порталах не сильно различается. Стоит отметить, что на китайских новостных сайтах намного больше изображений, посвященных природе и экологии, нежели на российских новостных сайтах.

По характеру адресации количество изображений, ориентированных на массовую аудиторию, в российских порталах составляет 68,5% от общего числа визуальных феноменов; сходный показатель наблюдается и в китайских статьях. Однако обнаружены значимые различия в способе передачи информации. При стимулировании интерактивности порталы российских новостных сайтов склонны преимущественно к использованию «языковой» интерактивности, тогда как порталы китайских новостных сайтов предпочитают взаимодействовать с пользователями посредством интерактивности изображений. Интерактивные изображения в китайских статьях составили 51,3% от общего числа, в то время как в российских порталах на их долю пришлось лишь 3,9%. Основной причиной указанного различия является применение технических способов фиктивного общения. Три из пяти китайских веб-порталов (gmw.cn, people.com.cn, xinhuanet.com) имеют эффект автоматического увеличения при наведении мыши на изображение, при этом некоторые порталы (people.com.cn,

xinhuanet.com, chinanews.com.cn) также содержат множество динамических изображений или изображений со значками «играть видео».

Итак, китайские новостные веб-порталы уделяют преимущественное внимание освещению «внутренних» новостей и более склонны транслировать китайскую культуру, чем «впускать» иностранную культуру. Кроме того, они ориентированы на широкую читательскую аудиторию. В китайских веб-каналах используются технические и языковые способы привлечения читателей, действуют технологии, стимулирующие внимание читательской аудитории к собственно китайским проблемам. Российские новостные порталы, напротив, ориентированы преимущественно на получение новостей из других стран и усиление специализированного характера новостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, примененный метод системно-функционального анализа, опирающийся на выявление

показателей трех метафункций в языковой и визуальной модальностях, оказался эффективным для анализа особенностей реконтекстуализации информации в новостных веб-порталах. В данной работе указанный метод позволил провести контрастивный анализ особенностей системно-функциональной организации информации в китайских и российских интернет-порталах и выявить ряд значимых различий между ними. Проведенный на материале 624 новостных статей анализ показал, что означенные различия проявляются как в масштабе информации, сфер знания, характера адресации и способа передачи информации, так и в трансляции данных характеристик средствами языковой и визуальной модальностей. В связи со сказанным можно полагать, что MCDA как исследовательская парадигма способна решить многие научные проблемы, связанные с организацией информации в новостном интернет-дискурсе, определяемом одновременно и культурно-идеологическим фактором, и фактором полимодальной трансляции информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Machin D. What is multimodal critical discourse studies? // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10 (4). P. 347–355.
2. Djonov E., Zhao S. *Critical multimodal studies of popular discourse*. London: Routledge, 2014.
3. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in Professional discourse // *Text & Talk*. 1998. Vol. 18(2). P. 143–158.
4. Wu J., Huang S., Zheng R. Recontextualization and transformation in media discourse: An analysis of the First-Instance Judgment of the Peng Yu Case // *Discourse & Society*. 2016. Vol. 27(4). P. 441–466.
5. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // *Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : сборник научных работ II Международной научно-практической конференции и II Международного научного семинара / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского*. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2016. С. 13–22.
6. 赵芑. 从“再情景化”到“指向秩序”—批评话语研究概念性工具的新发展 // *外语与外语教学 = Чжао Пэн. От «реконтекстуализации» к «индексальному порядку»: новое развитие концептуальных инструментов для исследования критического дискурса* // *Далень: иностранные языки и преподавание иностранных языков*. 2021. Vol. 03. С. 23–30.
7. Zhang Y. Q., O' Halloran K. L. The gate of the gateway: The hypermodal approach to university homepage // *Semiotica*. 2012. Vol. 190. P. 87–109.
8. Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Arnold, 1985.
9. O'Toole M. *The language of displayed art*. London: Leicester University Press, 1994.
10. Kress G., Leeuwen van T. *Reading images: The grammar of visual design*. London: Routledge, 1996.
11. *Multimodal discourse analysis: systemic functional perspectives* / ed. by K. L. O'Halloran. London: Continuum, 2004.

REFERENCES

1. Machin, D. (2013). What is multimodal critical discourse studies? *Critical Discourse Studies*, 10(4), 347–355.
2. Djonov, E., Zhao, S. (2014). *Critical multimodal studies of popular discourse*. London: Routledge.

3. Linell, P. (1998). Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in Professional discourse. *Text & Talk*, 18(2), 143–158.
4. Wu, J., Huang, S., Zheng, R. (2016). Recontextualization and transformation in media discourse: An analysis of the First-Instance Judgment of the Peng Yu Case. *Discourse & Society*, 27(4), 441–466.
5. Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoy diskurs kak ob'yekt medialingvisticheskogo analiza = News discourse as an object of media linguistic analysis. In Kozhemyakin, Ye. A., Polonskij, A. V. (eds.), *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* (pp. 13–22): collection of papers. II International scientific conference and II International scientific seminar. Belgorod: Izdatel'skiy dom "Belgorod". (In Russ.)
6. 赵芑. (2021). 从“再情景化”到“指向秩序”——批评话语研究概念性工具的新发展. *外语与外语教学* = Zhao, P. (2021). From recontextualization to indexical order: New development of conceptual tools of critical discourse studies. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 03(318), 23–30.
7. Zhang, Y. Q., O'Halloran, K. L. (2012). The gate of the gateway: The hypermodal approach to university homepage. *Semiotica*, 190, 87–109.
8. Halliday, M. A. K. (1985). *An introduction to functional grammar*. London: Arnold.
9. O'Toole, M. (1994). *The language of displayed art*. London: Leicester University Press.
10. Kress, G., Leeuwen, van T. (1996). *Reading images: The grammar of visual design*. London: Routledge.
11. O'Halloran, K. L. (ed.). (2004). *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives*. London: Continuum.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юань Минцин

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuan Mingqing

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.02.2023
20.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Два подхода к средневековой поэзии: редакторские концепции антиквариев XVIII–XIX веков

Е. И. Колосова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

kolosova@inion.ru

Аннотация. Поиски истоков английского средневекового романа в стихах в Великобритании приходится на период 1760–1860 годов. Среди английских собирателей фольклора в лице Т. Перси и Дж. Ритсона оформились два взаимно противоположных подхода к редактированию старинных рукописей. Оба редакторских метода, при своих радикальных различиях, имели немало общего с текстологическими практиками XVII–XVIII веков. В статье анализируются вышеуказанные редакторские методы, а также их влияние на эдичонные практики XIX века.

Ключевые слова: антиквари, баллада, романы в стихах, средневековая поэзия, Томас Перси, Джозеф Ритсон, Вальтер Скотт, история среднеанглийского языка

Для цитирования: Колосова Е. И. Два подхода к средневековой поэзии: редакторские концепции антиквариев XVIII–XIX веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 139–145. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_139

Original article

Two Approaches to Medieval Poetry: Antiquarians' Editorial Practices in the 18th–19th Centuries

Ekaterina I. Kolosova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

kolosova@inion.ru

Abstract. In 1760–1860 British scholars looked for the origins of the English metrical romances. At the end of the 18th century, in their writings and collections of ancient poetry, they explained their editorial approaches. Among the English collectors of early and medieval poetry, two editorial approaches developed under the influence of T. Percy and J. Ritson. The article examines their editorial approaches, as well as their influence on the 19th century editorial practices.

Keywords: antiquarians, ballad, metrical romance, medieval poetry, Thomas Percy, Joseph Ritson, Walter Scott, history of Middle English

For citation: Kolosova, E. I. (2023). Two Approaches to Medieval Poetry: Antiquarians' Editorial Practices in the 18th–19th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 139–145. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_139

ВВЕДЕНИЕ

В Великобритании расцвет интереса к средневековой литературе, в частности к балладам и романам в стихах, приходится на 1760-е годы, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, в 1753 году был основан Британский музей с последующей публикацией его каталога сокровищ в 1759 году, что сделало сотни рукописей доступными для заинтересованных исследователей. Во-вторых, труды таких видных ученых, как Томас Уортон (Thomas Warton, 1728–1790) и Томас Перси (Thomas Percy, 1729–1811) способствовали популяризации средневековой литературы не только у ученой публики, но и в широкой читательской аудитории. Антикварианизм и текстология, укрепившие свои позиции в XVIII столетии, способствовали тому, что для английских книгоиздателей с коммерческой точки зрения стали привлекательны собрания старинной поэзии [Sweet, 2004]. Так, постепенно результаты исследований средневековой литературы распространились за пределы научного сообщества. Данный феномен медиевисты Дж. Феррант (Joan M. Ferrant) и Р. Хэннинг (Robert W. Hanning) охарактеризовали как «перенаправленный гуманизм» (*redirected humanism*) [цит. по: Damico, 1995, с. 19], который бросил вызов статусу греко-римского наследия. Первые английские текстологи, например, Ричард Бентли (Richard Bentley, 1662–1742), занимались преимущественно античными и религиозными текстами, однако актуальность национального вопроса подтолкнула ученых и антиквариев к обнаружению лакуны в изучении истории родной литературы.

Во второй половине XVIII века было опубликовано большое количество поэтических собраний, например: «Памятники древней английской поэзии» Перси (*The Reliques of Ancient English Poetry*, 1765), «Некоторые образцы поэзии древних валлийских бардов» Эвана Эванса (*Some Specimens of the Poetry of the Ancient Welsh Bards*, 1764); сборники, подготовленные Джозефом Ритсоном, включая его знаменитый труд «Робин Гуд: собрание всех древних стихотворений, песен и баллад, дошедших до нас, и связанных с этим знаменитым английским разбойником» (*Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw*, 1795), «Избранные шотландские баллады» Джона Пинкертон (*Select Scottish Ballads*, 1783), «Образцы древнеанглийских поэтов» Джорджа Эллиса (*Specimens of the Early English Poets*, 1790) и др. Внимание собирателей фольклора было приковано преимущественно к кельтской поэзии и балладам, а не к романному жанру, однако, собрания

баллад, романов в стихах, или сборники, включающие в себя образцы обоих жанров, с 1790-х годов начали издаваться регулярно.

Возрождение национального фольклора и поиски истоков английского средневекового романа в стихах приходятся на период 1760–1860 годов. Данное столетие в филологии характеризуется выработкой новых методов исследований и включением в университетскую программу образцов старинной поэзии. Размышления об их ценности, о наилучших способах их редактирования и издания можно встретить в большинстве трудов британских ученых и антиквариев конца XVIII века, чье представление об историческом прошлом и о средневековых текстах отличалось от современного. На начальном этапе, в стремлении опубликовать наибольшее количество найденных поэтических текстов ученые часто уравнивали в статусе баллады, средневековые поэмы и романы в стихах. Например, в первом томе «Истории английской поэзии» (*The History of English Poetry, from the Close of the Eleventh to the Commencement of the Eighteenth Century*, 1774–1781) Уортон объединил в одном разделе ранние любовные песни (*Earliest Love-songs*), сатирические стихи и рыцарский роман в стихах «Король Горн» (*King Horn*). И хотя, как показал Г. Х. Джерулд [Gerould, 1957], романы в стихах и баллады – это разные жанры, в XVIII веке между ними не проводили четкой границы. Означенная тенденция связана с тем, что издатели средневековых текстов, нередко сочетавшие свою практическую деятельность с антикварными и текстологическими исследованиями, в большей степени интересовались историей рукописей и их атрибуцией, нежели решением собственно издательских задач.

По мере актуализации вопроса о редактировании старинных поэтических произведений были выявлены и серьезные пробелы в изучении среднеанглийского языка. Например, британские антиквари долго время путали среднеанглийский с различными диалектами, как им казалось, саксонского языка [Matthews, 1999]. Джордж Хикс (George Hickes, 1642–1715) в своем «Тезаурусе северных языков» (*Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archaeologicus*, 1705) даже разделял «даносаксонский язык» (*Dano-Saxon*), на котором говорили на севере Англии после вторжения викингов, и «норманно-саксонский язык» (*Norman-Saxon*), на котором разговаривало английское население после Нормандского завоевания. Таким образом, по Хиксу, современный английский язык приходит на смену одному из вариантов саксонского языка [Matthews, 1999]. Томас Уортон в «Истории

английской поэзии» использовал аналогичную терминологию: по его версии, «датский саксонский» (Danish Saxon) пришел на смену «саксонскому» (Saxon) после вторжения викингов, затем, после Нормандского завоевания, распространился «норманнский саксонский» вариант. Что следует за «норманнским саксонским», Уортон не уточнял. Однако из более поздних изданий его «Истории» следует, что современный английский язык сформировался в период правления Генриха II. Данные примеры подчеркивают, что изучение среднеанглийского языка в XVIII веке играло существенную роль для редактирования и издания средневековых текстов, потому что древние рукописи часто изобиловали неточностями, опечатками, пропущенными словами, а то и целыми строками, которые требовали реконструкции. В то время научное сообщество еще не выработало единой позиции по вопросу статуса среднеанглийского языка, поэтому текстологи, антиквари и издатели средневековых английских текстов нередко выступали в качестве лингвистов, излагая свои взгляды на историю английского языка и письменности в комментариях, примечаниях и предисловиях к собраниям фольклорных произведений.

На излете XVIII века среди английских собирателей старинных баллад и романов в стихах под влиянием Томаса Перси и Джозефа Ритсона (Joseph Ritson, 1752–1803) оформилось два противоположных друг другу редакторских подхода к древним рукописям, имевших немало общего с текстологическими практиками XVII–XVIII веков.

ВОЗРОЖДАЯ ИНТЕРЕС К СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ: РЕДАКТОРСКИЙ МЕТОД ТОМАСА ПЕРСИ

Томас Перси, антикварий и епископ Дромора, был одним из самых видных ученых своего времени. Его литературная карьера началась с перевода китайского романа XVII века «История счастливой четы» (*Hau Kiou Chooan*, 1761), который не был по достоинству оценен современниками. Лишь в XX веке исследователи признали, что Перси был первым, кто открыл для Европы это важное произведение китайской литературы [Dennis, 1942]. Во время поисков издателя для своего первого перевода антикварий столкнулся с рядом трудностей, которые впоследствии оказали влияние на его редакторские методы. Например, английский издатель Р. Гриффитс (Ralph Griffiths, 1720–1803) заинтересовался китайским романом, однако заметил, что с коммерческой точки зрения точный перевод не будет востребован [Dennis, 1942].

Данное обстоятельство побудило Перси сделать еще один перевод, более вольный. В это же время антикварий вступил в переписку с английским поэтом У. Шенстоном (William Shenstone, 1714–1763) по поводу переводов старинных баллад. Итогом их сотрудничества стало собрание «Памятники старинной английской поэзии» (*Reliques of Ancient English Poetry*, 1765).

Предпосылкой к созданию «Памятников» послужило обнаружение так называемого «Фолио Перси» (Percy folio manuscript) – рукописи, которую антикварий якобы нашел «лежащей в грязи на полу, под комодом в гостиной» [Percy, 1867, с.74] в доме своего друга Х. Питта (Humphrey Pitt). Рукопись содержала несколько сотен поэтических текстов, преимущественно балладного жанра. По-видимому, манускрипт был составлен около 1650 года и включал тексты, записанные составителем по памяти и устным преданиям.

Первым делом Перси поделился находкой со своими близкими друзьями – С. Джонсоном (Samuel Johnson, 1709–1784) и У. Шенстоном, которые посоветовали опубликовать найденные материалы. Незамедлительно разгорелась дискуссия о том, как лучше всего это сделать: Шенстон не советовал другу публиковать рукопись в «первозданном» виде, поскольку не видел в ней собственной художественной ценности. Он опасался, что такая публикация не вызовет читательского интереса, в то время как «правильное и элегантное собрание подобных произведений» [Percy, 1909, с. 46] вполне могло бы прийтись по вкусу искушенной публике и привлечь внимание к национальному фольклору. Джонсон посоветовал Перси прокомментировать избранные отрывки из рукописи [Percy, 1909, с. 53].

По зрелом размышлении антикварий решил последовать советам обоих друзей. В 1801 году он послал шотландскому антикварию Р. Джеймисону (Robert Jamieson, 1772–1844) копию фрагмента из «Фолио» с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «В древнем фолио Вы увидите старинный текст в его неполноценном и далеком от правильности состоянии. И какое же жестокое требование к редактору «Памятников» – попытаться внести исправления, которые могут быть осуждены одним или двумя суровыми критиками, но без которых сборник не заслуживал бы ни минуты внимания» [Percy, 1891, с. 88].

Перси стремился редактировать древние поэтические тексты таким образом, чтобы они соответствовали вкусам современных ему читателей. Все включенные в «Памятники» произведения по его замыслу должны были быть цельными и ясными как с композиционной, так и лингвистической

точек зрения, что требовало значительного редакторского вмешательства в старинный текст. Д. Хейлз и Ф. Фернивал, издавшие «Фолио Перси» в XIX веке, иронично заметили во вступительной статье, что «Перси смотрел на свой текст как на юную селянку с растрепанными кудрями, которую требовалось сделать достойной светского общества» [Percy, 1867, с. 16].

Исправления Перси, как правило, не вредили сюжету произведения. Их цель заключалась в усовершенствовании стихотворного ритма или рифмы, а также в частичной модернизации языка. О редактуре такого рода Перси не считал нужным даже упоминать в комментариях или примечаниях. Так, во вступительном примечании к «Мальчику и мантии» (The Boy and the Mantle) антикварий утверждал, что баллада «печатается дословно со старой рукописи, поименованной в предисловии» [Percy, 1886, с. 133]. Тем не менее 9 из 194 строк подверглись редакторским исправлениям. Например, в строке «I tell lords in this hall, / I hett you all to heate» [Percy, 1867, сс. 17–18] (Я говорю лордам в этом зале, я желаю вам всем здоровья) Перси заменил слово «heede» на «heate»; а строка «To the mantle shee her biled» [Percy, 1867, с. 33–34] превратилась в «To the mantle she her hied» [Percy, 1886, с. 7] (К мантии, которую она носила). Причем исправления не всегда были столь незначительными. Например, в собрании содержится фрагмент баллады «Смерть короля Артура», в который Перси добавил несколько строк из романа в стихах «Смерть Артура» (Le Morte d'Arthur), смешав таким образом тексты двух разных жанров.

В то же время следует отметить, что Перси не во всех произведениях модернизировал орфографию. В «Памятниках» включены как английские, так и шотландские баллады, которые редактор не захотел лишать национального колорита: «Ричард из Алеманнии» (Richard of Almaigne) или «На смерть короля Эдуарда I» (On the Death of K. Edward I) [Percy, 1767, с. 1–10] точно воспроизводили рукописный источник. Антикварий стремился продемонстрировать все разнообразие национального фольклора, не превращая старинные тексты в их современную версию. То, что впоследствии было названо критиками «манипуляциями», судя по личным письмам антиквария и его комментариям к балладам, стало следствием его намерения возродить интерес к забытому фольклорному наследию.

В 1765 году был опубликован третий том «Памятников», содержащий эссе «О древних романах в стихах» (*On the Ancient Metrical Romances*), в заключительной части которого

Перси приводит аргументы в пользу публикации своего собрания:

Поскольку многие из этих рассказов в стихах и романов обладают неоспоримыми поэтическими достоинствами и проливают свет на нравы и мнения прежних времен, хотелось бы надеяться, что лучшие из них будут спасены от забвения. Разумно и аккуратно изданное собрание, с надлежащими иллюстрациями, стало бы важным дополнением к нашему запасу старинной английской литературы ... Такая публикация решает сразу много важных задач, но главное – проливает свет на развитие английской поэзии, историю которой можно понять лишь отчасти, если пренебречь ими [средневековыми поэтическими произведениями] [Percy, 1886, с. 354–355]¹.

Приведенный отрывок отражает подход большинства ученых конца XVIII века к средневековым текстам, согласно которому внимание к малоизвестным и «варварским» произведениям искусства оправдывалось не их эстетической ценностью, а пользой для исторического познания. Тем не менее для Перси было важно отредактировать текст таким образом, чтобы доставить современному читателю эстетическое удовольствие. Прежде всего, художественный (а не научный) способ привлечь внимание публики к средневековому культурному наследию для Перси всегда являлся наиболее действенным.

ДЖОЗЕФ РИТСОН: ПОЛЕМИСТ И «КОНСЕРВАТОР» В ПОИСКАХ НАУЧНОЙ ПРАВДЫ

В обращении к читателям «Старинных английских романов в стихах» (*Ancient Engleish Metrical Romanceës*, 1802) Джозеф Ритсон ссылается на эссе Перси, чтобы обосновать «характер, важность и пользу такого издания» [Ritson, 1802, с. 1]. Однако его собственная редакторская концепция значительно отличается от того, что предлагал Перси.

М. Сантини проводит границу между «концом XVIII века, который характеризуется теоретическими исследованиями о происхождении романтической литературы», и наукой начала XIX века, «в которой преобладают собрания рыцарских романов и другие старинные материалы» [Santini, 2010, с. 10]. Ритсон в своем труде объединил оба исследовательских подхода. В «Трактате о романе и поэзии менестрелей» (*Dissertation on romance and minstrelsy*), который предпослан поэтическому материалу, Ритсон вступает в спор с Перси

¹ Зд. и далее перевод наш – Е.К.

относительно того, как правильно обращаться со средневековыми текстами.

Ритсон не призывает полностью отказаться от редакторского вмешательства в авторский замысел и авторский текст, но настаивает на необходимости полного отражения в комментариях и примечаниях любых исправлений и дополнений – в противном случае составитель собрания рискует своей репутацией. Чтобы в полной мере понять претензии, которые ученый адресовал Перси и другим собратям по цеху, следует охарактеризовать его подход к средневековому материалу.

Биограф Ритсона Бронсон отметил, что период между 1776 и 1781 годом сыграл большую роль в его карьере. В это время в жизни Ритсона почти не было «внешних событий», потому что все его внимание направлено на исследовательскую деятельность:

Он стал одним из самых просвещенных людей своего времени в таких областях, где точное знание было особенно трудно достижимо, и был готов бросить вызов миру науки как знаток самых запутанных периодов истории английской литературы [Bronson, 1938, с. 56].

По «Реестру рукописей, отправленных в читальный зал Британского музея» (Register of Manuscripts Sent to the Reading Room of the British Museum) Т. МакНатт установила, как часто Ритсон использовал коллекции рукописей Британского музея, а его корреспонденция и неопубликованные труды проливают свет на исследования, которые ученый проводил в иных местах [McNutt, 2018]. Как показала МакНатт, между первым отмеченным в реестре запросом Ритсона в апреле 1776 года и его вторым запросом в августе 1782 года, когда он сообщил другу о публикации «Примечаний к первым трем томам “Истории английской поэзии” Т. Уортона» (*Observations on the three first volumes of the history of English poetry by T. W. in a letter to the author, 1782*), ученый запросил около 590 рукописей. Он посещал читальный зал не менее трех раз в неделю, но еще более любопытно то, что Ритсон запрашивал по две рукописи сразу и возвращал их либо в тот же день, либо на следующий. Такой интенсивный темп работы Ритсона говорит о том, что антикварий переписывал материалы для своих будущих собраний. Спустя некоторое время он возвращался к конкретным рукописям, предположительно изучая их более подробно и делая расшифровки.

Исследователь Дж. Лирссен отметил, что обнаружение прежде неизвестных старинных манускриптов в XVIII века происходило по мере того, как

коллекции переходили из частного пользования в общественное достояние [Leerssen, 2004]. До конца века деятельность антиквариев основывалась на доступе к частным коллекциям или на личных контактах в среде ученых, имеющих доступ к тем или иным архивам. Однако процесс обнаружения манускриптов ускорился в XIX веке, когда ученых начали официально отправлять на фольклорные экспедиции. Доступные Ритсону источники уступали по богатству и разнообразию текстовому материалу, добытому в результате фольклорных экспедиций, хотя Ритсон по-прежнему оставался одним из наиболее осведомленных исследователей-фольклористов своей эпохи.

Наиболее подробно суть своего подхода к средневековому материалу Ритсон изложил как раз в противопоставлении подходу Перси: «Исправлять очевидные ошибки неграмотного переписчика, восполнять непоправимые недостатки и разбираться в бессмыслице – все это, несомненно, является важными обязанностями редактора старинной поэзии; при условии, что он действует честно и открыто. Но сокрытие источников и вкрапление в текст авторских домыслов ради потворства вкусам искушенных читателей не следует считать доказательством рассудительности, открытости или честности [редактора]» [Ritson, 1802, с. 109]. Методы редактора «Памятников» он считал нечестным и, более того, вредными, потому что Перси, по его мнению, заводил в тупик читателей: «Удовольствие, которое они [читатели] получают, исходит от идеи старины, каковая, на самом деле, является совершенной иллюзией ... по моему твердому убеждению, ни один абзац [«Памятников»] не был напечатан добросовестно от начала до конца» [Ritson, 1802, с. 141–142].

Из «Трактата о романе и поэзии менестрелей» становится ясно, что редакторский метод Ритсона чрезвычайно консервативен. Он вносил лишь минимальные изменения в текст: заменял устаревшие графические символы на более современные и в отдельных случаях модернизировал пунктуацию. И пусть для широкой аудитории средневековая орфография представляла серьезное препятствие при знакомстве с текстом, для Ритсона она служила инструментом верной датировки поэтического произведения. Антикварий стремился датировать и снабжать подробным комментарием каждый публикуемый им текст. В последнем томе «Романов в стихах» он прибегает даже к палеографическому анализу, чтобы по форме буквы определить приблизительную дату создания произведения.

Вальтер Скотт (Walter Scott, 1771–1832) высоко оценивший заслуги Ритсона, написал рецензию в «Эдинбург Ревью» (Edinburgh Review), в которой

утверждал, что собрание романов в стихах Ритсона и «Образцы ранних английских романов в стихах» (*Specimens of Early English Metrical Romances*, 1805) Джоржа Эллиса (George Ellis, 1753–1815) идеально дополняют друг друга. По его мнению, Ритсон взял на себя «важную задачу упорядочения и исправления текстов этих стихотворений» [Scott, 1806, сс. 38–413], которую выполнил с большим усердием, трудолюбием и точностью. Однако редакторский подход Ритсона показался Скотту менее подходящим для широкой публики, поэтому сам он взял на вооружение метод «реконструкции» фольклорного текста Перси. По мнению фольклориста Ч. Г. Зага [Zug, 1976], во время работы над собранием «Песен шотландского пограничья» (*Minstrelsy of the Scottish Border*, 1802–1803) Скотт вдохновлялся опытом Перси и во многом следовал его примеру. Полностью в его духе Скотт извинялся перед своим читателем за «чрезмерную педантичность», афишируя лишь некоторые источники своих баллад. Подобная тактика импонировала Скотту, полагавшему, что большинство дошедших до нас старинных текстов являются искажениями или фрагментами некогда утраченных оригинальных старинных текстов. Уцелевшие образцы, по его мнению, не могут идти в сравнение с той «полной» версией, которую мог создать умелый составитель-редактор с опорой на научную и творческую интуицию.

Большинство публикаторов баллад XIX века, среди которых были У. Матервелл (William Motherwell, 1797–1835) и Ф. Дж. Чайлд (Francis James Child, 1825–1896), строго следовали одному источнику или предоставляли по отдельности все возможные варианты одной баллады, однако сам Вальтер Скотт, как и Перси, вполне мог соединять

в одной балладе сразу несколько ее вариантов (как письменных, так иногда и устных). Позднее примеру Скотта следовали такие писатели, как У. Аллингем (William Allingham, 1824–1889), автор «Книги баллад» (*Ballad Book*, 1864), А. Куиллер-Куч (Arthur Quiller-Couch, 1863–1944), издавший «Оксфордскую книгу баллад» (*Oxford Book of Ballads*, 1910), Р. Грейвз (Robert Graves, 1895–1985), составивший собрание «Английская баллада» (*The English Ballad*, 1927), которое позже было переиздано под названием «Английская и шотландская баллада» (*English and Scottish Ballads*, 1957) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обусловленный текстологическими практиками XVII–XVIII веков редакторский метод Ритсона, как мы видим, оказался менее востребован в XIX веках, чем более вольная реконструкция текстов в духе Перси. Предельная точность и верность источникам – требования, которые Ритсон предъявлял не только Перси, но и самому себе – сделала его, по мнению Мэтьюза, определяющей фигурой в исследовании среднеанглийского языка в последние полтора десятилетия XVIII века. Тем не менее не лучшая репутация Ритсона в ученых кругах того времени обусловлена не столько сомнениями коллег в компетентности Ритсона, сколько его собственной неспособностью отделять личностные качества ученых от их профессиональных недостатков. В этом не-различии человеческих качеств ученых и уровня их профессиональной деятельности, вероятно, кроется практически полная неспособность Ритсона оказать прижизненное влияние на современную ему науку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sweet R. *Antiquaries: The Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain*. L.: Hambledon and London, 2004.
2. Damico H. *Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline: History*. L.: Routledge, 1995.
3. Gerould G.H. *The Ballad of Tradition*. L.: Oxford University Press, 1957.
4. Matthews D. *The Making of Middle English, 1765–1910*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
5. Dennis L. Thomas Percy: Antiquarian vs. Man of Taste // *PMLA*. 1942. Vol. 57. № 1. P. 140–154.
6. Percy T. *Bishop Percy's Folio Manuscript* / ed. by J. W. Hales, F. Furnivall. L.: N. Trubner & Co, 1867.
7. Percy T. *Percy and William Shenstone* / ed. by H. Hecht. Strasbourg: Karl J. Trübner, 1909.
8. Percy T. *Reliques of Ancient English Poetry* / ed. by Henry B. Wheatley. L.: Bickers, 1891.
9. Percy T. *Reliques of Ancient English Poetry* / ed. by Henry B. Wheatley. L.: Swan Sonnenschein, 1886.
10. Percy T. *Reliques of Ancient English Poetry*. L.: J. Dodsley, 1767.
11. Ritson J. *Ancient English metrical romances*. L.: W. Bulmer and Company, 1802.
12. Santini M. *The Impetus of Amateur Scholarship: Discussing and Editing Medieval Romances in Late-Eighteenth and Nineteenth-Century Britain*. Bern: Peter Lang, 2010.
13. Bronson B. *Joseph Ritson, scholar-at-arms*. Berkeley: California University Press, 1938.

14. McNutt G. T. Joseph Ritson and the publication of early English literature. Edinburgh: University press of Edinburgh, 2018.
15. Leerssen J. Literary Historicism: Romanticism, Philologists, and the Presence of the Past // *Modern Language Quarterly*. 2004. № 65 (2). P. 221–243.
16. Scott W. Review of *Specimens of Early English Metrical Romances* by George Ellis, Esq and *Ancient English Metrical Romanceës*, Selected and Published by Joseph Ritson // *Edinburgh Review*. 1806. Vol. VII. P. 387–413.
17. Zug Ch. G. The Ballad Editor as Antiquary: Scott and the Minstrelsy // *Journal of the Folklore Institute*. 1976. Vol. 13. № 1. P. 57–73.

REFERENCES

1. Sweet, R. (2004). *Antiquaries: The Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain*. L.: Hambledon and London.
2. Damico, H. (1995). *Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline: History*. L.: Routledge.
3. Gerould, G. H. (1957). *The Ballad of Tradition*. L.: Oxford University Press.
4. Matthews, D. (1999). *The Making of Middle English, 1765-1910*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
5. Dennis, L. (1942). Thomas Percy: Antiquarian vs. Man of Taste. *PMLA*, 57(1), 140–154.
6. Percy, T. (1867). *Bishop Percy's Folio Manuscript*, ed. by J. W. Hales, F. Furnivall. London: N. Trubner & Co.
7. Percy, T. (1909). *Percy and William Shenstone*, ed. by H. Hecht. Strasbourg: Karl J. Trübner.
8. Percy, T. (1891). *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. by H. B. Wheatley. London: Bickers.
9. Percy, T. (1886). *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. by H. B. Wheatley. London: Swan Sonnenschein.
10. Percy, T. (1767). *Reliques of Ancient English Poetry*. London: J. Dodsley.
11. Ritson, J. (1802). *Ancient English metrical romances*. London: W. Bulmer and Company.
12. Satini, M. (2010). *The impetus of amateur scholarship: discussing and editing medieval romances in late-eighteenth and nineteenth-century Britain*. Bern: Peter Lang.
13. Bronson, B. (1938). *Joseph Ritson, scholar-at-arms*. Berkeley: California University Press.
14. McNutt, G.T. (2018) *Joseph Ritson and the publication of early English literature*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
15. Leerssen, J. (2004). Literary historicism: Romanticism, Philologists, and the Presence of the Past. *Modern Language Quarterly*, 65(2), 221–243.
16. Scott, W. (1806). Review of *Specimens of Early English Metrical Romances* by George Ellis, Esq and *Ancient English Metrical Romanceës*, Selected and Published by Joseph Ritson. *Edinburgh Review*, VII, 387–413.
17. Zug, Ch. G. (1976). The Ballad Editor as Antiquary: Scott and the Minstrelsy. *Journal of the Folklore Institute*, 13(1), 57–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Екатерина Игоревна

младший научный сотрудник отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета
Московского государственного университета им М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolosova Ekaterina Igorevna

Junior Researcher, Literary Studies Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
PhD Student, Department of Foreign literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.02.2023
24.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.131.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_146

Данте в эпоху «хорошего вкуса»: диспут между Саверио Беттинелли и Гаспаро Гоцци

Е. В. Лозинская

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
jane.lozinsky@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрен диспут о «Комедии» Данте между С. Беттинелли и Г. Гоцци в контексте литературно-критических и эстетических теорий XVIII века и предшествующих периодов. Показано, что призывавший к обновлению итальянской поэзии Беттинелли во многом опирался на положения, высказанные во время диспута о Данте в XVI веке, адаптируя их под современные ему эстетические представления – в первую очередь, понятие «хорошего вкуса». Традиционалист Гоцци, обращаясь к наследию прошлых эпох, переосмысляет его и сочетает с новыми идеями, которые будут развиты в итальянской критике XIX века.

Ключевые слова: Данте, «Божественная комедия», рецепция, подражание классикам, «Вергилиевы письма» С. Беттинелли, «Защита Данте» Г. Гоцци

Для цитирования: Лозинская Е. В. Данте в эпоху «хорошего вкуса»: диспут между Саверио Беттинелли и Гаспаро Гоцци // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 146–152. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_146

Original article

Dante in the Age of «Good Taste»: a Dispute between Saverio Bettinelli and Gasparo Gozzi

Evgeniya V. Lozinskaya

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
jane.lozinsky@gmail.com*

Abstract. The article considers the dispute between S. Bettinelli and G. Gozzi over Dante's *Comedy* in the context of literary criticism and aesthetic theories of both the eighteenth and preceding centuries. It is shown that Bettinelli, who called for a renewal of Italian poetry, drew heavily on the points made in the debate on Dante in the sixteenth century, adapting them to his contemporary esthetics – above all to the concept of “good taste”. The traditionalist Gozzi, turning to the heritage of past epochs, reinterprets and combines it with new ideas to be developed in Italian criticism in the nineteenth century.

Keywords: Dante, the “Divine Comedy”, reception, imitation of classical authors, “Virgilian letters” by S. Bettinelli, “Defence of Dante” by G. Gozzi

For citation: Lozinskaya, E. V. (2023). Dante in the Age of “Good Taste”: a Dispute between Saverio Bettinelli and Gasparo Gozzi. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(873), 146–152. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_146

ВВЕДЕНИЕ

«Я отдаю должное мужеству, с которым вы осмелились сказать, что Данте был сумасшедшим, а его поэма – чудешком» [цит. по: Алексеев, 1983, с. 158], – с такими словами обратился Вольтер в 1759 году к мантуанскому литератору, иезуиту Саверио Беттинелли (1718–1808). В 1757 году Беттинелли издал сборник стихотворений трех современных поэтов¹ и предпослал ему в качестве предисловия так называемые «Вергилиевы письма»² (*Lettere Virgiliane*), в которых от лица Вергилия и других античных поэтов высказался о прошлом и настоящем итальянской поэзии в целом и о конкретных авторах национального канона. Подобно Вольтеру, другие современники Беттинелли обратили внимание в первую очередь на его пространственные критические высказывания о Данте, хотя содержание «Вергилиевых писем» намного шире. Но именно «попытка Беттинелли осудить «Божественную комедию» <...> имела успех скандала и вызвала полемическую бурю, бушевавшую в течение нескольких лет не только в Италии, но и во Франции и в Англии» [Алексеев, 1983, с. 157]. Мнение Вольтера оказало определенное влияние на рецепцию «Комедии» в Европе, но в Италии «Письма» нашли намного больше противников, чем защитников. С критикой Беттинелли выступили Дж. Помпеи, Дж. Дженнари, А. Парадизи, Дж. Торелли, В. Джорджи и др. [Zacchetti, 1900], а наибольшую известность получила «Защита Данте»³ (*La difesa di Dante*, 1758), принадлежавшая перу Гаспаро Гоцци – знаменитого венецианского литератора и журналиста, только что принявшего участие в подготовке издания дантовской «Комедии» (издание Антонио Затта, 1757).

В историю эстетики вошло резкое высказывание Беттинелли: «У Данте отсутствует не что иное, как хороший вкус и умение судить об искусстве» (*A Dante null'altro mancò che buon gusto, e discernimento nell'arte*) [Bettinelli, 1930, с. 15]. Однако он был не первым, кто столь непочтительно высказался о «Комедии». В конце XVI века имел место не менее бурный диспут о Данте, и главный тезис его зачинщика Кастравиллы звучал не менее категорично, хотя и был оформлен в иных терминах. По мнению Кастравиллы, творение Данте вообще нельзя отнести ни к одному из

поэтических жанров или же следует назвать плохой героической поэмой, поскольку у «Комедии» имеется множество недостатков и главное – ее фабула не соответствует требованиям «Поэтики» Аристотеля [Castravilla, 1897, с. 32–33]. Нетрудно заметить, что критики Данте в обоих случаях апеллировали к важнейшим для их исторических периодов эстетическим понятиям. В XVI веке это был жанр, определяемый через особенности фабулы, а в XVIII веке – «хороший вкус».

Понятие «хороший вкус» появилось у Б. Грасиана для обозначения способности суждения, выбора, не опирающегося на рациональные правила, в значительной степени автономной и не до конца объяснимой [D'Angelo, 2000, с. 16]. Оно получило распространение во Франции в XVII веке, а наибольший вклад в его систематическое осмысление внесли английские и немецкие философы [Dickie, 1996]. Италия же «не стала тем местом, где в XVIII веке возникли наиболее оригинальные и плодотворные концепции вкуса» [Morpurgo Tagliabue, 1962, с. 44]. Для итальянских авторов «хороший вкус» был инструментом в борьбе против барочной эстетики и против прескриптивизма литературной теории XVI века, но, как отмечает Г. Морпурго Тальябуэ, ключевая для немецкой и английской эстетики проблема объективности эстетического суждения в Италии не ставилась до последнего десятилетия XVIII века. Кроме того, в отличие от немецких и английских теоретиков итальянские рассматривали хороший вкус в первую очередь как необходимое качество создателя поэтического произведения, а не читателя или критика. В результате, несмотря на то, что понятие вкуса использовалось в борьбе против правил и предписаний, в Италии XVIII века сохранялся традиционный прескриптивистский тип эстетического дискурса [Morpurgo Tagliabue, 1962].

«ВЕРГИЛИЕВЫ ПИСЬМА» И «ЗАЩИТА ДАНТЕ»: РИТОРИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Как уже отмечалось исследователями, изначальная цель Беттинелли заключалась не в критике Данте как таковой [Muscetta, 1961]. В обращении «Издателя к читающим» Беттинелли заявляет, что его задача – «пробудить молодежь Италии и отвратить ее от безвкусной подражательной манеры творить поэзию» (*insulsa maniera di poetare imitando*) [Bettinelli, 1930, с. 3]. «Комедия» обсуждается лишь во втором и третьем письмах, предмет остальных – творчество других итальянских поэтов прошлых

¹ В него вошли произведения самого Беттинелли, а также Ф. Альгаротти и К. Фругони.

² Полное заглавие – «Десять писем Публия Вергилия Марона с Елисейских полей в Римскую Аркадию о злоупотреблениях в итальянской поэзии» (*Dieci lettere di Publio Virgilio Marone scritte dagli Elisi all'Arcadia di Roma sopra gli abusi introdotti nella poesia italiana*).

³ Полное заглавие – «Суждение древних поэтов о новейшей критике Данте» (*Giudizio degli antichi poeti sopra la moderna censura di Dante*).

веков. Беттинелли, по сути дела, пересматривает весь итальянский канон, представляя своего рода программу чтения для воспитания хорошего вкуса, в которую из творчества большинства итальянских классиков включает лишь малую часть. Вместе с тем именно в критике «Комедии» наиболее ярко проявляются эстетические и теоретико-литературные установки Беттинелли, поэтому восприятие «Писем» как современниками, так и позднейшими исследователями в первую очередь в контексте «дантовской полемики» вполне мотивированно.

В дискурсивном отношении «Вергилиевы письма» организованы весьма непросто. Голос Беттинелли-«издателя» эксплицитно звучит только в его обращении, предвещающем собственно эпистолярную часть, авторство которой приписано Вергилию. И в ней Вергилий говорит не только «от себя», но и передает в драматической манере высказывания других античных авторов (Горация, Ювенала и др.), которые могут с ним не во всем соглашаться. Легкий, разговорный и по большей части иронический стиль, эксплицитно неправдоподобная нарративная ситуация (вторжение современных итальянцев, одержимых поэзией, на Елисейские поля) – все это делает творение Беттинелли увлекательным чтением, но затрудняет его анализ. Подчеркнуто игровая форма, в которой воззрения Беттинелли изложены от лица античных авторов и с известными «полюемическими преувеличениями» [Binni, 1945, с. 21], побудила некоторых исследователей призвать к пересмотру интерпретации «Писем». Так, А. Бреттони, справедливо отмечая инструментальный характер критики «Божественной комедии», считает, что Беттинелли «с помощью художественного вымысла» хочет продемонстрировать, что даже «поэзия Данте, канонического автора, безусловного образца для подражания, может получить иную оценку, если у тех, кто выносит о ней суждение, основания для него отличаются от наших» [Brettoni, 2003, с. 556]. Признавая необходимость контекстуально обоснованной интерпретации «Писем», мы не можем согласиться с отчетливым разграничением позиций самого Беттинелли и его персонажей. Во-первых, в их уста Беттинелли вкладывает множество высказываний общего характера, которые вполне адекватно отражают его собственные взгляды, изложенные в «Английских письмах» (*Lettere inglesi*, 1767) и его главном сочинении по эстетике «Энтузиазм в изящных искусствах» (*Entusiasmo delle belle arti*, 1769). Во-вторых, уже в старости Беттинелли повторил от первого лица многие из вергилиевых суждений в своей «Академической диссертации о Данте» (*Dissertazione accademica sopra Dante*, 1800).

В отличие от Беттинелли, Гаспаро Гоцци считает своей главной задачей именно защиту дантовской поэмы от нападков, хотя и не игнорирует заявленную цель своего оппонента: в «Защите Данте» уделяется место и вопросу о подражании классикам. Обсуждая его, Гоцци воспроизводит концепцию подражания Петрарки. Гоцци также принимает предложенную Беттинелли игру с дискурсивными инстанциями и создает композиционно еще более сложный текст, включающий в себя письма, диалоги и речи от лица множества персонажей – античных и итальянских авторов, а также аллегорическую сказку, в которой Данте выведен под именем Орфея. Появляется в «Защите Данте» и Вергилий, чтобы очистить себя от ложных обвинений в авторстве «Вергилиевых писем». Но не менее важную роль в тексте Гоцци играют литераторы эпохи Чинквеченто – Антон Франческо Дони и Трифоне Габриелло. Последний прославился своими «Примечаниями» к «Комедии», и, вкладывая в его уста критику Беттинелли, Гоцци придает ей вес ссылкой на авторитет. Дони – писатель, переводчик и, что еще более значимо для Гоцци, издатель. В «Защите Данте» существенное место занимают вымышленные письма Дони, адресованные Антонио Затта, осуществившему издание «Комедии» 1757 года, в котором принял участие Гоцци. В целом, если у Беттинелли античные поэты – своего рода театральные маски, то Гоцци выбором персонажей подчеркивает свой традиционализм, связь с итальянской ренессансной традицией – издательской и литературной.

НЕДОСТАТКИ И ДОСТОИНСТВА «КОМЕДИИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БЕТТИНЕЛЛИ И ГОЦЦИ

Каковы основные претензии Вергилия-Беттинелли к «Комедии»? Важнейшая из них связана с композицией поэмы и характером ее фабулы. Поэтическое произведение отвечает требованиям хорошего вкуса, если оно «распланировано и построено так, чтобы его части были пропорциональны друг другу и устремлены к общему принципу прекрасного». Оно должно иметь «единое и возвышенное действие, с которым неразрывно связано все остальное» и которое должно быть «прерывистым, но не распадающимся, развиваться по нарастающей, чем дальше, тем больше содержать прекрасного, силы, страсти, все больше вовлекать в себя» [Bettinelli, 1930, с. 13]. Между тем «Комедия» поделена на три части, «подобно научному трактату», и эти части «противоречат друг другу по содержанию» [там же, с. 10]. Она состоит из проповедей, диалогов, вопросов, в ней нет действий

персонажа, или же все его действия сводятся к тому, что он куда-то «пробирается, поднимается, падает, приходит и возвращается» [Bettinelli, 1930, с. 12]. Здесь, конечно, слышны отзвуки аргументов против «Комедии», высказанных во второй половине XVI века, в первую очередь, в критике деления поэмы на три части. Так, Кастравилла говорил, что «Комедия» содержит три фабулы: «Ад» – это одно действие (*una azione da sé*), «Чистилище» – другое, «Рай» – еще одно, и каждое из них может быть отделено от других, не нанеся им ущерба [Castravilla, 1897, с. 26–27].

Сходство между этими аргументами против «Комедии» заметил уже Гаспаро Гоцци: по его словам, новый критик «Комедии» нападает на нее «с тем же оружием, что и Кастравилла и Велитаро Булгарини» [Gozzi, 1895, с. 24]. И несомненно, у Беттинелли чувствуется внутренняя прескриптивная установка, о которой писал Г. Морпурго Тальябуэ: поэма *должна быть* распланирована определенным образом, действие *должно быть* прерывистым, но не распадающимся и т. д. Вместе с тем эти практические требования Беттинелли к поэме носят намного менее конкретный характер, чем у критиков XVI века. Так, Кастравилла указывает на отсутствие в «Комедии» перипетий и узнавания, аристотелевского «ужасного, вызывающего сострадание» (за исключением эпизода с графом Уголино), и главное – подражания, поскольку содержание «Комедии» – видение, о котором рассказывает сам визионер и т. п. [Castravilla, 1897, с. 27–28]. Предписания Беттинелли касаются не отдельных элементов сюжета и композиции, а скорее оставляемого произведением впечатления, опирающегося на «внутреннее чувство» (*inner sense*) прекрасного, о котором писал британский философ Ф. Хатчесон [Dickie, 1996, с. 7–28].

Совершенно иную трактовку единства действия в «Комедии» предлагает Гоцци. В его представлении вышеозначенное единство базируется на моральном содержании поэмы, трактуемой аллегорически – в духе ранних ее комментаторов, которые видели в Вергилии аллегорию моральной философии, в Беатриче – теологии и т. п. Гоцци передает сюжет «Комедии» следующим образом: «Начало ее – в том, что человек запутался в чаше ошибок и с помощью рассуждения исследует грехи; середина – в том, что он достигает земного счастья, или земного Рая; конец – в том, что он под водительством теологии приходит к вечному блаженству» [Gozzi, 1895, с. 98–99]. Такого рода единство не имеет ничего общего с аристотелевской концепцией (как она понималась в XVI веке), и в то же время оно основано не на впечатлении или внутреннем чувстве прекрасного, а на рациональном

анализе содержания, однако понятого не буквально, а аллегорически. Вместе с тем Гоцци, будучи в эстетическом смысле скорее сенсуалистом, нежели сторонником рационализма (характерного скорее для первой половины XVIII века), подчеркивает, что аллегоризм Данте – не сухой, а художественный: «каждую свою самую абстрактную, тонкую, новую мысль» Данте «облекает в своего рода плоть – зримую и осязаемую» [Gozzi, 1895, с. 87].

Для Беттинелли же неприемлем именно аллегоризм поэмы: «Чем дальше читаешь, тем меньше понимаешь, хотя к каждому слову есть ссылка, а к каждой ссылке – комментарий, еще более темный, чем сам текст, такой длинный, что занимает целый том *in foglio*», – жалуется Вергилий [Bettinelli, 1930, с. 10–11]. Наряду с аллегоризмом критике подвергается и энциклопедизм «Комедии», доктринальная ученость Данте. «Я обнаружил, что превратился в магистра Католической теологии или доктора в языческой религии – из-за всей этой смеси взятых у Поэтов сюжетов, догматов католической веры, философии Платона и арабов» [Bettinelli, 1930, с. 11], – снова сетует Вергилий. Здесь Беттинелли опять выступает наследником предшествующих критиков «Комедии». Так, тематически широкое содержание поэмы Данте подвергалось критике Кастравиллой на том основании, что поэзия выше всех схоластических дисциплин, и «поэт может касаться их лишь походя», демонстрируя свою безграничную мудрость и эрудицию [Castravilla, 1897, с. 130]. Подробное рассмотрение этих тем противоречит замечанию в «Поэтике», что одна лишь метрическая форма без подражания не делает произведение поэтическим, и Эмпедокл является скорее природоведом, чем поэтом. В XVI веке теоретикам поэзии приходилось каким-либо образом согласовывать широту содержания «Комедии» с этим соображением Аристотеля, но в итальянской эстетике существовала и прямо противоположная, притом более старая традиция (восходящая к авторам поздней Античности, Альбертино Муссато, Дж. Боккаччо и др.), согласно которой поэзия вбирает в себя все прочие науки, поэтому в ней может говориться о любых предметах, и в этом и заключается ее особое достоинство. Именно к ней принадлежит Гоцци, когда говорит, что «в его <Данте – Е. Л.> поэме должны были участвовать и небо, и земля, что означает все науки – человеческие и божественные» [Gozzi, 1895, с. 88].

Еще одним существенным недостатком «Комедии» Беттинелли считает неправдоподобие. Описания странных, удивительных мучений не дают читателю поверить в реальность Ада и не делают чести воображению поэта. Кроме того, персонажи

«Комедии» слишком разговорчивы, они способны без устали рассказывать о своих судьбах или решать теологические вопросы, или допытываться известий о своих знакомых – «прямо посреди адских мучений или райского блаженства» [Bettinelli, 1930, с. 12]. Неправдоподобие ставил в упрек «Комедии» и Кастравилла, который, однако, видел его преимущественно в самом путешествии героя по загробному миру в телесном облике. Пусть даже в языческих поэмах рассказывается о чем-то подобном, утверждал он, поэт должен соотносываться с верованиями своего времени, а ныне такие сказки рассказывают лишь няньки детишкам [Castravilla, 1897, с. 25–26]. Хотя формально Беттинелли, очевидно, принимает в качестве художественной условности сам факт дантовского путешествия, по сути его аргумент аналогичен аргументу Кастравиллы. Оба автора в качестве точки отсчета принимают представления о правдоподобном своем собственном, а не дантовского времени. Кастравилла требует соответствия верованиям своего окружения, а Беттинелли – психологической достоверности в поведении персонажей, соответствующей рецептивным привычкам читателей XVIII века.

Гоцци, возражая Беттинелли, выдвигает, казалось бы, очень простой аргумент: если герои «Илиады» и «Энеиды» – поэм об искусстве войны, битвах, управлении народом, языческих ритуалах – «могут посреди сражения пуститься в рассуждения на данные темы», и это считается правдоподобным, то почему персонажи «Комедии» не могут «рассуждать на темы, составляющие ее предмет»? [Gozzi, 1895, с. 76]. С одной стороны, он здесь имплицитно утверждает значимость принципа подражания классикам, с которым в теории сражается Беттинелли. С другой стороны, в его понимании основой правдоподобия является поэтическая традиция, а не соотношение читателем художественной правды и правды жизни в процессе восприятия текста. Правдоподобие становится у него литературным конструктом, и это принципиально новый тезис для итальянской поэтики того времени.

Вопрос о жанровой принадлежности «Комедии», вокруг которого было сломано столько копий и родилось столько оригинальных концепций в эпоху Чинквеченто, затронут обоими авторами XVIII века лишь вскользь, поскольку к середине века категория жанра утратила центральное место в теоретической поэтике. Но, разумеется, Беттинелли придерживается той же концепции, что и Кастравилла с Булгарини: «Комедию» невозможно отнести ни к какому поэтическому роду, ни к комической поэзии, ни к эпической, эта поэма не имеет «настоящей правильной формы» (*veruna*

forma regolare). Поэтому античные поэты отказывают Данте в праве войти в их круг, но и Гесиод, Лукреций, другие авторы исторических и философских поэм тоже не готовы принять Данте к себе, из-за того что «Комедия» «засорена прихотливыми и необоснованными выдумками» (*invenzioni capricciose, e non ragionevoli*) [Bettinelli, 1930, с. 20–21].

Гоцци в вопросе о жанре «Комедии», напротив, пошел дальше таких защитников Данте в XVI веке, как Дж. Маццони и Дж. Дзоппио, которые изобрели для «Комедии» смешанные эпико-драматические жанры. Он предлагает писать на титульном листе просто «Книга Данте», тем самым отдавая должное ее «новизне и экстраординарной оригинальности», и подчеркивает, что Данте сам «сознавал разнообразие впечатлений, производимых его творением, именуя его внутри текста когда трагедией, когда поэмой, когда священной поэмой» [Gozzi, 1895, с. 27].

«Почему Данте так популярен?» – задает себе вопрос Беттинелли. С его точки зрения, причина тому проста: в любой нации «лишь десять-двенадцать человек» способны на истинное и глубокое суждение вкуса, обладают «гармоничной душой», предрасположенной к поэтическому творчеству, и половина из них, будучи простого происхождения, не получает должного воспитания, «унося свой талант в могилу» [Bettinelli, 1930, с. 16]. Представление Беттинелли о хорошем вкусе в поэзии характеризуется изрядным элитаризмом: с одной стороны, вкус формируется на основе некоторых врожденных качеств, присущих лишь немногим, с другой – требует соответствующего воспитания и образования.

Парадоксальным образом аристократ Гоцци придерживается едва ли не противоположной точки зрения. Для него доказательством чистоты дантовского языка и поэтичности «Комедии» является то, что ее отрывки распевали на улицах простые люди (Гоцци ссылается на свидетельство Франко Саккетти). «Данте был знаменит в народе и пользовался общим признанием, которое исходило из сердца простых кузнецов и мельников, а не только благородных и образованных людей. <...> Сердце народа, лишенного всякой учености, в руках природы. И когда он твои сочинения <...> без принуждения полюбил – это и есть главный признак бессмертия твоей поэзии» [Gozzi, 1895, с. 34]. С одной стороны, топос популярности «Комедии» в народе – весьма старый и восходит к сочинениям Боккаччо, с другой – у Гоцци зарождается представление о народности и народных корнях поэзии, столь значимое для итальянской критики следующего столетия.

Традиционализм и «осмотрительный гуманистический вкус» Гоцци, который, по утвердившемуся в науке мнению, восходящему к оценке Э. Бонора, «стал преградой на пути к поистине новой интерпретации Данте» [цит. по: Nagy, 2013, с. 188], на самом деле сочетался у него с эстетическими установками, характерными для эпохи Сеттеченто. Хотя важное место в «Защите» уделяется обоснованию формальных достоинств «Комедии», в своих похвалах Данте Гоцци уверенно оперирует понятиями XVIII века: «Данте говорит не как ритор, не как мыслитель, который хочет облечь в высокие и красивые слова свои рассуждения. Он говорит с такой интимностью (*intrinsichezza*), с такой сердечностью (*di cuore*), что видишь его душу и его ум на кончике его пера» [Gozzi, 1895, с. 85]. «Он облакает предмет изображения в плоть и кровь, так что ты не только слышишь ушами сказанное, но и видишь его глазами и почти осязаешь» [Gozzi, 1895, с. 87].

Именно эти суждения Гоцци во многом созвучны тем высказываниям Беттинелли, где он все же отдает должное поэту, и в которых В. Бинни усматривает ядро зарождающихся представлений об особом характере дантовского «гения», получивших развитие в эпоху предромантизма и романтизма [Binni, 1945, с. 20–21]. У Данте «не было хорошего вкуса», «но он имел великую и возвышенную душу, острый и плодотворный ум, живую и способную порождать картины (*vivace e pittoresca*) фантазию» [Bettinelli, 1930, с. 15], т. е. те качества, которые характеризуют великого поэта. Более того, «он достоин высочайшего уважения за то, что осмелился замыслить поэму посреди невежества и варварства» своей эпохи. Пусть грубость его времени не позволила ему достичь истинных

поэтических высот [Bettinelli, 1930, с. 15], тем не менее отдельные стихи «Комедии» (примерно сотня из многих тысяч) врезаются в память и входят в сокровищницу итальянского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диспут о Данте между С. Беттинелли и Г. Гоцци свидетельствует о непрерывности итальянской литературно-критической традиции. «Просветитель и новатор» Беттинелли в критике Данте воспроизводит многие тезисы авторов Чинквеченто, адаптируя их к современным ему эстетическим представлениям. «Традиционалист» Гоцци опирается на литературно-критические теории и понятия различных эпох, сочетая их с новыми – сенсуалистскими и демократическими – представлениями о поэзии. И в текстах обоих авторов присутствуют, пусть еще в зачаточной форме, концепции, которые будут развиты в поэтике и литературной критике XIX века. По сути дела, оба они выступают в роли и консерваторов, и новаторов одновременно. Диспут о Данте практическим образом подтверждает общую характеристику, которую выдающийся итальянский эстетик Г. Морпурго Тальябуэ дал итальянскому Сеттеченто: «Наши авторы составили консервативную партию и только так и именно так внесли свой вклад в обновление, имевшее место в этом веке. Они передали будущему, обновив, наследие прошлых веков, которое могло бы попасть в небрежение или быть отвергнутым, живую часть ренессансного и барочного опыта. Игнорировать этот факт – потерять необходимую точку отсчета для понимания европейской культуры XVIII в.» [Morpurgo Tagliabue, 1962, с. 52].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Ленинград : Наука, 1983.
2. Zacchetti G. La fama di Dante in Italia nel secolo XVIII (appunti). Roma: Società Editrice Dante Alighieri, 1900.
3. Bettinelli S. Lettere virgiliane e inglesi e altri scritti critici / a cura di Alfieri V. E. Bari: Gius. Laterza & figli, 1930.
4. Castravilla . Discorso di M. Ridolfo Castravilla nel quale si mostra l'imperfezione della «Commedia» di Dante contro al «Dialogo delle lingue» del Varchi // I Discorsi di Ridolfo Castravilla contro Dante e di Filippo Sassetti in difesa di Dante / a cura di Rossi M. Citta di Castello: S. Lapi, 1897. P. 19–33.
5. D'Angelo P. Il gusto in Italia e Spagna dal Quattrocento al Settecento // Il gusto. Storia di una idea estetica / a cura di Russo L. Palermo: Aesthetica Edizioni, 2000. P. 11–34.
6. Dickie G. The century of taste: the philosophical odyssey of taste in the eighteenth century. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1996.
7. Morpurgo Tagliabue G. Note sul concetto del 'gusto' nell'Italia del Settecento // Rivista critica di storia della filosofia. 1962. Vol. 17, N 1. P. 41–67.
8. Muscetta C. S. Bettinelli // Letteratura italiana. I minori. Milano : Marzorati, 1961. Vol. 3. P. 2013–2041.
9. Binni W. Fra illuminismo e romanticismo : Saverio Bettinelli // Aretusa. 1945. Anno, giugno. P. 3–21.
10. Brettoni A. La critica illuministica e il dibattito sulle riviste // Storia della letteratura italiana / dir. di Malato E. Roma : Salerno editrice, 2003. Vol. 11: La critica letteraria dal Due al Novecento. P. 539–579.
11. Gozzi G. La difesa di Dante. Verona: D. Tedeschi e figlio, 1895.
12. Nagy J. Il dibattito su Dantetra Saverio Bettinelli e Gasparo Gozzi // Dante Füzetek = Quaderni Danteschi. 2013. Vol. 9. P. 170–195.

REFERENCES

1. Alekseev, M. P. (1983). *Sravnitel'noe literaturovedenie* = Comparative Literature Studies. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Zacchetti, G. (1900). *La fama di Dante in Italia nel secolo XVIII* (appunti). Roma: Societa Editrice Dante Alighieri.
3. Bettinelli, S. (1930). *Lettere virgiliane e inglesi e altri scritti critici*. Bari: Gius. Laterza & figli.
4. Castravilla, R. (1897). *Discorso di M. Ridolfo Castravilla nel quale si mostra l'imperfettione della «Commedia» di Dante contro al «Dialogo delle lingue» del Varchi*. In Rossi, M. (Ed.). *I Discorsi di Ridolfo Castravilla contro Dante e di Filippo Sassetti in difesa di Dante* (pp. 19–33). Citta di Castello: S. Lapi.
5. D'Angelo, P. (2000). *Il gusto in Italia e Spagna dal Quattrocento al Settecento*. In Russo, L. (Ed.). *Il gusto. Storia di una idea estetica* (pp. 11–34). Palermo: Aesthetica Edizioni.
6. Dickie, G. (1996). *The century of taste: the philosophical odyssey of taste in the eighteenth century*. New York; Oxford: Oxford univ. press.
7. Morpurgo Tagliabue, G. (1962). *Note sul concetto del 'gusto' nell'Italia del Settecento*. *Rivista critica di storia della filosofia*, 17(1), 41–67.
8. Muscetta, C. (1961). S. Bettinelli. In *Letteratura italiana. I minori* (vol. 3, pp. 2013–2041). Milano: Marzorati.
9. Binni, W. (1945). *Fra illuminismo e romanticismo: Saverio Bettinelli*. *Aretusa*, 2, 3–21.
10. Brettoni, A. (2003). *La critica illuministica e il dibattito sulle riviste*. In E. Malato (Ed.). *Storia della letteratura italiana*. Vol. 11: *La critica letteraria dal Due al Novecento* (pp. 539–579). Roma: Salerno editrice.
11. Gozzi, G. (1895). *La difesa di Dante*. Verona: D. Tedeschi e figlio.
12. Nagy, J. (2013). *Il dibattito su Dantetra Saverio Bettinelli e Gasparo Gozzi*. *Dante Füzetek* = Quaderni Danteschi, 9, 170–195.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозинская Евгения Валентиновна

старший научный сотрудник отдела литературоведения

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lozinskaya Evgeniya Valentinovna

Senior Researcher, Literary Studies Department

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.02.2023
18.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_153

Образ мигранта в современной русскоязычной художественной прозе

М. Б. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
rarenc@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ мигранта на материале трех произведений современной русскоязычной литературы: романа «Дни Савелия» Григория Служителя (2020), трагикомической истории о покорении Москвы «Понаехавшая» Наринэ Абгарян (2015) и романа «Вторая жизнь Уве» Фредрика Бакмана (2012). Мигрант представляется как наделенный положительными качествами индивид, имеющий несколько странный внешний вид и готовый идти на компромисс с местными жителями. Делается вывод о том, что образ мигранта подвергается довольно высокой степени идеализации и романтизации.

Ключевые слова: миграция, мигрант, речевой портрет, современная художественная русскоязычная проза

Для цитирования: Раренко М. Б. Образ мигранта в современной русскоязычной художественной прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873). С. 153–159. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_153

Original article

The Image of a Migrant in Modern Russian-Language Fiction

Maria B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rarenc@rambler.ru

Abstract. The article examines the image of a migrant based on the material of modern Russian-language literature on the example of three pieces of prose: “The Days of Savely” by Grigory Sluzhittel’ (2020), “The One Who Came” by Narine Abgaryan (2015) and “The Second Life of Uwe” by Fredrik Backman (2012). The migrant is presented as an individual endowed with positive qualities, having a somewhat strange appearance and ready to compromise with the locals. It is concluded that the image of a migrant is subjected to a rather high degree of romanticization.

Keywords: migration, migrant, speech portrait, modern Russian-language prose

For citation: Rarenko, M. B. (2023). The image of a migrant in modern Russian-language fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 153–159. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_153

Так уж получается, что жизнь иммигранта усеяна не только розами. Шипов на его нелегком пути покорителя столиц тоже не счесть. Да чего уж там скромничать – шипов раз в миллион больше, чем роз.

Поэтому иммигрант чаще всего имеет вид несколько настороженный, если не взъерошенный¹.

ВВЕДЕНИЕ

Активно происходящие геополитические процессы приводят к тому, что большие потоки людей во всем мире стремительно мигрируют в поисках лучших условий для своей жизни и жизни своих детей.

Миграция как социально-политическое, экономическое и культурное явление и мигрант как участник миграционных процессов оказываются в центре внимания исследователей различных научных направлений. Специалисты различных отраслей знания признают миграционный процесс непреодолимым явлением, выделяя его в особую проблему современности, требующую всестороннего внимания и изучения (более подробно см.: [Минаев, Жиромская, 2012; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме..., 2019а; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме ... 2019б; Коломиец, 2020; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме ... 2020; Миграционная лингвистика в современной научной парадигме ... 2021]).

Появление особого вида дискурса – миграционного (как вариант, мигрантского) свидетельствует об актуальности всестороннего изучения процессов миграции. Под миграцией чаще всего понимают процесс перемещения из одной страны в другую, что подразумевает кардинальную смену «окружения»: мигрант оказывается в условиях другой культуры и языка. Однако следует признать, что с подобными проблемами сталкивается и перемещающийся из одной части страны в другую, особенно если речь идет о стране, в которой проживают представители различных культур, т. е. «внутренний мигрант». И в первом случае, и во втором мигранты воспринимаются коренным населением как «чужаки», «иногородцы», «другие».

Настороженное отношение к «чужакам» вполне объяснимо: непонятное всегда вызывает опасение. Представители коренного населения отмечают то, как «чужаки» одеты, как себя ведут, что едят и пр., при этом особое внимание уделяется тому, как и что они говорят.

Неудивительно, что миграционные процессы, жизнь мигрантов, взаимодействие мигрантов и коренных жителей стран, сталкивающихся с потоками

мигрантов, не только оказываются в центре изучения политологов, экономистов, антропологов, социологов, лингвистов и пр., но и становятся предметом описания на страницах художественных произведений [Пранцова, 2019; Кривенькая, 2021], поскольку, являясь социальным конструктом, литература фиксирует происходящие изменения, осмысливая их в художественных образах [Раренко, 2021].

Образ мигранта становится предметом рефлексии у представителей гуманитарных направлений знания и находит отражение в современной художественной литературе. Более того, в современной художественной литературе, как отечественной, так и зарубежной, мигрант часто становится одним из центральных образов. Интересно проанализировать, как формируется образ мигранта в современной русскоязычной прозе.

ОБРАЗ МИГРАНТА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Общей отличительной чертой образа мигранта в художественной литературе является его описание изначально как элемента чуждого новой культуре и новому сообществу («странный», «другой», «иной», «подозрительный», «слишком веселый» или «слишком замкнутый», «слишком дружелюбный» и пр.), что представляется вполне ожидаемым. Еще одна особенность воссоздания мигранта на страницах художественного произведения заключается в том, что по мере сближения с мигрантом отношение к нему меняется в сторону положительного. Оказывается (часто такое «откровение» описывается иронично), что мигранты в своей массе «обыкновенные» люди, не чуждые сострадания, эмпатии, наделенные чувством юмора, придерживающиеся во многом тех же самых базовых человеческих ценностей, что и местное население, готовые идти на компромисс и пр.

При изучении образа мигранта в русскоязычной художественной литературе мы обратились к трем прозаическим произведениям: роману «Дни Савелия» Григория Служителя (2020), трагикомической истории о покорении Москвы «Понаехавшая» Наринэ Абгарян (2015) и роману «Вторая жизнь Уве» Фредерика Бакмана (2012, перевод со шведского Р. Косынкина 2018). Включение в русскоязычную литературу переводного произведения не случайно. На наш взгляд, формирование современной русскоязычной литературы не в меньшей степени происходит и благодаря переводным произведениям.

Обращение к столь разным произведениям (как по стилю, так и задачам, стоящим перед ними)

¹ Абгарян Н. Понаехавшая. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 93.

позволяет представить образ мигранта в современной русскоязычной литературе.

Помимо отличительных внешних данных, которые непременно фиксируются представителями принимающего сообщества и воспринимаются как «чужое», не меньшее внимание привлекает речевое поведение мигранта.

ВНЕШНОСТЬ МИГРАНТОВ

Первое, на что обращают внимание представители принимающей стороны, – необычный вид мигрантов. Это и черты лица, и фигуры, и манера себя вести, и конечно, манера одеваться. Так, Уве, впервые увидев новых соседей, был неприятно удивлен: внешний вид «смуглянки» Парване, ее маленькая коренастая фигурка сильно дисгармонировала с окружающим ее внешним миром и, в первую очередь, с ее высоченным «белобрысым» мужем-шведом. Ее переваливающаяся походка (Парване, к тому же была в положении) вызывает у Уве неоднозначные чувства, но отнюдь не радостные¹.

«Гости с гор», навещавшие свою землячку в «Интуристе», даже несмотря на большое количество туристов из разных стран мира, не оставили равнодушными никого. Эмоции, которые испытывали окружающие, находились в диапазоне «от стремления спровадить незамедлительно восояси до желания подойти поближе и рассмотреть чуть ли не в лупу»². Вид мигрантов этому способствовал: сочетание «ветхой тужурки, расклешенных брюк и повязанной изящным бантиком под подбородком ушанке (главное, чтобы уши не мерзли)»³ производило сильное впечатление в фойе гостиницы «Интурист». Еще большее впечатление произвел на окружающих некий Валаам Аршавинович, приехавший с гостинцем для Понаехавшей: «Я тут для нашей девочки бастурмы принес и лаваш с домашним сыром»⁴.

Древний вислоухий дед в военном кителе и фуражке времен последней русско-турецкой войны», с резинкой на затылке, «которой заботливо перетянул очки», непринужденно извлек из нагрудного кармана натруженным пальцами «голден визу» и, счастливо улыбаясь, беззаботно сообщил обступившим его работницам обменника, что он уезжает в Голландию, на ПМЖ, к детям⁵.

Не подвел и другой земляк Понаехавшей – Вагаршак, подготовившийся «к визиту

основательно – густо набриллинил немилосердно выщипанные волосы, надушился туалетной водой “One man show”, заправил вареные джинсы фасона “банан” в лакированные штилеты на небольшом пятисантиметровом каблучке»⁶.

Одним словом, внешний облик мигранта, несмотря на все его попытки выглядеть как можно более подобающе ситуации, т.е. «не слишком выделяться»⁷, производит на местных жителей неопи-сываемое впечатление, вызывая «бурю эмоций»:

...он одет во все лучшее – спортивный костюм, остроносые лаковые туфли, черная, вышитая золотыми «Гуччи» кепка. Рядом топчется жена в богатом атласном халате, надетом на платье с обильным воланом, волосы убраны под переливчатый платок, на ногах – кожаные тапки и шерстяные носочки с Микки-Мау-сами. Последний писк провинциальной моды⁸.

Желание мигрантов выглядеть «модно», с одной стороны, вызывает недоумение, желание рассмеяться, с другой – будучи описано иронически, оно претендует на снисхождение и осознание того, что понятие моды относительно и может принципиально варьироваться.

В то же самое время кот Савелий, придя в себя и обнаружив рядом незнакомого человека, отмечает его внешний вид, просто констатируя факт:

На кровати лежал молодой человек лет двадцати, азиат, одетый в спортивный костюм, и смотрел на меня⁹.

Описывая друзей Аскара, Савелий отмечает их несколько необычный для москвичей вид, однако не акцентирует на нем особое внимание:

Их было четверо. Все они были одеты в спортивные кофты и джинсы. Все они были чрезвычайно друг на друга похожи, и им это, насколько я понял, очень нравилось. Только тот, что был ниже всех, носил странный головной убор: высокий черно-белый колпак с орнаментом и кисточкой на макушке. Высоким этим колпаком он как бы компенсировал недостаток роста¹⁰.

НЕОБЫЧНЫЕ ИМЕНА

Недоумение и некоторые удивление у местных жителей вызывают национальные имена

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве. М.: Синдбад, 2018.

² Абгарян Н. Указ. соч. С. 96.

³ Там же. С. 96–97.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Абгарян Н. Указ. соч. С. 99.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Служитель Г. Дни Савелия. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 180–181.

«понаехавших», которые они не могут ни запомнить, ни произнести. В книге Н. Абгарян «Понаехавшая» повествование ведется от третьего лица, однако не возникает сомнения в том, что героиня и повествователь – одно лицо. Читатель убеждается в этом, когда, тяжело вздыхая, хозяйка квартиры Полина Михайловна сетует на то, что имя у ее квартирантки, как и имена ее деда и бабушки, «нерусские какие-то». Полина Михайловна высказывается, игнорируя замечание Понаехавшей, что она и есть нерусская:

– Нет! Ты у меня самая ни на есть русская. Только зовут тебя как-то не так. Хоть бы Ниной назвали, что ли? Я бы к тебе тогда Ниночкой обращалась¹.

Искажение национальных имен – часто встречающееся явление, обусловленное и необычным сочетанием звуков и отчасти психологической неготовностью принять «странное» имя «чужака»:

– Слушай, – меж тем надрывалась Наталья, – у этого Вашварака что, совсем денег нет?
– У какого Вашварака? У Вагаршака?
– Ага, у него².

Реакция шведа Уве на имя новой соседки-персиянки (как и на ее внезапное появление на пороге его дома) вербально не выражена, однако его поведение однозначно свидетельствует о недоумении:

– Я – Парванэ, – говорит беременная приезжая, ставя ногу на порог.
Уве смотрит на ногу, потом на лицо ее обладательницы. Словно силится понять, не снится ли ему это.
– А я – Патрик! – говорит увалень.
Ни Уве, ни Парване не обращают на него внимания³.

И лишь один кот Савелий воспринимает имена своих киргизов-спасителей как нечто данное и само собой разумеющееся: Аскар, Руслан, Талгат, Ырыскелди, Жоомарт. Впрочем, философски воспринимает кот и то, что теперь его самого зовут «нерусским» именем Темиржан⁴.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ МИГРАНТОВ

Характерной особенностью мигрантов, в определенной степени владеющих русским языком (видимо, в бывших советских республиках по

инерции в семьях продолжают обучать детей русскому), является дословный перевод идиом на русский язык при общении с русскими, что не только создает комический эффект, но и часто приводит ко взаимному непониманию и подозрительности. Так, русская девушка Наталья весьма озадачена предложением ухажера-армянина Вагаршака встретиться, чтобы «поесть кусок хлеба и друг друга лучше понимать»⁵, как, впрочем, и загадочной фразой «На моем глазу!» (которая представляет собой дословный перевод с армянского выражения «конечно, не вопрос»⁶ в ответ на просьбу собеседника подождать):

– Слушай, – меж тем надрывалась Наталья, – у этого Вашварака что, совсем денег нет?
– У какого Вашварака? У Вагаршака?
– Ага, у него. Он пригласил меня на «кусочек хлеба»!
– У Натальи от негодования задрожал голос. – Это как понимать?
– Ну что ты. «Съесть кусочек хлеба» – это всего-навсего идиома⁷.

Не менее любопытными оказываются и другие фразы – буквальные переводы с армянского: «помою твои ноги и выпью воду», «мамино солнышко», отражающие особенности армянской лингвокультуры, но, по справедливому замечанию Понаехавшей (кстати, филолога по образованию), вполне способные «если не напугать, то сильно озадачить человека»⁸.

Понаехавшие относятся к окружающим более толерантно, нежели представители их новой родины. На указанные им «ошибки» реагируют в соответствии с ситуацией:

– Мамино солнышко, больше так не буду! – заверял Вагаршак.
– Ты опять за свое? Это что за выражение такое – «мамино солнышко»?
– Но у нас ведь принято так клясться!
– Так это у нас!
– А можно хотя бы говорить «мамой клянусь»? – не сдавался Вагаршак.
– Можно, – вздыхала Понаехавшая⁹.

Описывая процесс спасения кота, киргиз Аскар говорит Темиржану:

доктор был хорошим человеком и мастером своего дела. Он вытянул тебя за хвост с того света.

¹ Абгарян Н. Указ. соч. С. 113.

² Там же. С. 103.

³ Бакман Ф. Указ. соч. С. 70–71.

⁴ Служитель Г. Указ. соч.

⁵ Абгарян Н. Указ. соч. С. 102.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 103.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Там же.

С помощью Аллаха, конечно. Если бы ты не был котом, то тебе следовало бы совершить намаз, но так как это невозможно, то я сделаю это за тебя¹.

Более того, манера вести разговор также привлекает внимание: «гости с гор» «разговаривали только криком, активно жестикулировали...»²:

– Барев, джана! – раскатисто демонстрировал свою незамутненную радость от встречи с Понаехавшей земляк...³

Объединение разных лингвокультур, как и разных языковых систем, – характерная особенность мигрантов из бывших советских республик.

МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА

В ряде случаев на страницах художественных произведений мигранты по своим морально-нравственным качествам, по уровню воспитания и образования оказываются намного выше представителей местного населения. Отметим, что последние эти качества и навыки признают. Например, начальница Понаехавшей просит обучить ее основам английского языка, необходимого для общения с иностранцами, меняющими купюры в «обменнике» на территории гостиницы «Интурист». Стремясь покорить Наталью, Вагаршак «виртуозно заворачивал в лаваш овечий сыр с зеленью и бастурмой и сыпал стихами как комплиментами»: «*Над долинами и взморьем гордо реет буревестник, черной молнии подобный, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя*»⁴. В результате Вагаршак сражает девушку наповал своей образованностью и знанием большого количества русских слов. В романе Г. Служителя «Дни Савелия» именно приехавшие на работу в столицу России киргизы выхаживают избитого по полусмерти кота, выделив из общего казыналыка необходимую сумму на его лечение, а, когда кот спустя

несколько дней приходит в сознание, радуются совершенно искренне и почтительно называют кота Темиржаном⁵. В романе Ф. Бакмана мигрантка Парване представлена исключительно положительно: ее позитивное отношение к жизни, желание и умение увидеть во всем и во всех хорошее меняет атмосферу квартала⁶. Благодаря ей между соседями восстанавливается гармония, а главный герой Уве приобретает смысл жизни, утраченный после смерти любимой жены Сони.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что образ мигранта в современной русскоязычной художественной прозе подвергается идеализации и высокой степени романтизации. Мигранты предстают как несколько странные, «не от мира сего» люди, в то же время обладающие целым рядом положительных качеств, среди которых доброта и доброжелательность, уважительное отношение к людям, толерантность, стремление помочь ближнему, необходимость, готовность признать свои ошибки, оптимизм. Все эти качества мигранты обнаруживают несмотря на свой странный внешний вид, незнание местных традиций и обычаев, несовершенное знание языка принимающей стороны.

В то же самое время местные жители нередко изображаются как угрюмые, вечно недовольные, часто не осознающие своего везения, свысока относящиеся не только к мигрантам, но и соседям, коллегам, даже «друзьям». Их отношение к мигрантам часто носит потребительский характер.

Однако по мере сближения между мигрантами и представителями местного населения непременно возникают взаимное принятие, симпатия, желание оказать друг другу помощь и поддержку, в первую очередь, благодаря стараниям мигрантов. Все три произведения пронизаны пафосом социального оптимизма, предполагающего гармонизацию сложных межнациональных отношений.

¹ Служитель Г. Указ. соч. С. 179.

² Абгарян Н. Указ. соч. С. 96.

³ Там же.

⁴ Абгарян Н. Указ. соч. С. 107.

⁵ Служитель Г. Указ. соч. С. 197–198.

⁶ Бакман Ф. Указ. соч.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минаев В. В., Жиромская В. Б. Миграция – глобальная проблема современности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. С. 11–22.
2. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова и др. ; научн. ред. А. М. Амаев ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2019а.

3. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е. О. Зубарева и др. ; науч. ред. Т. И. Ерофеева ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2019б. URL: <https://elis.psu.ru/node/615260> (дата обращения: 06.04.2021).
4. Коломиец Е. А. Миграция как фактор, ведущий к трансформации языка // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXI Национальной научной конференции (с международным участием). 2020. С. 661–663.
5. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С. В. Шустова и др. ; науч. ред. д-р филол. наук, проф. О. А. Радченко; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=ljn6ybl3931031051&id=43074630>
6. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма / Шустова С. В. и др. Пермь, 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46506751&ysclid=ljn6zl9y5t502645730>
7. Пранцова Г. В. К вопросу об образе мигранта в российской литературе // Буслаевские чтения : сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ; под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. 2019. С. 83–88.
8. Кривенькая М. А. Миграционный дискурс в современной художественной литературе (лингвокогнитивный анализ диалогов) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 4 (36). С. 76–98.
9. Раренко М. Б. Литература как социальный инструмент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 228–237.

REFERENCES

1. Minaev, V. V., Zhiromskaya, V. B. (2012). Migrations – a global problem of the present. *Vestnik RGGU Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 11–22. (In Russ.)
2. Shustova, S. V. et al. (2019a). *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki* = Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices, ed. by A. M. Amатов. Perm: Perm State National Research University. (In Russ.)
3. Zubareva, E. O. et al. (2019b). *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme* = Migration linguistics in the modern scientific paradigm, ed. by T. I. Erofeeva. Perm: Perm State National Research University. <https://elis.psu.ru/node/615260> (date of access: 06.04.2021). (In Russ.)
4. Kolomiec, E. A. (2020). Migration as a factor leading to language transformation. In *Modernizacija rossijskogo obshhestva i obrazovaniya: novye jekonomicheskie orientiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimereniya i podgotovki kadrov* (pp. 661–663): collection of papers, XXI National Scientific Conference. (In Russ.)
5. Shustova, S. V. et al. (2020). *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* = Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices, translation, didactics, ed. by Doctor of Philology, Prof. O. A. Radchenko. Perm: Perm State National Research University. <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=ljn6ybl3931031051&id=43074630> (In Russ.)
6. Shustova, S. V. et al. (2021). *Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turalizma* = Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices and literature of multiculturalism. Perm. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46506751&ysclid=ljn6zl9y5t502645730> (In Russ.)
7. Prantsova, G. V. (2019). K voprosu ob obraze migranta v rossijskoj literature = On the image of a migrant in Russian literature. In *Perepelkina, L. P. (ed.), Buslaevskie chteniya* (pp. 83–88): collection of papers, VII All-Russian scientific and practical conference with international participation. (In Russ.)
8. Krivenkaya, M. A. (2021). *Migracionnyj diskurs v sovremennoj hudozhestvennoj literature (lingvo-kognitivnyj analiz dialogov)* = Migration discourse in modern fiction (linguistic-cognitive analysis of dialogues). *Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki*, 4(36), 76–98. (In Russ.)
9. Rarenko, M. B. (2021). Literature as a social instrument. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 228–237. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук

ведущий научный сотрудник отдела языкознания

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology)

Leading Research Fellow of Linguistic Department

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.02.2023
26.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 008+7.05
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_160

Наследие советской игровой культуры

Н. А. Коровникова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
natalia.kor@list.ru

Аннотация. В статье проводится анализ «советской игрушки» как феномена, символической репрезентации, атрибута советской эпохи, а также альтернативы для игровой культуры России. Показаны периоды становления и развития советской игровой культуры как подсистемы культуры СССР и ее особой области – культуры детства. Перечислены основные социокультурные характеристики «советской игрушки», которые представляют как практический, так и исследовательский интерес на современном этапе развития российской игровой культуры.

Ключевые слова: советская игрушка, игровая культура, игровая индустрия, культура детства, СССР

Для цитирования: Коровникова Н. А. Наследие советской игровой культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5(873). С. 160–167. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_160

Original article

Legacy of Soviet Gaming Culture

Natalia A. Korovnikova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
natalia.kor@list.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the “Soviet toy” as a phenomenon, a symbolic representation, an attribute of the Soviet era, as well as an alternative for the gaming culture of Russia. Shows the periods of formation and development of the Soviet gaming culture as a subsystem of the culture of the USSR and its special area – the culture of childhood. Lists the main socio-cultural characteristics of the “Soviet toy”, which are of practical and research interest at the present stage of development of Russian gaming culture.

Keywords: Soviet toy, game culture, game industry, childhood culture, USSR

For citation: Korovnikova, N. A. (2023). Legacy of Soviet gaming culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 160–167. 10.52070/2542-2197_2023_5(873)_160

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многовековой мировой истории игровые объекты (игрушки и сопутствующие предметы) и игровая деятельность (активные, ролевые, развивающие игры) оставались неотъемлемым атрибутом человеческих сообществ, отражающим их культурные пространственно-темпоральные особенности. Постепенно в культурной сфере жизнедеятельности людей сформировалась самостоятельная область – игровая культура, элементы которой служили своего рода копией культурной системы того или иного социума [Лейтнер, 2011]. Другими словами, «каждая страна выражается в своей игрушке по-своему, характеризуя ту или иную эпоху» (Н. Бартрам) [цит. по: Леммерман, 2022].

В советскую эпоху также сложилась уникальная культурная система, изучаемая в русле относительно нового научного направления: феноменология советской культуры [Воробьева, Раскатова, 2009], значимой подсистемой которой является «культура детства», охватывающая весь спектр аксиологических ориентиров и поведенческих установок «в детских сообществах в той или иной конкретно исторической социальной ситуации» [Гаврыш, 2018, с. 88]. Отечественные исследователи выделяют три области «детской культуры»: творчество детей; коммуникация в детской среде и, конечно, игры и игрушки [Гаврыш, 2018]. В данном контексте особый интерес представляет «советская игрушка» как особый «культурный, бытовой, политический и социальный феномен» [Сальникова, Хамитова, 2013, с. 201], как основа советской игровой культуры.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Обзор исследований отечественных специалистов в области советской игровой культуры, которая охватывает как материальные объекты игрового пространства, так и ментально-поведенческие характеристики субъектов игровой деятельности, позволил выделить четыре периода ее становления и трансформации.

1920–1930-е годы

В ранний советский период основное назначение «советской игрушки» заключалось в выполнении идеологической функции «коммунистического воспитания» нового поколения [История советской

игрушки] посредством трансформации сознания детской аудитории за счет вытеснения дореволюционных игровых образов и сюжетов, а также внедрения «советских реалий» в семейные нормы и устои через новые образы игрушек (крестьян, пионеров, комсомольцев и др. [Вычеров, 2018, с. 207]), отвечающих идейно-телеологическим ориентирам молодого советского государства.

Формирование основ советской игровой культуры изначально осуществлялось под строгим надзором со стороны властных органов, игровые товары проектировались и внедрялись в производство в соответствии с государственными требованиями [История советской игрушки, URL]. Были созданы специальные административные структуры, в том числе, Комитет по игрушке при Наркомпросе РСФСР, который контролировал «создание, производство и распространение игрушек, их идеологическое соответствие» [История советской игрушки, URL]. В 1930-е годы. Комитет допустил к производству более 900 наименований игровой продукции, в их числе «посуда, автомобили, животные, револьвер, кукла-пионерка, ружье, пожарные, красноармейцы, кубики» [История советской игрушки, URL].

Особенно жесткой цензуре практически все элементы игрового пространства советских детей подвергались в постреволюционный период 1920-х годов, когда была поставлена цель полного демонтажа игровых и воспитательных традиций Российской империи. Этот общественный процесс иллюстрирует «антирождественская» кампания второй половины 1920-х годов, в рамках которой не только уничтожались дореволюционные елочные игрушки, но и была предпринята попытка отказаться от самой елки, которую советские школьники этого периода изображали «зачеркнутой красным крестом» [Капитонова и др., 2022].

Однако уже 1930-е годы елка вновь становится неотъемлемым атрибутом новогодних праздников, символизирующим счастливое детство советских ребят. А елочные украшения отражают достижения «строителей коммунизма» в различных областях – военной, спортивной, образовательной и др., «советскую» елку украшают фигурки «красноармейцев, милиционеров, спортсменов, колхозников, пионеров» [Капитонова и др., 2022].

В середине–конце 1930-х годов советское руководство смягчает политику и в других сферах игровой культуры, ассортимент игровой индустрии пополняется новыми предметами: атрибуты игры «в дочки-матери» (игрушечная мебель, сервизы, «розовощёкие, упитанные, весёлые» пупсы и др.) [Вычеров, 2018, с. 207]; игры, направленные на воспитание культурно-гигиенических навыков («За здоровый быт», «Новая гигиеническая игра» и др.)

[Сазоненко, 2020]; творческие наборы для создания бытовых предметов («Наборы для шитья», «Самый простой компас», «Украсим елку сами» и др.) [Сазоненко, 2020]; детализированные механические игрушки (электрические железные дороги, модели военной техники и др.) [История советской игрушки, URL]. Игровые атрибуты мирной жизни контрастно стали дополнять игровые предметы военной направленности (оружие, солдатики и др.), а также игровые товары, развивающие спортивные способности и формирующие навыки разведчиков («Кто живет в этих комнатах», «Отыщи на карте», «Загадочные картинки» и др.) [Сазоненко, 2020, с. 404], отражающие процессы военной мобилизации в государственном масштабе.

В целом ассортимент советской игровой индустрии 1930-х годов охватывал практически все составляющие игрового пространства, хотя и формировался на фоне невысокого качества и дефицита игровых товаров. К середине 1930-х годов к производству и распространению были рекомендованы следующие группы игрушек: «моторные», способствующие развитию моторики и органов чувств; «образные» (куклы, представители флоры и фауны и др.) как инструмент идентификации; «сюжетные» (мебель, посуда, бытовые предметы «новой советской действительности») как средство социализации; «технические» (транспортная, военная и строительная техника, конструкторы); «настольные», приучающие к усидчивости и коллективной работе; «веселые» (заводной бычок, кукарекающий петушок и др.), направленные на развитие внимания; «музыкальные» (имитации музыкальных инструментов, музыкальные шкатулки, шарманки, волчки), развивающие музыкальный слух; «театральные» или «пасторальные» (театр петрушек, марионеток, теневой театр), способствующие развитию творческих способностей [Сальникова, Хамитова, 2013, с. 203–204].

Итак, советская игрушка 1920–30-х годов служила одним из «инструментов осуществления государственной пропаганды, с помощью которого в сознание несовершеннолетних внедрялись определённые ценности, такие как интернационализм, патриотизм, трудолюбие» [Вычеров, 2018, с. 209]. Эта функция «советской игрушки» с некоторыми модификациями оставалась неизменной вплоть до распада Советского Союза.

1940–1950-е годы

В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) советская игровая индустрия и, следовательно, культура подверглись разрушительному воздействию:

уничтожение профильных организаций и предприятий, переориентация производства игрушек на военные нужды, привлечение детей и подростков к труду для фронта. Игровые предметы и атрибуты приобрели форму домашней поделки (например, куклы из лоскутков, набитые опилками или паклей [История советской игрушки]). В то же время «военные» игрушки не прекращали выполнение своих основных функций социализации и культурно-политической идентификации [Вычеров, 2018].

В ранний послевоенный период получил распространение «советский» вид детского досуга – игротека, которая появилась еще в 1934 году «как опытная площадка для новых образцов игрушек» [Сальникова, Хамитова, 2013, с. 207]. Игротеки функционировали в различных форматах: прокат игрушек за небольшое денежное вознаграждение; аренда игровых предметов под ответственность руководителей детских коллективов «при условии использования только на территории игротеки или парка»; «фонд игрушек, которые можно было брать на дом» (например, при Институте игрушки); организация летнего детского досуга «под открытым небом» в форме спортивных городков, аттракционов, студий для сюжетных игр [Сальникова, Хамитова, 2013, с. 207]. Игротеки стали временным решением проблемы дефицита игровых товаров и атрибутов для частного использования вследствие подрыва и дестабилизации советской игровой индустрии.

В 1945 – начале 1950-х годов началось восстановление советской игровой промышленности, продолжилось производство основных видов игровой продукции 1930-х годов, в том числе: атрибуты для игр, обучающих практическим навыкам («Юный техник», «Химические опыты» и др. [История советской игрушки, URL]), а также для творческих и сюжетных игр, игрушки-занятия [Гаврыш, 2018], военная (самолеты, лодки, корабли) и строительная техника, куклы, имитирующие советских малышей или представителей различных профессий, модифицированные механические игрушки («героическая», «озвученная» лошадка, металлическая юла, заводные плюшевые животные) и др. [История советской игрушки, URL].

В этот период появляются новые образцы игрушек, в частности, куклы в этнографических костюмах, отражающие культурные особенности народов СССР. В 1955 году они были представлены на международной выставке в Индии как своего рода символ единства и интернациональной дружбы [История советской игрушки, URL].

Победа советского народа в ВОВ нашла свое отражение в советской игровой культуре, которая

воплотила в себе символы «оптимистичного коммунистического будущего, обороны, большого строительства» [История советской игрушки, URL].

Конец 1950-х – 1960-е годов

Становление и развитие советской игровой индустрии в значительной мере были связаны с достижениями советской химической промышленности, так советская игрушка прошла путь «от целлюлозы и резины в 1930-е до пенопласта и хлорвинила в 1960-е» [Портнягина, 2018, с. 26]. Игровая культура стала выражением величайших достижений советского государства и общества, так в число игровых объектов вошли «ракеты, космонавты, самолеты, пилоты» как отклик на освоение космоса и первый полет Ю. А. Гагарина, на елках появляются спортсмены как символ здорового образа жизни, «дрейфующие льдины и полярные станции» как отклик на покорение Арктики [Сальникова, 2011, с. 119].

Несмотря на массовость и дешевизну советской игрушки, для данного периода характерна профессионализация советской игровой культуры. Так, новые игровые модели стали создаваться известными художниками, в их числе Л. Н. Сморгон, Н. Д. Тыркова, Л. С. Разумовский [История советской игрушки, URL]. А «законодателем советской игрушечной моды» становится, открытый в 1957 году московский торговый дом «Детский мир», в котором был представлен практически полный ассортимент игровых предметов и атрибутов, составлявших основу игровой культуры СССР того времени [Лейтнер, 2011].

В 1960-е годы начинается этап «либерализации гендерной политики», оказавший неизбежное влияние на советскую игровую культуру и проявившийся в четком разделении на маскулинные и фемининные игры и игрушки [Сазоненко, 2020]. Для девочек появляются швейные, парикмахерские, медицинские наборы, для мальчиков – милицейские, строительные игровые атрибуты, цель которых заключалась в профориентации советских детей [История советской игрушки, URL]. Профориентирующая тенденция проявилась и в популяризации научно-познавательных игр, таких как «Аэронавтика», «Полный набор по физике» и др. [Лейтнер, 2011].

Основной чертой советской игровой культуры 1960-х годов остается ее «идеологическая заданность», условным выражением которой можно считать советскую елку, украшенную универсальными символами советской культуры, в т.ч. – красной звездой [Сальникова, 2011].

1970–1980-е годы

Игровая культура позднесоветского периода также стала отражением социально-экономических и культурных процессов, происходивших в советском обществе этого периода. Так, массовая автомобилизация проявилась в производстве детализированных моделей советских автомобилей, которые к началу 1980-х годов экспортировались в 40 зарубежных стран [История советской игрушки, URL]. А развитие телевидения спровоцировало рост популярности игрушечных фигурок мультипликационных персонажей, в их числе волк и заяц из «Ну погоди», герои сказок «Золотой ключик, или приключения Буратино», «Про чебурашку и крокодила Гену», «Приключения Чиполлино» [История советской игрушки, URL].

Знаковым событием для развития советской игровой культуры стало становление индустрии игровых автоматов, эра которых в СССР началась в 1971 году, когда в Москве была проведена выставка «Аттракцион-71» с участием крупнейших западных производителей, в частности, из США и Японии [Матвеев, 2017]. Данное мероприятие имело ошеломительный успех, выставку посетило около 2,5 млн человек, а советское руководство приняло решение запустить производство большей части выставочных объектов в СССР, поэтому советские игровые автоматы стали «аналогами западных игровых машин» [Стулов, 2021, URL]. Существенный потенциал советской тяжелой промышленности позволил в короткие сроки наладить массовое производство игровых автоматов, которые в 1974 году появились не только в Москве, но и в других крупных городах СССР [Матвеев, 2017]. Хотя исключительно советских разработок в данной области было совсем немного (например, «Городки», «Конек-горбунок», силомер «Репка» [Матвеев, 2017]), советские автоматы также отличались от западных целым рядом культурных особенностей, в частности, немеркантильным характером (отсутствием денежного вознаграждения за игру) и доступностью для широкой, в том числе детской аудитории.

Немного позднее, в 1980-е годы появился еще один феномен позднесоветской игровой культуры – советские телеприставки и электронные игры, которые стали следствием развития индустрии микрокалькуляторов и персональных компьютеров (ПК) [Муждаба, Царев, 2020, с. 117]. Так, в 1984 г. был разработан «Тетрис», который по сей день остается олицетворением «советской компьютерной игры», получившей не только признание в СССР, но и в мире [Муждаба, Царев, 2020, с. 118]. Советские компьютерные игры также отличались от зарубежных по своему содержанию и направленности, они

носили преимущественно не развлекательный, а развивающий характер, их основная цель заключалась в том, чтобы научить играющего решать сложные алгоритмические задачи.

Однако, несмотря на очевидные достижения советской игровой индустрии в новых областях, в данный период начинается деградация советской игровой культуры, яркой иллюстрацией которой может служить максимальная смысловая редукция советской елочной игрушки, которая стала «бытовой» (однотипные, «внеидеологизированные» шары) и потеряла свою уникальность не только «в форме», но и «в содержании» [Сальникова, 2011, с. 165], ее место стали занимать «аполитичные елочные украшения из ГДР и Чехословакии», в результате чего «история самобытной новогодней игрушки в СССР практически закончилась» [Усачев, 2019].

Аналогичные процессы охватили практически все советское игровое пространство, что привело к «безоговорочной капитуляции» советской игровой индустрии и культуры перед «американской и европейской продукцией» [Лейтнер, 2011].

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВЕТСКОЙ ИГРУШКИ

Советская игрушка на сегодняшний день остается не только одним из наиболее значимых символов советской эпохи, но и представляет существенный исследовательский и практический интерес, поскольку ее функциональный, воспитательный и культурный потенциал (с определенными оговорками) должен быть учтен в ходе развития современной российской игровой культуры.

Безусловно, советская игровая культура в течение всех вышерассмотренных периодов своего развития сталкивалась с социально-экономическими и идейно-политическими препятствиями, в их числе: сырьевые и технологические ограничения, отсутствие необходимого оборудования (измерительного, слесарного инструментария и др.) [Лейтнер, 2011]; нехватка профессиональных квалифицированных кадров (например, около половины сотрудников Научно-исследовательского института (НИИ) игрушки Совета народного хозяйства РСФСР не имели высшего образования [Лейтнер, 2011]); дефицитность и недоступность качественных игровых предметов и атрибутов для широких слоев населения СССР; высокий процент производственного брака [Портнягина, 2018]; не всегда грамотная экономическая политика советского руководства в сфере игровой индустрии, развитие которой зачастую достигалось за счет удешевления продукции, «снижения качества и сужения ассортимента продукции» [Марченко, 2017,

с. 20]; наконец, невысокие эстетические качества «советской игрушки», которая на протяжении всей своей истории по данному параметру проигрывала западноевропейским и американским аналогам [Марченко, 2017].

В то же время образцам советской игровой культуры различных периодов присущи качества, которые могут быть полезны и при разработке современных игр и игрушек.

«Советскую игрушку» всегда отличали функциональность и натуралистичность [История советской игрушки], поскольку она должна была как можно более реалистично отражать советскую повседневность. С одной стороны, это имело негативный эффект, который выражался в недостатке «фантазийности» советской игровой культуры [Лейтнер, 2011]. С другой стороны, советские игрушки, лишенные излишней «надуманности» [Леммерман, 2022], служили эффективным инструментом социализации, инкультурации и профессиональной ориентации для различных поколений советских детей. Например, атрибуты и снаряжение для активных спортивных игр, имитирующие взрослый инвентарь, способствовали физическому развитию и спортивной подготовке ребенка, воспитывали в нем такие качества, как «дисциплинированность, настойчивость, решительность, воля к победе» [Гаврыш, 2018, с. 89–90]. А прагматизм советских компьютерных игр, который выражался в сочетании «образовательных идей и кибернетического дискурса» [Муждаба, Царев, 2020, с. 119], позволял обучать играющих решению сложных алгоритмических задач (заслуживают особого упоминания, например, компьютерные шахматы [Муждаба, Царев, 2020, с. 126]), что способствовало укреплению кадрового потенциала советской науки.

Очевиден и идеологизированный характер «советской игрушки», так, еще в первых выпусках журнала «Советская игрушка» (1935–1939 годы) были перечислены «требования к главным атрибутам детства», в их числе «политичность, четкая классовая принадлежность, соответствие коллективным формам быта» [История советской игрушки, URL].

В то же время предметы и атрибуты советской игровой культуры проецировали «оптимистическое видение» светлого коммунистического будущего [Лейтнер, 2011], которое вселяло чувство надежды, ценности трудолюбия, патриотизма и гордости за Родину, воспитание которых у подрастающего поколения современных россиян представляется исключительно важным в свете конфликтогенности текущего геополитического и геоэкономического контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенные факты и рассуждения позволяют констатировать, что «советская игрушка» может рассматриваться в четырех ракурсах.

Во-первых, как феномен советской культуры. «Советская игрушка» бесспорно представляет собой заметное явление уникальной многоуровневой культурной системы СССР, которое вызывает интерес как в профессиональной среде историков, культурологов, социологов, психологов, политологов, так и среди широкой общественности, в частности, взрослой аудитории потребителей игровых товаров и услуг.

Во-вторых, как символическая репрезентация советской эпохи. Трансформации «советской игрушки» наглядно отражают специфику культурных, политических и социальных процессов на различных этапах истории советского государства. «Советская игрушка» является своего рода олицетворением советских реалий.

В-третьих, как неотъемлемый атрибут «культуры детства» и вместе с тем – значимая составляющая определенного периода в истории России

и других государств постсоветского ареала. Общеизвестно, что как раз в детском и подростковом возрасте происходит идентификация личности с социальными, политическими и культурными институтами, формируется мировоззрение и соответствующие образцы поведения. В связи с этим исследование «культуры детства» позволяет глубже проникнуть в ту или иную историческую эпоху, и советская история – не исключение.

Наконец, в-четвертых, как альтернатива для современной российской игровой культуры, роль которой может быть особенно важной в текущем геополитическом контексте. Учитывая, что современные игровые предметы и атрибуты зачастую не имеют ничего общего с российской действительностью, олицетворяют чуждые для российской ментальности образы, «советская игрушка», которая стала символическим воплощением советского времени, заслуживает особого внимания как в контексте новых перспективных направлений научных исследований, так и в русле формирования современной игровой культуры, отвечающей историческим, культурным, мировоззренческим особенностям российского общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лейтнер Л. А. «Совсем как настоящие...» – игры и игрушки в СССР в 1950–1960-е годы // ИНТЕЛПРОС. 2011. № 3(77). С. 201–215. URL: <http://www.intelpros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-77-32011/print:page,1,10308-sovsem-kak-nastoyashhie-igry-i-igrushki-v-sssr-v-19501960-e-gody.html>
2. Леммерман Е. Почему советские дети умели ценить и беречь свои игрушки // Parents.ru. 2022, 10 января. URL: <https://www.parents.ru/article/pochemu-sovetskie-deti-umeli-cenit-i-berech-svoi-igrushki/>
3. Воробьева А. В., Раскатова Е. М. «Советское» в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2009. № 4. С. 22–28.
4. Гаврыш О. В. Детская игровая повседневность в послевоенные годы (на материале УССР) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 87–92.
5. Сальникова А. А., Хамитова Ж. А. Журнал «Советская игрушка» как источник по истории советского детства 30-х годов XX века // Ученые записки казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Том 155, кн. 3, ч. 1. С. 200–211.
6. История советской игрушки // Монетник.ру. [Б.р.]. URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/antikvariat/sovetskie-igrushki-sssr/>
7. Капитонова И. [и др.]. От ангелов до Красной Армии: история советской елочной игрушки // Капитонова И., Костина А., Пирожков К., Смирнова А. Своими словами. 2022, 14 января. URL: <https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/news/552371931.html>
8. Вычеров Д. В. Советские игрушки как инструмент воспитания «нового» человека (1930-е – вторая половина 1940-х гг.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. 2018. Том 2. С. 206–210.
9. Сазоненко М. А. Гендерный аспект в детской игровой культуре советской эпохи на примере детских журналов (1920–1980 годы) // История советской культуры и искусства. 2020. № 1. С. 393–412.
10. Портнягина М. Голь и выдумка // Огонёк. 2018, 10 сентября. № 34. С. 26.
11. Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали новогоднюю елку. М.: НЛО, 2011.
12. Матвеев О. Геймерская культура в СССР. Как появились и почему пропали советские игровые автоматы // Мослента. 2017, 3 июня. URL: <https://moslenta.ru/istoriya/geimerskaya-kultura-v-sssr.htm>

13. Стулов М. Первые советские роботы. Кто и как развлекал нас в СССР? // Вестник. Город. 2021, 27 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/pervie-sovetskie-roboti-kto-i-kak-razvlekal-nas-v-sssr>
14. Муждаба А. Д., Царев А. О. Воспитание «Тетрисом»: к идейным основам советской компьютерной игры // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 114–141.
15. Усачев М. Легенды советской торговли: елочные игрушки // Retailer. 2019, 29 декабря. URL: <https://retailer.ru/legendy-sovetskoj-torgovli-elochnye-igrushki/>
16. Марченко М. А. На стыке культур. Игрушка СССР 1920–1930-х годов // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3. С. 15–20.

REFERENCES

1. Ljojtner, L. A. (2011). «Sovsem kak nastoyashchiye...» – igrы i igrushki v SSSR v 1950–1960-e gody = “Just like the real ones...” – games and toys in the USSR in the 1950s–1960s. INTELROS, 3(77), 201–215. 4 July. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-77-32011/print:page,1,10308-sovsem-kak-nastoyashhie-igrы-i-igrushki-v-sssr-v-19501960-e-gody.html> (In Russ.)
2. Lemmerman, E. (2022). Pochemu sovetskiye deti umeli tsenit' i berech' svoi igrushki = Why did Soviet children know how to value and take care of their toys. Parents.ru, 10 January. <https://www.parents.ru/article/pochemu-sovetskiye-deti-umeli-cenit-i-berech-svoi-igrushki/> (In Russ.)
3. Vorobieva, A. V., Raskatova, E. M. (2009). «Sovetskoye» v postsovetskom kul'turnom prostranstve: strukturno-tipologicheskii aspekt = “Soviet” in the post-Soviet cultural space: structural and typological aspect. Vestnik humanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tehnologicheskogo universiteta, 4, 22–28. (In Russ.)
4. Gavrysh, O. V. (2018). Children's daily life play in the post-war years (based on the material of the Ukrain SSSR). Baltic Region Humanitarian and social sciences, 2, 87–92. (In Russ.)
5. Salnikova, A. A., Khamitova, Zh. A. (2013). Zhurnal «Sovetskaya igrushka» kak istochnik po istorii sovetskogo detstva 30-h godov XX veka = “Sovetskaya Igrushka” Magazine as a Source on the History of Soviet Childhood in the 1930s. Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Humanities, 155, 3(1), 200–211. (In Russ.)
6. Istoriya sovetskoj igrushki (Б/г). Monetnik.ru. <https://www.monetnik.ru/obuchenie/antikvariat/sovetskie-igrushki-sssr/> (In Russ.)
7. Vycherov, D. V. (2018). Sovetskiye igrushki kak instrument vospitaniya «novogo» cheloveka (1930-e – vtoraya polovina 1940-kh gg.) = Soviet toys as a tool for educating a “new” person (1930s – second half of the 1940s). Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Vol. 2, (pp. 206–210): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
8. Kapitonova, I. et al. (2022). Ot angelov do Krasnoy Armii: istoriya sovetskoy yelochnoy igrushki = From angels to the Red Army: the history of the Soviet Christmas decoration / I. Kapitonova, A. Kostina, K. Pirozhkov, A. Smirnova. Svoimi slovami, 14 January. <https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/news/552371931.html> (In Russ.)
9. Sazonenko, M. A. (2020). The gender aspect of children's play culture in the Soviet Union using an example of children's magazines (1920–1980s). Istoriya sovetskoj kul'tury i iskusstva, 1, 393–412. (In Russ.)
10. Portnyagina, M. (2018). Gol' i vydumka = Poverty and fiction. Ogonjok, 10 September, 34, 26. (In Russ.)
11. Salnikova, A. (2011). Istoriya yelochnoy igrushki, ili Kak naryazhali novogodnyuyu yelku = The history of the Christmas tree toy, or How the Christmas tree was decorated. Moscow: NLO. (In Russ.)
12. Matveev, O. (2017). Geymerskaya kul'tura v SSSR. Kak poyavilis' i pochemu propali sovetskiye igrovyye avtomaty = Gaming culture in the USSR. How did Soviet slot machines appear and why did they disappear? Moslenta, 3 June. <https://moslenta.ru/istoriya/geimerskaya-kultura-v-sssr.htm> (In Russ.)
13. Stulov, M. (2021). Pervyye sovetskiye roboty. Kto i kak razvlekal nas v SSSR? = The first Soviet robots. Who and how entertained us in the USSR? Vedomosti. Gorod, 27 October. <https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/pervie-sovetskie-roboti-kto-i-kak-razvlekal-nas-v-sssr> (In Russ.)
14. Muzhdaba, A. D., Tsarev, A. O. (2020). Vospitanie «Tetrisom»: k ideynym osnovam sovetskoj komp'yuternoy igrы = Nurture by “Tetris”: On the Ideological Foundations of the Soviet Computer Game. Sociology of Power. Vol. 32, 3, 114–141. (In Russ.)
15. Usachev, M. (2019). Legendy sovetskoy trgovli: yelochnyye igrushki = Legends of Soviet trade: Christmas decorations. Retailer, 29 December. <https://retailer.ru/legendy-sovetskoj-torgovli-elochnye-igrushki/> (In Russ.)
16. Marchenko, M. A. (2017). Na styke kul'tur. Igrushka SSSR 1920–1930-kh godov = At the intersection of cultures. USSR toy 1920–1930s. Society. Environment. Development, 3, 15–20. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коровникова Наталья Александровна

кандидат политических наук

ведущий научный сотрудник отдела экономики

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korovnikova Natalia Aleksandrovna

PhD (Polit. Sci.)

Leading Researcher of the Department of economics

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.02.2023
22.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Семиотика городского ландшафта Памяти профессора Пьера Пеллегрини

О. А. Лавренова

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
 olgalavr@mail.ru*

Аннотация. В 2022 году покинул этот мир профессор Пьер Пеллегрини (Лозанна, Швейцария), романтик и пассионарий, специалист в области семиотики и теории архитектуры, талантливый ученый и организатор науки, руководитель Международной ассоциации семиотики пространства и времени (IASSp+T). Он один из первых исследовал семиотику городской архитектуры и городского пространства. Поэтому современные исследования городской семиотики неотъемлемо связаны с его научным наследием. Пьер Пеллегрини разработал наиболее популярные концепции осмысления города как знаковой системы – «чувство места» (чувственное восприятие) и «город как текст» (ментальное восприятие).

Ключевые слова: Пьер Пеллегрини, город, семиотика, чувство места, текст, городские исследования

Для цитирования: Лавренова О. А. Семиотика городского ландшафта. Памяти профессора Пьера Пеллегрини // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 168–173. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_168

Original article

Urban Semiotics. In Memory of Professor Pierre Pellegrino

Olga A. Lavrenova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 olgalavr@mail.ru*

Abstract. In 2022, Professor Pierre Pellegrino (Lausanne, Switzerland), romantic and passionate, specialist in semiotics and theory of architects, talented scientist and organizer of science, head of the International Association of Space and Time Semiotics (IASSp+T), left this world. He was one of the first to explore the semiotics of urban architecture and urban space. Therefore, modern studies of urban semiotics are inherently connected with his scientific heritage. The most popular concepts of understanding the city as a sign system are “sense of place” (sensory perception) and “the city as a text” (mental perception).

Keywords: Pierre Pellegrino, city, semiotics, sense of place, text, urban studies

For citation: Lavrenova, O. A. (2023). Urban Semiotics. In memory of Professor Pierre Pellegrino. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 168–173. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_168

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика семиотики городской архитектуры и городского пространства неразрывно связана с именем талантливого швейцарского ученого Пьера Пеллегрино (1947–2022), архитектора, влюбившегося в семиотику и служившего ей до конца жизни. Он был одним из активных членов Международной ассоциации семиотических исследований (IASS-AIS), был близко знаком с ее генеральным секретарем и позже почетным президентом Умберто Эко и позднее неоднократно вспоминал о своих оживленных дискуссиях с ним. Пеллегрино был талантливым преподавателем и был профессором Женевского университета и Национального Института прикладных наук в Страсбурге. Он был страстным организатором науки: он основал Центр исследований архитектуры и архитектуроведения (CRAAL) в Женеве и Международную ассоциацию семиотики пространства и времени (IASSp+T). Пьер Пеллегрино был главным редактором созданного им международного журнала «Environment, Land, Society, Architectonics» (ELSA) (<http://icar-elsa.ch>) и директором сборников «Economica / Anthropos» (Париж). Профессор Пеллегрино был одним из составителей сборников «Смысл пространства» («Le sens de l'espace») в издательстве Economica / Anthropos в 4 томах: «Время и место» (2000), «Городская динамика» (2000), «Грамматики и фигуры протяженности» (2003), «Архитектурный проект» (2007) [Леви, 2022]. В последние годы жизни он подготовил три тома энциклопедии «L'Architecture du Sens. Sémiotique de l'Espace» (ELS A&S), полный текст которой доступен на его странице на популярном сайте международного научного сообщества ResearchGate (www.researchgate.net).

В 2022 году профессор Пьер Пеллегрино покинул этот мир, за несколько лет до этого передав мне руководство IASSp+T, и это исследование я посвящаю его памяти.

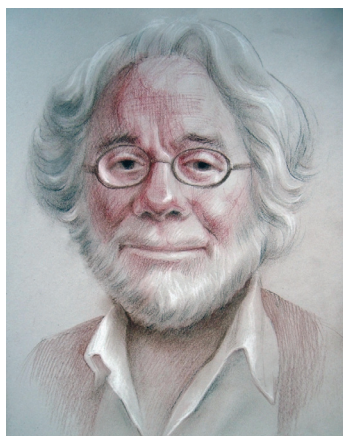

Рис. 1. Леонид Чертов. Портрет Пьера Пеллегрино

СЕМИОТИКА ГОРОДА

Проблема территориальной идентичности, поднимаемая в междисциплинарном контексте уже не один десяток лет, сопряжена с проблемой природы связи человека и места. Осмысливается ландшафт как таковой и методы его прочтения [Lewis, 1983; Harvey, 1985; Lowenthal, 1985 и др.], а также значение архитектурных форм, конструирующих и заполняющих пространство города [Espaces..., 1983].

Одна из граней данной проблемы – чувственное восприятие, которое в контексте семиотики рассматривается как формирование смысла места через его осознание, идентификацию. В этом отношении можно рассматривать и проблему «своего» и «чужого» и/или «другого» – форматирования пространства согласно социальным структурам (или наоборот упорядочивание социальной реальности при помощи пространственных форм).

Несмотря на популярность в современной гуманитаристике базовой метафоры ризомы (бесконечно ветвящегося корневища), Пьер Пеллегрино предпочитал метафору не ветвящейся древовидной иерархии, а пространства, равно как и общества [Пеллегрино, 2020]. Он полагал, что универсальная иерархия наиболее эффективна в структурировании, понимании, интерпретации реальности, но признавал, что никакая иерархия не может ее исчерпывающе объяснить, впрочем, как и любая модель.

Поиск и вычленение структур в пространственной реальности в какой-то мере связывает их с лингвистическими структурами в попытке понять «грамматику» и «синтаксис» их взаимодействия в ландшафте. Это отсылает нас к иной исследовательской метафоре, которая весьма распространена в современной урбанистике и гуманитарной географии – «город-как-текст».

Подобно физикам и лирикам, архитекторы и гуманитарии по-разному воспринимают семиотику городского пространства, по-разному определяют направления семиозиса, которые в свою очередь предполагают возникновение «ощущения», «чувства» места, возникновение его смыслов. Пьер Пеллегрино был ярким представителем школы теории архитектуры, и его семиотические студии глубоко укоренены в парадигме, которая стремится декодировать форму. Здесь вспоминается Греймас, который считал, что задачей семиотики пространства является понимание разноразмерных структур и связи форм выражения с формами содержания [Greimas, 1979]. Проблемы недифференцированного пространства вообще и проявленного, материального пространства, освоенного людьми, «экстериоризации бытия и интериоризации действия» [Пеллегрино, 2020,

с. 16], проблемы взаимодействия в пределах знака «формы выражения» и «формы содержания», за пределами которых остается «субстанция» или «материал» того и другого (Луи Ельмслев), конечно, представляют собой фундаментальный уровень семиотики пространства, и Пьер Пеллегрино уделял немало внимания этим вопросам. Но опять же Пеллегрино в его фундаментальных исследованиях всегда была присуща точка зрения архитектора, заключающего недифференцированную пустоту в жесткий фрейм материальных форм, создающего из камней нечто большее – «тишину и прохладу храма», как писал А. де Сент Экзюпери [Экзюпери, 1994, с. 66].

«Бытие, состоящее из материи и формы, – писал Пеллегрино, – является всеобщим постольку, поскольку оно не оформлено в конкретную материю и время, оно рассматривается в абсолютной материальности независимо от того, какие формы оно может принимать в данный момент. Проявлением универсального пространства является не эта конкретная территория, а такая, которая может получить определение человеческого пространства; не этот камень или это дерево, а то, что может быть сделано из камня или дерева в архитектуре в принципе. То, чем является эта территория или это здание, не есть ни материя, ни форма по отдельности, но взятые вместе они связываются друг с другом уникальным образом, одно относится к другому как одно из условий его возможности среди всеобщих форм проявления пространственности» [Пеллегрино, 2020, с. 16].

С точки зрения географа, принимающего за отправную точку земную поверхность, освоенное людьми пространство «вписывается» в изначально дифференцированное пространство – географическое. И социум вынужден создавать формы, которые будут технически и эстетически обусловлены природным ландшафтом. В болотистой местности необходимо строить дома на сваях, в горной – использовать скальную породу и как фундамент, и как одну из стен и т. п. Природные материалы (дикий камень, мрамор, гранит) и имеющиеся в данной местности красители (известь, охра) определяют колористику поселений, которая, конечно, существенно меняется по мере усовершенствования технических средств, производства конструкционных материалов и международной торговли. И в этом изначально дифференцированном пространстве создаются новые смыслы, которые связаны не столько с архитектурной формой, сколько с историей, культурой, политикой и идеологией, которые создают символический ландшафт, в том числе и городской ландшафт [Cosgrove, 1984].

Впрочем, Пеллегрино признавал, что в пространственной семиотике выразительность связана с субстанцией внешней формы (вместилища) и ее влиянием на субстанцию содержимого. «Тишина и прохлада храма» создается внешней формой, но по смыслу она больше, чем камни, организованные в строение. И она более текучая и подвижная, чем камни храма. И она может быть уничтожена (или инвертирована), когда храм перестает использоваться по своему назначению.

Разграничивая различные типы пространства города, Пеллегрино выделяет *пространство объектов* и их действий (непосредственное соприкосновение с реальностью отдельного человека – чаще всего офис, рабочее место), *центрированное пространство* – «пространство проекции интересов субъекта на объективность эмпирически данной ему реальности» [Пеллегрино, 2020, с. 21] (минимальное личное пространство), *пространство отношений* – публичное универсальное пространство. Это знаковые модальности, которые структурируют частную жизнь и публичность, на универсальность и сингулярность в городе.

Еще одна классификация пространственной организации, разработанная им: «сюжетная (композиция и декомпозиция мест); иконическая (сходства и различия между объектами и местами); квантовые (числовые и метрические величины); и органические (формальные и функциональные атрибуты местоположения). Таким образом, каждая позиция в определенном месте актуализируется двумя противоположными модусами» [Pellegrino, 2006, с. 600]. Эти четыре способа пространственной организации создают свои значения и смыслы, определяемые вышеуказанной дихотомией. Планировка города и ее особенности (центрированность, регулярность, форма) обычно не видна обывателю или туристу, находящемуся на улице. Для этого необходим взгляд сверху, как отмечал Ролан Барт в классическом очерке о значении Эйфелевой башни в городской мифологии [Barthes, 1984]. Структура сама по себе становится смыслом. В городе есть места чрезвычайной значимости – места отправления обрядов, святые места, места народной памяти, а также популярные места, места, где играет живая музыка, места, где традиционно проходят митинги, места, где обитают бомжи и наркоманы и т. п.

В структуре города обязательно должны сочетаться места плотной застройки и парки и сады, где пространство как бы отдыхает, но от этого оно не менее насыщено смыслами. Подробно семантика и практики «чтения» садов и парков рассматривались филологом и культурологом Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1998]. Как правило, сады и парки являются знаковыми местами города – локусами

городского пространства, обладающими особыми значениями и смыслами, формирующими семиотическое «тело» города и существующими в узком фрейме близлежащих городских кварталов.

Как объект, наделенный функциональностью, здание является семиотическим объектом визуального метадискурса, объясняющего намерения его создателя, которые доминируют над формами его содержания и его выражения. Смотри на город глазами архитектора, Пеллегрино определяет дизайн и композицию здания как означающее (в паре «означающее–означаемое»). Означаемым в этой паре становится замысел создателя и проектировщика. Значимыми элементами выступают ритмы. «Акценты задаются полярной оппозицией полный / пустой; качествами объекта, такими как стена / проем или колонна / интервал; качествами формы, такими как выпуклость / вогнутость или объемный/плоский; и по качествам материала, таким как шероховатость / полированность или непрозрачность / прозрачность. <...> Фигуративные мотивы также могут вносить свой вклад в смысл произведения, нарушая его согласованность, после чего они переносят в самую сердцевину композиции дискуссию, которая следует по пути ее полярностей» [Pellegrino, Jeanneret, 2009, с. 276].

Восприятие архитектуры может осуществляться как путем понимания вложенных в конкретные визуальные объекты смыслов и условностей, определяющих иерархическую упорядоченность пространства, так и путем разрушения традиционных кодексов «чтения» здания – создания новых интерпретаций архитектуры.

«Очеловеченное» пространство, культурный ландшафт города, неизбежно имеет свои перепады смыслов, которые воспринимаются как «силовые линии», позволяют ощущать город как напряженное силовое поле. «Членения протяженности, производимые социальным пространством, не все включены в одну и ту же изотопию. Изотопии переплетаются в соответствии с силовыми линиями, возникающими при взаимодействии между локальностями. Социальная энергия регулируется в пространственной организации, которая разграничивает и связывает пространства центра с пространствами периферии, коллективные пространства с индивидуальными пространствами, общественные пространства с личными пространствами» [Пеллегрино, 2020, с. 20]. *Изотопия* – концепция, введенная Греймасом, означает, что для единообразного восприятия и интерпретации информации необходим общий уровень знакомства с основным значимым признаком (семой), возникающим благодаря его повторяемости и избыточной совокупности семантических категорий.

Соответственно, изотопии могут быть разные (например, коммуникативное пространство создателей граффити почти не пересекается со смыслами места сообщества краеведов).

В противовес изотопии, группа преподавателей Льежского университета (Бельгия), известные как «Группа Мю», ввела термин «аллотопия» – несовместимость интерпретаций основных смысловых черт (сем). Пьер Пеллегрино вводит в область семиотики пространства также термин «диатопия», который также был позаимствован у лингвистов и изначально относился к изменению лингвистических фактов в пространстве, например, диалектные языки. Пеллегрино определяет диатопию как взаимодействие текста и контекста: «...в отличие от пустого, монотопического пространства, которое можно определить как отсутствие тела «другого», пространство генезиса конкретных мест закладывает свои основы в диатопии между текстом и контекстом. Контекст является для текста местом аллотопии; он формируется из других текстов, которые существуют не без проецирования диатопией образов окружения, сконструированных где-то в другом месте. Диатопия семиосферична, это соединение диалектики единого и множественного. Но это соединение создается прежде всего на окраине или разрыве, на периферии территорий, где масштабы и свойства субстанции позволяют получать аномалии и исключения...» [Пеллегрино, 2020, с. 25–26].

Как видим, аллотопия, новые смыслы, противоречащие изначальному, возникают в культурном контексте, который начинает влиять на семиотическую систему, созданную замыслом архитекторов и градостроителей, которая может рассматриваться как текст. Или как основа текста, поскольку новые смыслы создают постоянно меняющуюся и вибрирующую ткань значений – интертекст, по определению Юлии Кристевой.

По Ю. Лотману, текст выполняет функции адекватной передачи информации, культурной памяти и генератора новых смыслов, т. е. генерация новых смыслов имманентна градостроительной и архитектурной основе организации пространства. (Творчески симптоматично, что некоторые архитектурные формы именно благодаря своей неповторимости становились значимыми элементами архитектурного ландшафта – Башни Близнецы в Нью-Йорке, Синий Зуб на юго-западе Москвы и проч.) Каждый ландшафт хранит информацию в своих материальных и нематериальных проявлениях, ее необходимо считывать и интерпретировать адекватно, чтобы ориентироваться, выстраивать маршрут и т. п. Эта информация, будучи востребованной и переосмысленной, может провоцировать новые процессы

семиозиса, результаты которого опять же будут запечатлены и зафиксированы в пространстве.

Основные элементы семиотической системы города связаны, прежде всего, с прагматикой и нейропсихологией – возможностью считывать информацию и ориентироваться в пространстве по определенным явным (вроде таблички «выход») и латентным знакам. Еще одна важная система, позволяющая сознанию плавно, без стрессов, перетекать из одной зоны города в другую – универсалии градостроительного языка (верх–низ, право–лево, вход–выход, окно–дверь и т. п.). Третья система – базовые коды культуры, которая превращает любой текст в реализацию этого кода и в упаковку информации.

Архитектура города – это застывшие в пространстве и времени концепции стилей культурных эпох, умеющие говорить с теми, кому знаком этот язык. «Стиль – это инструмент концепции, который с точки зрения выражения обрамляет и измеряет то, что возникает, и обретает форму в содержании» [Pellegrino, Jeanneret, 2009, с. 281].

И конечно, все это великолепие смыслов теряет свое значение и предназначение, если не будет того, кто их может понять, прочесть, интерпретировать, заново пересоздать. Город всегда обращен внутрь – к своим жителям и гостям, которые в идеале в равной степени могут понять и оценить

смыслы, вложенные в архитектурные формы, и смыслы, созданные культурой обитателей этого города на протяжении веков.

Без читателя текст теряет свою главное предназначение – передачу информации. Дмитрий Лихачев возводил процесс «чтения» ландшафта в онтологическую степень. Читатель, способный выразить словами результат прочтения – поэт, прозаик (блогер в современных реалиях) становятся выразителями и неотъемлемой частью бытия текста, который без их участия говорит молча [Лихачев, 1998].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, теория и семиотика архитектуры и городских исследований была существенно дополнена благодаря научному наследию швейцарского ученого Пьера Пеллегрино. Он развивал преимущественно теоретический подход к архитектуре, опирающийся на дихотомии формы и содержания, непроявленного и материализованного проявленного пространства. Данный метод достаточно гармонично дополняет, и можно сказать, является приквелом к исследованиям городского пространства как текста – как семиотической системы, созданной культурой, политикой, идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леви А. Пьер Пеллегрино (1947–2022). Памяти друга и попутчика // Вестник культурологии. 2022. № 2. С. 235–237.
2. Lewis P. Learning from Looking: Geographic and Other Writing about the American Cultural Landscape // *Artiericati Quarterly*. 1983. Vol. 35 (3). P. 242–261.
3. Harvey I. *Consciousness and the Urban Experience*. Oxford: Blackwell, 1985.
4. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1985.
5. *Espaces et culture* / ed. by P. Pellegrino. St. Saphorin: Georgi, 1983.
6. Пеллегрино П. Семиотика пространства: гетеротопия и значение места // *Человек: образ и сущность*. 2020. № 1. С. 11–28. DOI: 10.31249/chel/2020.01.01
7. Greimas A.J. Pour une sémiotique topologique // *Sémiotique de l'espace* / ed. Jean Zeitoun. Paris: Dunod, 1979. P. 11–43.
8. Экзюпери А. де Сент. Сочинения в 2 т. Т. 2. Цитадель. М.: Согласие, 1994.
9. Cosgrove D. E. *Social Formations and Symbolic Landscape*. London: Croom Helm, 1984.
10. Pellegrino P. Space: Semiotics // Brown K. (Editor-in-Chief). *Encyclopedia of Language & Linguistics*, Second Edition. Vol. 11. Oxford: Elsevier, 2006. P. 599–601.
11. Barthes R. The Eiffel Tower // *The Eiffel Tower and other Mythologies* / Trans. R. Howard. New York: Hill & Wang, 1984. P. 3–18.
12. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, Типография «Новости», 1998.
13. Pellegrino P., Jeanneret E. P. Meaning of space and architecture of place // *Semiotica*. 2009. Vol. 175-1/4. P. 269–296. DOI 10.1515/semi.2009.049.

REFERENCES

1. Levi, A. (2022). Pier Pellegrino (1947–2022). In memory of a friend and fellow traveler. Herald of Culturology, 2, 235–237. (In Russ.)
2. Lewis, P. (1983). Learning from looking: Geographic and other writing about the American cultural landscape. Artiericati Quarterly, 35(3), 242–261.
3. Harvey, I. (1985). Consciousness and the urban experience. Oxford: Blackwell.
4. Lowenthal, D. (1985). The past is a foreign country. Cambridge, England: Cambridge University Press.
5. Pellegrino, P. (ed.) (1983). Espaces et culture. St. Saphorin: Georgi.
6. Pellegrino, P. (2020). The Semiotics of Space: Heterotopy and the Meaning of Place. Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 1, 11–28. 10.31249/chel/2020.01.01 (In Russ.)
7. Greimas, A. J. (1979). Pour une sémiotique topologique. In Zeitoun, J. (ed.), Sémiotique de l'espace (pp. 11–43). Paris: Dunod.
8. Saint-Exupéry, A. de. (1994). Sochineniya = Essays (vol. 2. Citadel'): in 2 vols. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
9. Cosgrove, D. E. (1984). Social formations and symbolic landscape. London: Croom Helm.
10. Pellegrino, P. (2006). Space: Semiotics. In: Brown, K. (ed.), Encyclopedia of Language & Linguistics (vol. 11, pp. 599–601). Second Edition. Oxford: Elsevier.
11. Barthes, R. (1984). The Eiffel tower. In: The Eiffel tower and other mythologies (pp. 3–18), trans. by R. Howard. New York: Hill & Wang.
12. Lihachev, D. S. (1998). Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilej. Sad kak tekst = Poetry of gardens. On the semantics of Garden and Park styles. Garden as text. Moscow: Soglasie, Tipografiya «Novosti».
13. Pellegrino, P., Jeanneret, E. P. (2009). Meaning of space and architecture of place. Semiotica, 175(1/4), 269–296. 10.1515/semi.2009.049.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна

кандидат географических наук, доктор философских наук

ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам

Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenova Olga Aleksandrovna

PhD (Geography), DSc (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.02.2023
24.03.2023
27.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (873)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 5 (873)**

Ответственные редакторы выпуска

М. В. Томская
кандидат филологических наук, доцент
М. Б. Раренко
кандидат филологических наук

Executive editors

M. V. Tomsкая
PhD (Philology), Associate Professor
M. B. Rarenko
PhD (Philology)

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor V. A. Geronimus
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 01.07.2023
Усл. печ. л. 21,8. Формат 60х90/8
Заказ № 37/23

Signed for print: 01.07.2023
Conventional printed sheets: 21,8. Layout format 60x90/8
Order 37/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».